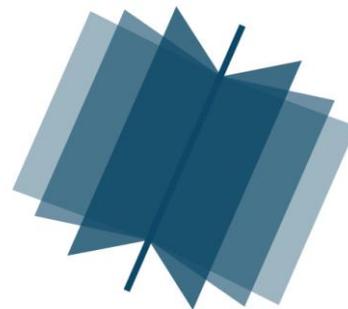

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№8 (50) 2016
Часть 4
Август**

Подписано в печать 18.08.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26150
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам ЛШ заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии СС поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ДИСЦИПЛИН	6
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАПРАВЛЕНИЯ.....	8
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ДЕРЕВА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	11
ВЛИЯНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТОНКОСТЕННЫХ ХОЛОДНОГНУТЫХ ПРОФИЛЕЙ НА АРХИТЕКТУРУ БЫСТРОВЗВОДИМЫХ ЗДАНИЙ.....	15

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

УРОКИ «ИСЦЕЛЯЮЩЕЙ ВАМПИЛОВСКОЙ ГЛУБИНКИ» НА ПРИМЕРЕ СПЕКТАКЛЯ «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ».....	19
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТВОРЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

ENHANCING INTERCULTURAL NEGOTIATIONS – COGNITIVE-AFFECTIVE-VALUE INDUCED APPROACH.....	27
СЕМИОТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	30
ЗВУКОЗАПИСЬ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	33

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ МОТИВЫ К ТРУДУ, ПОТРЕБНОСТИ И ОЖИДАНИЯ ДЕФИЦИТНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ	36
МЕДИАДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ..	38
СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	38
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА И ИХ РОДСТВЕННИКАМ	43
КРИТЕРИИ НОРМАЛЬНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СЕМЬЯХ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	48
ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ.....	52
СТРАТЕГИИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ДЛИТЕЛЬНЫМ СРОКАМ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЗЛОСТНЫМИ НАРУШИТЕЛЯМИ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ	55
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ОБРАЗА ЖИЗНИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ.....	58
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ	61

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

УТВЕРЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МЕТАФИЗИКИ	63
ПРИНЦИПЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ ВСЕЛЕННОЙ.....	66
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННУЮ КУЛЬТУРУ	69
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ.....	71
ДЕФИНИЦИИ ИГРЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....	73
ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	77
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА.....	79

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.096

Булгакова Е.А.¹, Буркин В.П.²

¹ORCID: 0000-0001-5644-344X, Кандидат архитектуры, доцент,

²ORCID: 0000-0001-7494-0386, Кандидат географических наук,

Государственный университет по землеустройству(ГУЗ), Москва

**ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД
ПРЕПОДАВАНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Аннотация

В публикации представлены материалы, раскрывающие усилия по внедрению дистанционных методов образования в технологию обучения архитекторов, в процессе разработки комплексного подхода, направленного на интеграцию интерактивных приемов освоения архитектурной специальности в традиционную методику, что является средством интенсификации образовательного процесса.

Ключевые слова: интерактивное обучение, дистанционные образовательные технологии, творческая деятельность.

Bulgakov E.A.¹, Burkin V.P.²

¹ORCID: 0000-0001-5644-344X, PhD in Architecture, Associate Professor,

²ORCID: 0000-0001-7494-0386, PhD in Geography,

State University of Land Use Planning

**DISTANCE EDUCATION TECHNOLOGIES AS AN INNOVATIVE METHOD OF TEACHING
ARCHITECTURAL DISCIPLINES**

Abstract

The publication contains materials that reveal efforts to introduce distance education techniques in technology training of architects in the process of developing a comprehensive approach aimed at the integration of interactive methods of development of architectural profession in the traditional technique, which is a means of intensification of the educational process

Keywords: interactive learning, distance education technologies, creative activity.

На сегодняшний день дистанционные технологии являются одним из перспективных направлений в обучении, внедрение которых является частью государственной программы развития образования РФ и рассматривается как один из эффективных инструментов инновационного образования. На кафедре архитектуры Государственного университета по землеустройству идет процесс разработки комплексного подхода, направленного на обучение студентов архитектурной профессии, путем интеграции интерактивных приемов освоения специальности в традиционную методику, что является средством интенсификации образовательного процесса[1].

И одним из новых элементов интеграции является набирающее обороты электронное обучение и использование дистанционных образовательных технологий. Применение электронного обучения оказывает значительное влияние на все компоненты учебного процесса, изменяя характер, место и методику совместной деятельности преподавателя и студента.

Кроме того, обеспечение реализации федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения (ФГОС 3), выдвигает ряд требований к образовательной среде вуза. На сегодняшний день, обязательным является создание электронной информационно-образовательной среды, обеспечивающей, кроме всего прочего, проведение всех видов занятий и процедуру оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Исходя из новых направлений инновационного образования и учитывая востребованность дистанционных методов преподавания в технологии интерактивного обучения, в рамках специализации архитекторов указанные тенденции конкретизируются и отражаются в методике подготовки обучающихся.

На этапе освоения новых технологий преподаватели переносят в дистанционное обучение дидактику и методику традиционного, хотя содержание педагогической деятельности в новой образовательной среде, безусловно, отличается от традиционной.

В первую очередь, на смену стандартным контактными занятиями приходят «инфокоммуникационные» занятия. Для проведения таких занятий должны быть разработаны электронные учебные ресурсы, представляющие собой продукт совместной деятельности преподавателей, выступающих в роли разработчиков и программистов, создающих оболочку для нового ресурса[4].

Поэтому создание инновационной, принципиально отличной образовательной среды возможно только на основе средств телекоммуникаций.

В первую очередь это разработка новой методики обучения в электронной образовательной среде, где все адаптировано к обучаемому, заложен процесс индивидуализации обучения и разработана методика оптимального усвоения знаний путем перестройки образовательной среды к индивидуальным возможностям студента.

Создание электронной информационной образовательной среды в ВУЗе, прежде всего, потребует разработки так называемых интеллектуальных образовательных роботов (это лекции с обратной связью, супертьюторы, адаптивные тест-тренинги) применительно к специфике преподавания архитектурных дисциплин.

Иными словами, требуется разработать интерактивные обучающие методики (в виде компьютерных программ), позволяющие применить систему асинхронного консультирования студентов посредством сетей связи и реализовать эту концепцию в виде совокупности программных и технических средств образовательной среды.

Таким образом, доступность дистанционного учебного содержания позволит создать инновационную образовательную среду на основе средств телекоммуникации, дающую массу преимуществ при освоении программы, среди которых: возможность обучаться по выбору, т. е. предоставить широкий выбор элективных курсов, реализуемый за счет возможности составления индивидуальных учебных планов студентов; доступность масштабного научного и учебного ресурса; освоение студентами современных информационных технологий и оборудования, максимально приближенных к тем, с которыми они столкнутся в своей профессиональной деятельности; непрерывный контроль (мониторинг) качества усвоения знаний; объективная оценка результатов обучения студентов, обеспечиваемая интеллектуальными (компьютерными) роботами.

Большим плюсом также является индивидуальный подход в обучении, который при создании современной электронной среды позволит сделать более гибким график занятий, обеспечит возможность совмещения студентом обучения и работы за счет составления индивидуальных графиков и индивидуального расписания; адаптивность используемых в процессе обучения учебных продуктов (слайд-лекций, обучающих компьютерных программ и пр.) к индивидуальному темпу усвоения знаний[4].

Исходя из вышесказанного, становится понятно что, внедрение дистанционных образовательных технологий в учебный процесс, позволит и ВУЗу стать конкурентно способным на рынке образовательных услуг.

Несмотря на очевидные плюсы электронного обучения для современного образовательного процесса, система подготовки архитекторов, имеет ряд специфических черт, не вписывающихся в канву обучения «для всех».

Традиционно архитектурное образование строилось по принципу непосредственной передачи знаний, умений и навыков от учителя к ученику, но сегодняшняя тенденция на самостоятельное получение знаний и отработку полученных навыков и умений без непосредственного включения в этот процесс преподавателя, становится одним из основных элементов в соответствии с требованиями ФГОС.

При традиционном процессе обучения архитектурному проектированию, в виде консультации, преподаватель имеет необходимую для обучения обратную связь сразу же, а как это сделать дистанционно и без преподавателя? В какой мере должны включаться интерактивные фрагменты, позволяющие преподавателю подключиться, не показывая как «карандаш ложится на бумагу», но вступая в непосредственную коммуникацию посредством технических средств [5]

Безусловным положительным моментом технологии электронного образования является возможность обучить большее число студентов, территориально разобщенных, но проблема состоит в том, что не понятно, как и за счет чего индивидуальные компетенции должны быть отделены от преподавателя. На сегодняшний день, вопросы возможности обучения творческим дисциплинам с использованием электронного образования остаются открытыми, поскольку они касаются области дистанционного освоения тех разделов профессионализма, которые никогда не транслировались отдельно от преподавателя, являясь его индивидуальной квалификацией которая и передавалась во время консультации по архитектурному проектированию[4].

Остаются без ответа и другие важные моменты: в каких формах должны быть закреплены и представлены навыки в архитектурном содержании, передаваемом опосредованно ученику, за счет каких педагогических ситуаций, искусственно организованных, где функция преподавателя лишь имитируется (т.е. он отсутствует в реальной коммуникации) и как это может быть заимствовано студентом. Для внедрения электронного обучения в систему подготовки архитекторов в соответствии с требованиями законодательства, необходимо ответить на главный вопрос: как научить архитектурному проектированию, которое является основной профессиональной составляющей, не обучая ему непосредственно?

Раскрывая эти позиции, можно констатировать, что направление по развитию инновационных программ обучения все больше приобретает интерактивные формы проведения занятий по архитектурным дисциплинам. Для приобретения навыков проведения таких занятий и получения умений по ним, преподаватели кафедры архитектуры ГУЗ ежегодно проходят курсы повышения квалификации.

Итогами такой работы становятся разработки учебных пособий по совершенствованию методик преподавания с включением инновационных приемов закрепления материала [4,6].

Интерактивные формы показаны как в их общей, так и прикладной значимости: от самых простых форм в виде тренинга или компьютерного тестирования, обеспечивающие проверку уровня знаний, так и деловые игры, позволяющие создавать имитационное моделирование, где проигрываются производственные условия, и выявляются личностные способности отдельных студентов-игроков[2,3].

Таким образом, использование интерактивных форм обучения, все в большей мере становится неотъемлемой частью учебных технологий, в том числе и в области архитектурного образования. Повышение профессиональной компетенции педагогов в этом направлении – залог успеха этого инновационного процесса и такая деятельность активно ведется в Государственном университете по землеустройству, в том числе, на архитектурном факультете [6].

Можно сделать вывод что, подход к интегрированию инновационных методов в систему архитектурно-художественного образования, приобретает характер последовательного совершенствования ее составляющих до уровня их интерактивности и инфокоммуникации, а виды их разработки стремятся к формам матричных схем, удобных для цифрового обеспечения процесса обучения.

Литература

1. Инновационные технологии в контексте творческого обучения архитекторов. /Саркисов С.К., Ильвицкая С.В., Петрова Л.В., Булгакова Е.А./ Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2015. № 4 (124). С. 45-51.
2. Опыт и предпосылки разработки деловых игр для обучения архитекторов./ Ильвицкая С.В., Петрова Л.В., Булгакова Е.А. / AMIT (Architecture and Modern Information Technologies).2015. Режим доступа: <http://archvuz.ru/> № 2(31).
3. Востребованность деловых игр в технологии интерактивного обучения архитекторов Петрова Л.В, Булгакова Е.А //Журнал «Российский научный журнал» №4(42), 2014 .- С. 333-336

4. Учебное пособие для преподавателей ВУЗов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «Архитектура» [Текст]:/ Булгакова Е.А., Меерович М.Г./Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. 2016. № 5(84) . С.41

5. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов. Булгакова Е.А. Материалы международной научно-методической конференции: Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. 2015. № 1. С. 10-13.

6. Формирование инновационных качеств методики обучения в системе подготовки архитекторов [Текст]:/ Ильвицкая С.В., Петрова Л.В., Булгакова Е.А., Конева С.В. /Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. 2015. № 8-9 (75-76). С.

References

1. Innovative technologies in the context of creative learning architects. /Sarkisov S. K., Ilvitskaya S. V., Petrova L. V., Bulgakova E. A./ Land management, cadastre and monitoring of lands. 2015. No. 4 (124). P. 45-51.

2. The experience and background of the development of business games for training architects./ Ilvitskaya S. V., Petrova L. V., Bulgakova E. A. / AMIT (Architecture and Modern Information Technologies).2015. Mode of access: <http://archvuz.ru/> No. 2(31).

3. The relevance of business games in the interactive learning technology architects L. Petrov, Bulgakov E. A. //Journal "Russian scientific journal" №4(42), 2014 .- С. 333-336

4. Study guide for University teachers for the development of distance learning courses in the direction of the Architecture [Text]/ E. A. Bulgakov, M. M. G/the Chronicle of the United Fund of electronic resources of Science and education. 2016. No. 5(84) . P. 41

5. Integration of innovative methods of education in the training of architects. Bulgakov E. A. Materials of international scientific-methodological conference: E-learning and distance technologies in education: experience and prospects. 2015. No. 1. P. 10-13.

6. Formation of the innovative qualities of the teaching methods in the training of architects [Text]/ Ilvitskaya S. V., Petrova L. V., Bulgakova E. A., Konev S. /Chronicles of the United Fund of electronic resources of Science and education. 2015. No. 8-9 (75-76). С.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.072

Гольяева Е.О.

ORCID: 0000-0002-4464-1761, Аспирант,

Московский Архитектурный институт (Государственная академия)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Несмотря на отсутствие глобальных войн или природных катаклизмов планетарного масштаба, современный мир продолжает оставаться уязвимым к кризисам различной природы – конфликтам локального и регионального масштаба, стихийным бедствиям, техногенным катастрофам. В статье рассматривается проблема градостроительного планирования на территориях, переживших вооруженный конфликт. Восстановление может быть значительно оптимизировано благодаря разработке градостроительных стратегий, учитывающих особенности региона, а также подготовке специалистов в области посткризисного планирования.

Ключевые слова: градостроительное планирование, постконфликтное восстановление, стратегическое планирование.

Goltiaeva E.O.

Postgraduate student,

Moscow Architectural Institute (State Academy)

URBAN PLANNING IN POST-CONFLICT AREAS. SCHOOL'S DEVELOPMENT PERSPECTIVE

Abstract

In spite of there is no global wars or natural disaster on a planetary scale, the modern world remains vulnerable to crises of different natures - conflicts of local and regional scale, natural disasters, anthropogenic disasters. The article considers city planning in post-war zones problems. Rehabilitation of territory could be optimized owing to urban strategies development and specialists in post-crisis planning sector.

Keywords: city planning, post-conflict reconstruction, strategy planning.

Современный мир становится все более уязвимым и нестабильным, причиной тому являются и экономические кризисы, и различные социальные конфликты локального и регионального масштаба, и стихийные бедствия, и техногенные катастрофы. Неудивительно, что вопросам посткризисного восстановления и снижения уязвимости уделяется возрастающее внимание на международном уровне, поскольку эти установки отвечают основным целям и принципам Организации Объединенных Наций и направлены на поддержание мира и безопасности, обеспечение устойчивого развития и уважение прав человека.

Очевидно, что вопросы восстановления, в первую очередь, связаны с созданием благоприятной среды обитания для жизни населения. Прежде всего, это касается городов – мест, где плотность населения существенно выше, где концентрируются как проблемы и вызовы, так и ресурсы для их разрешения. С учетом того, что 2007 год стал поворотным моментом в истории - больше половины населения планеты теперь живет в городах, – а также

продолжающейся урбанизацией [1] можно уверенно говорить о том, что важность комплекса вопросов, связанных с городской средой, будет лишь возрастать с течением времени.

Проблематика посткризисного восстановления и устойчивого развития многогранна и разнообразна. В статье фокус обращен именно на восстановление городов, переживших вооруженный конфликт. Тому есть несколько причин.

Во-первых, конфликт в отличие от стихийного бедствия или техногенной катастрофы имеет устойчивое социально-политическое измерение. Если стихийные бедствия или крупные аварии часто становятся объединительным фактором, провоцируют мобилизацию ресурсов населения и сами по себе, как правило, являются толчком к ускоренному развитию и восстановлению, то конфликты лишь добавляют проблем в процессе восстановления. Вопрос создания городской среды, которая обеспечивала бы определенную степень устойчивости в контексте конфликта, практически не изучен.

Во-вторых, конфликты, как правило, более продолжительны по времени, из-за чего постепенно меняется, как социально-политический ландшафт, так и уклад жизни населения, происходит разрыв прежних социальных и культурных связей и установление новых. Возврат к нормальной жизни также сложнее, чем в случае с бедствиями. Это важно иметь в виду при планировании восстановительной деятельности. Кроме того, постконфликтное восстановление территорий является своеобразным «испытательным полигоном» для развития, преобразования градостроительных систем и продвижения новых планировочных решений.

Изложенное позволяет говорить, что в большинстве случаев работа в сфере постконфликтного восстановления сложнее и многограннее, чем восстановление после бедствий. Созданную в рамках постконфликтного урегулирования удачную модель, как следствие, будет проще адаптировать к работе по минимизации последствий природной или техногенной катастрофы, чем наоборот. Вместе с тем очевидно присутствуют «общие точки»: и те, и другие явления сопровождаются разрушением окружающей среды, систем жизнеобеспечения и инфраструктуры, экономики, социальных объектов и памятников культурного наследия.

По данным Международного института стратегических исследований, в настоящее время в мире в 8 странах идут вооруженные конфликты высокой интенсивности, в 20 странах – средней интенсивности. В 12 регионах обстановка считается нестабильной. За последние 25 лет случилось более 40 крупных вооруженных столкновений, которые повлекли за собой не только человеческие жертвы, но и вынужденное перемещение миллионов жителей. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в настоящее время в мире насчитывается более 60 млн. вынужденно перемещенных лиц, из которых более 20 млн. составляют беженцы [2]. Возрастающие потоки беженцев представляют собой новый вызов для многих стран и регионов. Пример тому – ситуация с массовой миграцией в Европу в 2014-2015 гг.

Для того чтобы преодолеть миграционный кризис, необходимо не только создавать условия для возвращения мигрантов на родину, но и обеспечивать устойчивое развитие территорий происхождения мигрантов, тем самым «закрепляя» население в местах первоначального проживания. Одним из способов достичь этого является грамотное постконфликтное восстановление, в первую очередь, городов.

Система градостроительного планирования играет важную роль в постконфликтном восстановлении, хотя это часто недооценивается или вообще не принимается во внимание. Разрешение градостроительных вопросов влияет на решение более широких проблем развития, таких как предоставление базовых услуг, безопасность, занятость населения, социальная сегрегация, вопросы климата и защиты окружающей среды. Пренебрежение же этими проблемами чревато опасными последствиями – ухудшением уровня жизни, ростом социальной напряженности и протестных настроений. Функции градостроительного планирования многозначны: контроль, урегулирование, мобилизация, улучшение, обеспечение и формирование общей перспективы развития населенных пунктов [3]. Все это важно в контекст восстановления, поскольку позволяет предупредить возникновение новых конфликтов и «с нуля» создать устойчивую систему, которую отличала бы низкая уязвимость к отрицательным внешним воздействиям.

Однако, несмотря на очевидную актуальность, эта проблематика пока не получила достаточной теоретической и концептуальной проработки. В науке довольно подробно представлены примеры и данные восстановления территорий после войн и конфликтов XX века. Вместе с тем в большинстве исследований содержится лишь данные по ущербам, нанесенным территориям, отчеты о ликвидации их последствий и достаточно размытые, фрагментарные и несистематизированные рекомендации. Исследования указывают как сильные стороны и успешные решения в области реконструкции городской среды, так и недочеты и ошибки. Вместе с тем, они, как правило, носят узкопрофильный характер и затрагивают лишь ограниченную сферу общественной жизни – например, делается обзор восстановления инфраструктуры, но не затрагивается вопрос экологической безопасности.

Значительный опыт в данной области накоплен международными организациями, такими как UN-Habitat, UNDP, UNEP и др.

Существует обширный объем исторической литературы по восстановлению городов после Второй Мировой войны и ранее [4]. Но поскольку в мире происходят быстрые политические, демографические, климатические изменения – методы планирования, которые применялись полвека назад, уже не так актуальны.

В современной отечественной и зарубежной науке проблематика градостроительного планирования на постконфликтных территориях практически не рассматривается отдельно. Как правило, ее вопросы затрагиваются в общем контексте миростроительства, и социально-экономических аспектах восстановления территорий.

Ряд ученых исследует процесс постконфликтного восстановления в отдельных городах [5].

Хотя указанные выше авторы достаточно подробно разрабатывали отдельные вопросы постконфликтного градостроительного планирования, нет общих трудов, где бы все это комплексно рассматривалось и проводилось сравнение подходов в разных странах и на базе сравнительного анализа был построен ряд рекомендательных принципов.

Следует признать, что тема постконфликтного градостроительства нуждается в дополнительной разработке, концептуальном развитии, терминологическом уточнении, особенно на фоне интенсивной урбанизации и вездущих в мире войн, влекущих разрушение инфраструктуры.

В свете мировых событий тема постконфликтного восстановления территорий становится все более актуальной и востребованной. С каждым годом проводится все больше симпозиумов и конференций, с целью привлечения внимания к проблеме. Встает вопрос - кто занимается проблемой постконфликтного градостроительного планирования и как подготовить квалифицированных специалистов в данной области. Специализация — это то, что дают в вузе: некоторые предметные знания, которыми нужно владеть, и способ получения знаний. Высшие учебные заведения почти не дают того, что требуется для профессиональной работы. Профессионализм требует компетенций: отвечать за целостность городского развития; включаться в процессы многопредметной и многопрофессиональной деятельности, самоопределения, постановки целей, самоорганизации; употреблять полученные знания в контексте деятельности и ситуации; использовать полученное образование в деятельности [6].

Планировщик должен быть человеком широкого кругозора и владеть знаниями из самых различных областей науки. Также он должен уметь анализировать, сопоставлять факты, строить гипотезы и доказывать их справедливость. Необходимо понимать все проблемы развития города в их взаимосвязях, сложностях, и это приводит нас к выводу, что в современном мире планировщики начинают заниматься не только профессиональной, но и политической деятельностью.

При подготовке планировщиков в ВУЗах обычно делается упор на образование в сфере планово - прогнозного планирования. Основа постконфликтного восстановления – радикальное планирование. В зависимости от ситуации необходимо скорейшее принятие решений, формирования стратегии и проекта. Для работы с послевоенными проектами необходим дополнительный набор знаний и навыков. Поэтому необходимо формировать спецкурсы и привлекать в образовательный процесс специалистов из смежных дисциплин.

Заключение

На международной арене Россия все более активно участвует в качестве ведущего игрока программ урегулирования конфликтов и постконфликтного восстановления. Поскольку страна перешла в разряд динамичных доноров и все более активно участвует в программах оказания технической помощи и содействия развивающимся странам проведения мероприятий по постконфликтному восстановлению, предложенная статья подчеркивает важность задач по наращиванию потенциала и развитию направления.

Литература

1. UN-Habitat. Planning sustainable cities: global report on human settlements 2009. London: Earthscan.
2. Эл. ресурс: <http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html>
3. Моисеев Ю.М. Предпосылки реконфигурации системы градостроительного планирования. АМТ 2 (23) 2013 С. 2
4. Например: Nash Gerald D. Planning for the Postwar City: The Urban West in World War II. Taylor N. Urban planning theory since 1945.
5. Например: Würzt F. Zerstörung und Wiederaufbau von Beirut. Zürich 2006. Martín-Díaz J. Urban restructuring in post-war contexts: the Sarajevo case
6. Глазычев В.Л. Профессия, как один из общественных институтов. Эл. ресурс http://www.glazychev.ru/publications/doklady/2011-09-19_professia_kak_obshh_institute.html

References

1. UN-Habitat. Planning sustainable cities: global report on human settlements 2009. London: Earthscan.
2. <http://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html>
3. Moiseev Y.M. Predposylki rekonfiguratsii sistemy gradostroitel'nogo planirovaniya. АМТ 2 (23) 2013 p. 2
4. Nash Gerald D. Planning for the Postwar City: The Urban West in World War II. Taylor N. Urban planning theory since 1945.
5. Würzt F. Zerstörung und Wiederaufbau von Beirut. Zürich 2006. Martín-Díaz J. Urban restructuring in post-war contexts: the Sarajevo case
6. Glazychev V.L. Professiya kak odin iz obshchestvennich institutov. http://www.glazychev.ru/publications/doklady/2011-09-19_professia_kak_obshh_institute.html

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.170

Касаткина Л.А.¹, Касаткин А.Б.²¹Доцент, Сибирский федеральный университет,²доцент, Красноярский государственный художественный институт**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ДЕРЕВА В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА****Аннотация**

В статье рассматривается вопрос, касающийся методики преподавания дисциплины архитектурного проектирования. Целью работы, проведенной на кафедре Основы архитектурного проектирования в Сибирском федеральном университете, является разработка заданий, выполняемых студентами на этапе поиска идеи курсового проекта. Методика выполнения задания показана на примере упражнения «Использование образа дерева в архитектурном проектировании». Задание способствует углубленному обучению студентов и заинтересованности в освоении своей будущей профессии.

Ключевые слова: образ дерева, архитектурное проектирование, архитектурная композиция.

Kasatkina L.A.¹, Kasatkin A.B.²¹Associate professor, Siberian Federal University,²Associate professor, Krasnoyarsk State Art Institute**USING THE IMAGE OF THE TREE IN ARCHITECTURAL DESIGN EDUCATION PROCESS****Abstract**

The article discusses the question concerning methods of teaching architectural design. The aim of the work carried out at the Department of Fundamentals of architectural design in the Siberian Federal University, it is the development of the tasks performed by students at the stage of research ideas of the course project. Method of setting is shown in the example of the exercise "Using tree image in architectural design." The task helps students in-depth training and interest in the development of their future profession.

Keywords: tree image, architectural design, architectural composition.

Преподаватели высшей школы образования часто сталкиваются с проблемой, как заинтересовать студентов в обучении будущей профессии. При переходе образовательной системы к бакалавриату решить этот вопрос становится еще сложнее, т.к. существует тенденция увеличения доли дистанционного обучения. И при такой форме обучения заинтересовать студента в более активном получении знаний и качественном выполнении работ гораздо труднее.

Студенты-бакалавры по направлению архитектура обучаются 5 лет. На протяжении всего срока обучения дисциплина «архитектурное проектирование» является профилирующей, в каждом семестре выполняются два курсовых проекта. На вводной лекции выдается тема курсового проекта и выполняется клаузура. Но после этого в работе студентов часто происходит застой. Чтобы поиск идеи проходил быстрее и студент заинтересованно работал, в СФУ на кафедре основ архитектурного проектирования разработаны задания на образы. Одно из таких упражнений, выполняемых в макете – «Использование образа дерева в архитектурном проектировании». Это универсальное задание выдается на первом-втором курсах при проектировании как малых архитектурных форм (информационная установка, остановка общественного транспорта, детская игровая площадка), так и небольших общественных сооружений (кафе, выставочный павильон). Примеры архитектурных сооружений рассматриваются по трем категориям: функция, конструкция, композиция (Рис.1).

Рис. 1 – Схема функционального применения образа дерева

Малые архитектурные формы участвуют в формировании, как городского пространства, так и интерьера здания, неся информационную, утилитарную и декоративную функцию. Образ дерева встречается как в общественных и жилых зданиях, так и в смешанных по типологии сооружениях.

При рассмотрении конструктивных решений основное внимание уделяется несущим и ограждающим конструкциям (Рис.2).

Рис. 2 – Схема использования образа дерева в различных конструкциях

1. Несущие конструкции, выполненные с использованием образа дерева, чаще встречаются в виде опор, потому что колонна, как в деревянной, так и каменной архитектуре, ассоциировалась со стволом дерева. В современной архитектуре опоры в виде стволов деревьев мы можем наблюдать как снаружи здания, так и внутри. Например, в многофункциональном комплексе в Амстердаме (Нидерланды) такие опоры составляют внутреннюю структуру здания, образуя внутренний двор и соединительные пространства (архит. Тони Фриттон).

В начальной школе в г. Вестклифф (Великобритания) опоры в виде стволов вынесены перед зданием. Они поддерживают складчатую кровлю, организуя террасу (архит. Коттрелл и Вермюлен). На кровле установлены солнечные батареи, источники возобновляемой энергии. Образ деревьев, примененный в несущих конструкциях, по задумке авторов, отражает экологический подход в жизнедеятельности школы.

Крупные членения стальных конструкций на фасаде здания суда в г. Хасселте (Бельгия) своими очертаниями напоминают дерево фундук, которое является символом города и помещено на его гербе. Этот образ вдохновил архитектора Дж.Майера на создание своего сооружения.

2. Архитектор Йото Ито использовал образ дерева при проектировании конгресс-центра в Барселоне (Испания). Протяженная стена, поддерживающая вынос кровли, выполнена в виде широких стволов деревьев.

Стены отеля Saitan в г. Киото (Япония) прорезаны отверстиями в виде стволов, ветвей, корней и листьев деревьев (проект EASTERN Design Office).

Проект культурного центра в г. Гроттамаре (Италия) архитектора Бернара Чуми своими фасадами напоминает лес. Плоскость стены испещрена отверстиями, оставленными между «стволами» и «ветвями».

3. Ограждающие конструкции жилого дома в Тегеране (Иран) выполнены в виде передвигающихся рам, установленных на лоджиях. Витражи рам выполнены с использованием рисунка ветвей и заполнены цветным стеклом. Этим образом архитекторы Реза Саядиан и Сара Калантари решили напомнить о существовавших здесь ранее зеленых садах.

4. На стеклах витражей частного жилого дома в Мельбурне (Австралия) архитектор Эндрю Мэйнард нанес изображение деревьев. Матовый рисунок на прозрачном стекле продолжает тему сада, который виден из окон.

В третьей категории, в композиции, рассматриваются несущие конструкции зданий – опоры (Рис.3). Часто в первых постройках человека использовалась конструкция с центральным столбом, на который опирались радиально расположенные элементы. При этой модели главным элементом композиции является центральная опора. Для создания более вместительных сооружений, вертикальные опоры выстраивались вдоль оси, образуя линейный ряд. Такой ряд может иметь как прямую, так и криволинейную форму в плане. Если линейные ряды расположить параллельно, образуется пространственная структура. Это треть модель композиционного решения.

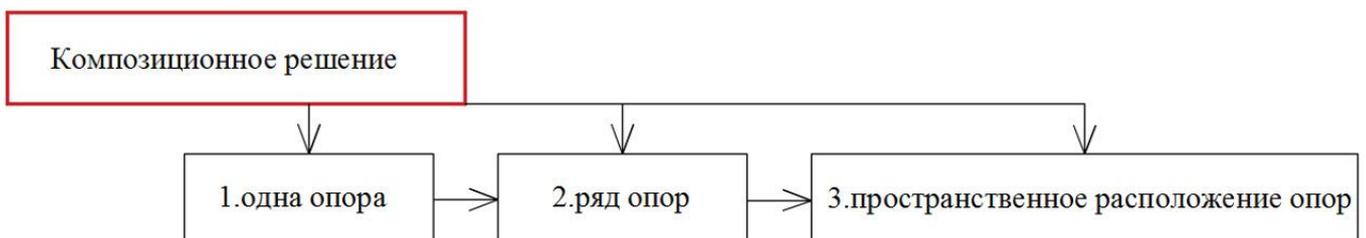

Рис. 3 – Схема различных композиционных решений опор

1. В построении композиции здания участвует главный элемент – опора, в виде ствола дерева. Архитектор Арата Исодзакки автор проекта Национального конференц-центра в Дохе (Катар). Образом огромных опор здания послужило священное исламское дерево, которое является воплощением тяги к знаниям. Огромные стальные колонны поддерживают крышу и через остекленный фасад проникают в интерьер (Рис.4а).

2. Ряд опор выстраивается вдоль одной линии перед фасадом здания общественного административного центра г. Аделаиды (Австралия). Повторяющиеся Y-образные опоры имеют простые формы, но отличаются друг от друга количеством «ветвей» с заполнением светопрозрачными материалами (Рис.4б). Проект JPE Design Studio.

3. При пространственном расположении опор-деревьев возникает образ леса. Архитектор Сантьяго Калатрава создал открытую прозрачную конструкцию на железнодорожном вокзале в г. Лиссабоне (Португалия). Навес над платформами связывает пешеходные галереи, переходы, лестницы и мосты (Рис.4в).

Архитектор Хиронако Огава создал искусственный лес из металлических колонн в интерьере Лесной Часовни, префектура Гумма (Япония). Он отразил в своем проекте образы окружающего часовню старого парка. Широкие «кроны» колонн поддерживают основной каркас здания, давая возможность остеклить низ сооружения и сделать его парящим над землей (Рис.4г).

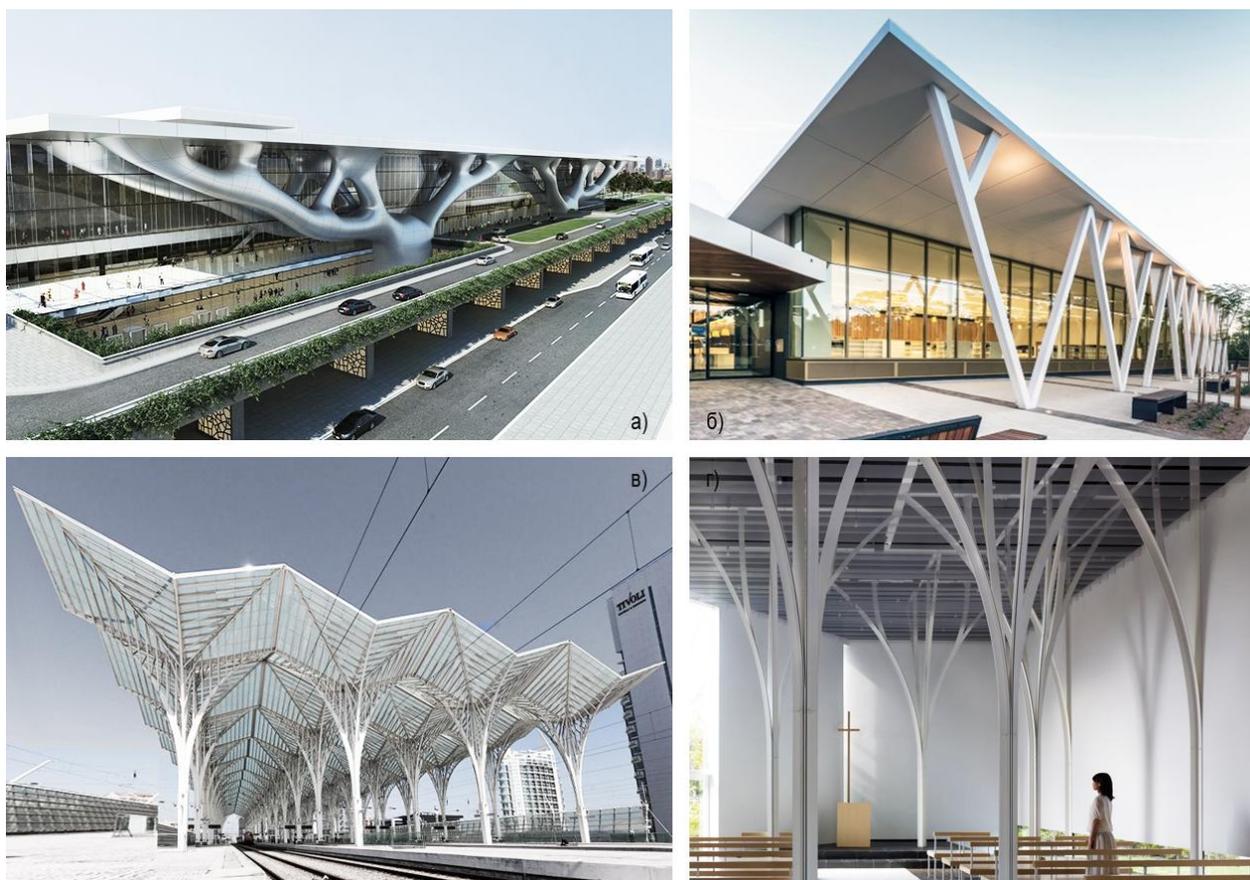

Рис. 4 – Композиционные решения: а – одна главная опора[1]; б – ряд опор[2];
в – пространственное расположение опор открытого сооружения[3];
г – пространственное расположение опор внутри сооружения[4]

Малые архитектурные формы так же могут быть выполнены в виде опор-деревьев. В Израиле создали уличный фонарь в виде растения-генератора, на стволе которого, в виде листьев закреплены солнечные батареи. Энергия от них идет на освещение улиц, на подзарядку и бесплатный интернет. Часто элементы, стилизованные под листовенные деревья используются на детских игровых площадках и зонах отдыха. Различные силуэты крон деревьев участвуют в создании теневых навесов. В интерьере здания стилизованные деревья могут отделять функциональные зоны друг от друга, или являться акцентом композиции помещения.

После получения задания и самостоятельного сбора информации студенты выполняют упражнение на образ дерева по теме своего курсового проекта. В дальнейшем примерно 15% выполненных заданий ложится в основу разработки курсового проекта. Но польза от этого упражнения, несомненно, выше. Происходит знакомство студентов с архитектурными образцами, осваивается комплексный подход теории и практики к выполнению задания.

Вот некоторые примеры курсовых работ студентов 1–2-ого курсов, идей которых легли в разработку после выполнения данного упражнения. В проектах МАФ формы деревьев используются как в несущих конструкциях, так и в декоративном оформлении (Рис.5).

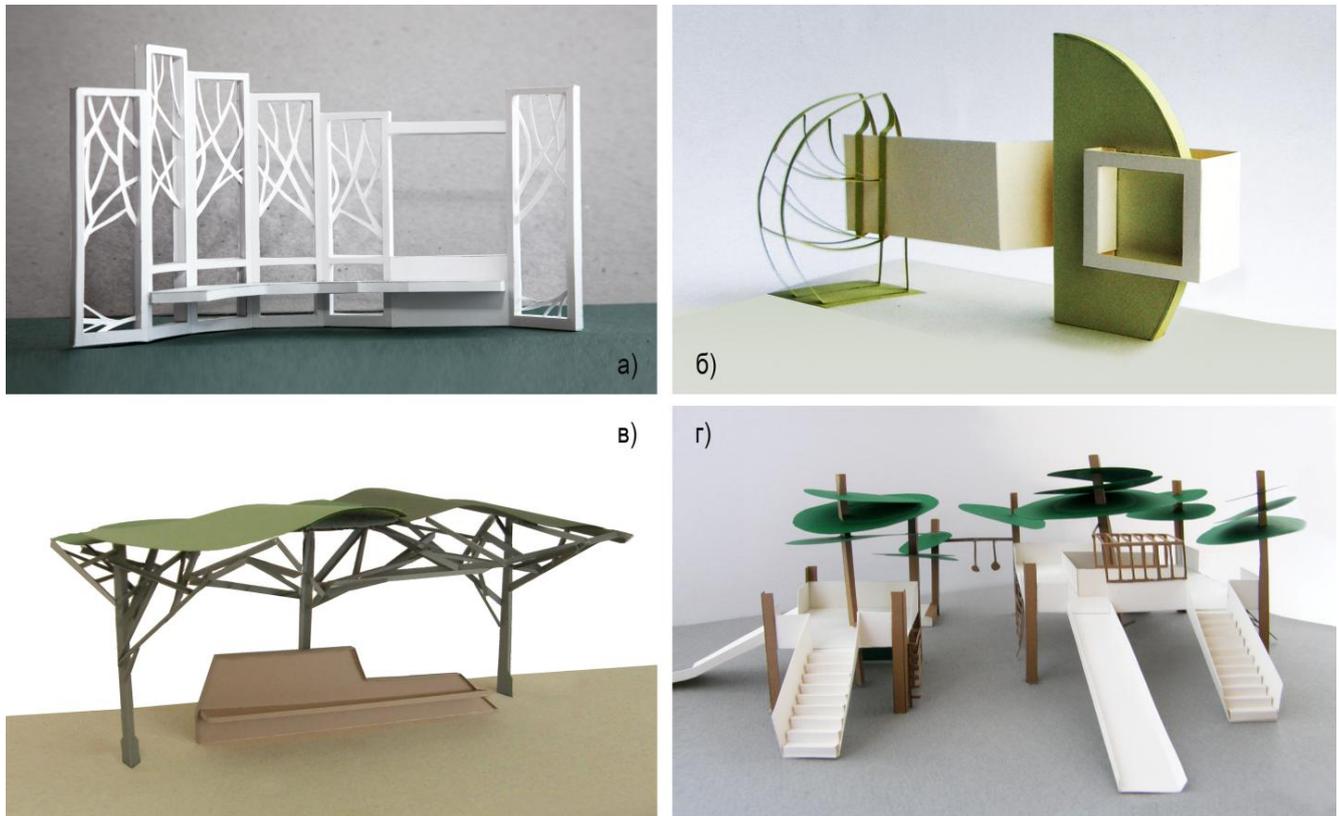

Рис. 5 – Курсовые проекты МАФ: а – «Зона отдыха»; б – «Информационная установка»; в – «Автобусная остановка»; г – «Детская игровая площадка»

а) «Зона отдыха» ст.гр. АФ 09-13 Анна Ляпунова. С одной стороны от скамьи поставлены ограждающие щиты. Каркас щита имеет прямоугольную форму, в заполнении применен рисунок стилизованных ветвей деревьев.

б) «Информационная установка» (ст.гр. АФ 11-11 Светлана Бондарева). Опоры, поддерживающие информационную плоскость, имеют силуэт деревьев. Первая опора решена в виде пластины, а сдвоенные опоры состоят из линейных элементов, схожих по характеру с ветками и кроной лиственных деревьев.

в) «Автобусная остановка» (ст.гр. АФ 09-13 Данил Волгин). В образе навеса и опор используется силуэт кроны, стволов и ветвей деревьев. Ветви располагаются под разными углами, на разной высоте и создают ажурные переплетения, поддерживающие волнистую кровлю.

г) «Детская игровая площадка» (ст.гр. АФ 12-11 Денис Елизарьев). Навесы над игровыми элементами площадки имеют форму овальных пластин, горизонтально нанизанных в несколько ярусов на стволы деревьев.

В следующих проектах небольших сооружений несущие конструкции вынесены перед фасадом здания (Рис.6).

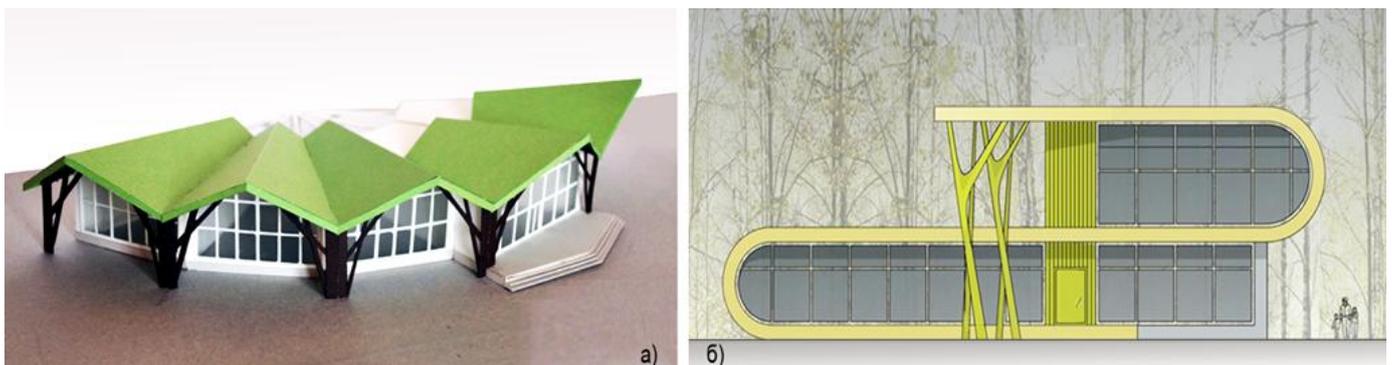

Рис. 6 – Курсовой проект «Выставочный павильон»: а – ст.гр.АФ12-12 Страмиллова Настя; б – ст.гр.АФ12-12 Кретинина Валя

а) Павильон состоит из пяти блоков, покрытых двускатными кровлями. Вынос кровли опирается на опоры, стилизованные под стволы и ветви деревьев. Зеленые складки крыши играют роль кроны.

б) Высокая сдвоенная опора поддерживает выступающий над входом навес и является художественным оформлением фасада.

Создавая проекты, использующие образы живой природы, студенты учатся гармонично вписывать сооружение в окружающую среду. Кроме того в работу добавляется оригинальность, у зрителя появляются положительные эмоции, как будто он соприкасается с природой. Такие задания выполняются с бо́льшим творческим подъемом, у студентов появляется бо́льшая заинтересованность в обучении и дальнейшем освоении профессии.

Литература

1. Степанов, А.В. Объемно-пространственная композиция / А.В. Степанов – М.: Архитектура-С, 2003. – 255с.

References

1. Stepanov, A.V. Ob#emno-prostranstvennaja kompozicija / A.V. Stepanov – M.: Arhitektura-S, 2003. – 255s.

Источники фотографий

- [1]<https://www.protenders.com/projects/qatar-national-convention-centre>
[2]<http://www.archdaily.co/co/02-341456/centro-civico-y-comunitario-de-walkerville-jpe-design-studio>
[3]<http://www.masterfile.com/image/en/700-01029952/Gare-do-Oriente-Parque-das-Nacoes-Lisbon-Portugal>
[4]<http://www.archdaily.com/338049/forest-chapel-hironaka-ogawa-associates>

Остальные фотографии принадлежат авторам статьи.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.038

Прохожев Н.О.

ORCID: 0000-0001-8480-7415, Бакалавр архитектуры,

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

ВЛИЯНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТОНКОСТЕННЫХ ХОЛОДНОГНУТЫХ ПРОФИЛЕЙ НА АРХИТЕКТУРУ БЫСТРОВЗВОДИМЫХ ЗДАНИЙ

Аннотация

В статье рассматривается роль формообразования в оптимизации архитектурного проектирования быстровозводимых зданий на основе лёгких стальных тонкостенных конструкций (ЛСТК). Дальнейшая индустриализация строительства быстровозводимых зданий зависит от технологичности и комплексности конструктивных элементов, в связи с чем, область поиска оптимального проектного решения лежит за пределами архитектурной комбинаторики. Разработка новых форм сечения тонкостенных холодногнутых профилей и синкретизм с технологией возведения экспозиционных систем являются возможным решением проблемы формообразования быстровозводимых зданий.

Ключевые слова: тонкостенный холодногнутый профиль, поперечное сечение профиля, архитектура, оптимизация, экспозиционная система, быстровозводимое здание.

Prokhozhev N.O.

ORCID: 0000-0001-8480-7415, Bachelor of Architecture,

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

INFLUENCE OF GEOMETRYCAL CHARACTERISTICS OF COLD-FORMED STEEL PROFILES AT THE ARCHITECTURE OF PRE-FABRICATED BUILDINGS

Abstract

The article considers the role of forming construction elements to optimize the architectural design of pre-fabricated buildings, based on light steel thin-walled constructions. Further industrialization of the construction of pre-fabricated buildings depends on the technology and the complexity of construction elements, in this connection, the scope of the search of optimal design solution is carried out beyond the sphere of the architectural combinatorics. Using new shapes of cold-formed steel profiles and a syncretism with technology of exhibition systems can be a possible solution for architectural design of pre-fabricated buildings.

Keywords: cold-formed steel profile, profile cross-section, architecture, optimization, exhibition system, pre-fabricated building.

Строительная система на основе лёгких стальных металлических конструкций (ЛСТК) относится к “сухому” методу строительных работ. Неоспоримыми достоинствами данной технологии являются сокращение сроков строительства, уменьшение собственного веса быстровозводимых зданий, высокая точность сборки каркаса из унифицированных элементов. Стоит обратить внимание на высокие архитектурно-художественные качества возводимых объектов, определяемые объёмно-планировочными свойствами ЛСТК и всевозможными решениями навесной фасадной системы. Доступность подобной строительной технологии сдерживается отсутствием отечественной нормативной базы и конструктивных методов организации материально-пространственной среды.

Как правило, для укрупнённой сборки каркаса, выполненного на основе стальных холодногнутых профилей, используют конструктивные элементы, работающие в одной плоскости, такие как, внешние и внутренние стеновые панели, балки, рамы, фермы. Устоявшиеся методы конструирования из ЛСТК позволяют решить лишь часть задач, связанных с формообразованием быстровозводимых зданий, которые, в свою очередь, зависят от геометрических характеристик тонкостенных холодногнутых профилей.

К лёгким стальным тонкостенным конструкциям принято относить холодногнутые профили толщиной до 2 мм, выполненные из рулонной оцинкованной стали с цинковым покрытием по ГОСТ 14918-80*, а также профили толщиной до 4 мм, выполненные из листовой горячеоцинкованной стали по ГОСТ 52246-2004 [1]. Широко распространённые в отечественном производстве профили швеллерного (рис.1а), С-образного (рис.1б, в), Z-образного (рис.1г) и Ω-образного (рис.1з) сечений являются необходимой основой для формирования несущего остова быстровозводимых зданий. Высота профилей варьируется в пределах 45-300 мм. Толщина элементов, изготовленных на профилегибочных станках методом холодного формообразования, составляет 0,7-2,5 мм. В свою очередь, процессы дальнейшей стандартизации и расширения сортамента изделий проводятся на уровне внутризаводского стандарта и официально не регламентируются. Значительное количество подобной продукции импортируется из-за рубежа такими

известными производителями, как KNAUF (Германия), RUKKI (Финляндия), ASTRON BUILDING (Люксембург), METSEC PLC (Великобритания). Существующий отечественный рынок строительных материалов предлагает следующие типы стальных холодногнутых профилей:

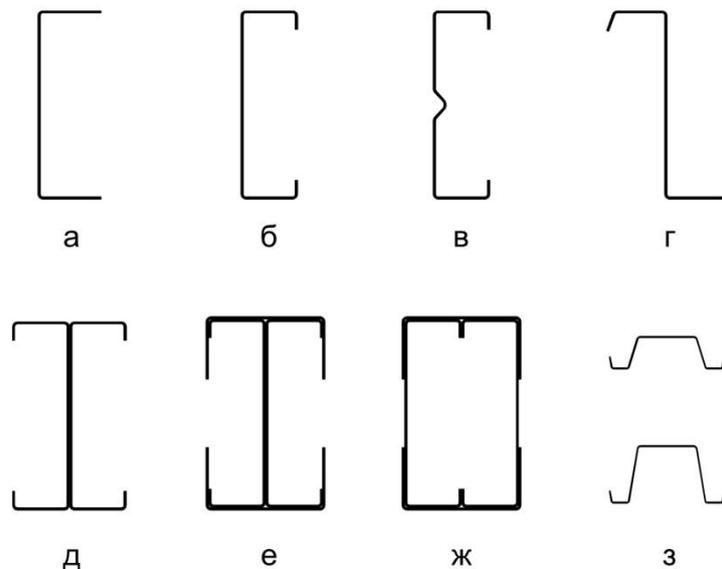

Рис. 1 – Базовые типы стальных холодногнутых профилей

Принято, что при вариантном архитектурном проектировании и оптимизации стальных конструкций рассматриваются следующие категории задач:

- выбор материалов и форм сечения профилей;
- выбор типа узлов и соединения деталей;
- компоновка конструкций;
- компоновка сооружений [2].

Проблема формообразования относится к направлению оптимизации в архитектурном проектировании, где область поиска возможного решения задачи, связанной с формообразованием быстровозводимых зданий на основе ЛСТК, лежит за пределами архитектурной комбинаторики.

Многие проектно-конструкторские организации, работающие с лёгкими стальными тонкостенными конструкциями, ставят в качестве целевой функции показатель веса каркаса, выраженный в общей металлоёмкости. Поскольку вес – интегральная характеристика конструкции, то в число переменных проектирования входят такие параметры конструкции, как геометрические характеристики поперечных сечений стержневых элементов и способ распределения стальных холодногнутых профилей по их толщине. Ориентируясь на минимизацию размера общей металлоёмкости, задача, связанная с формообразованием и компоновкой конструкций имеет низкий приоритет.

В условиях производства строительно-монтажных работ, напротив, особое место занимают факторы, влияющие на технологичность проектного решения. В данном случае, следует пересмотреть критерии выбора оптимального архитектурного решения. Используя в роли целевой функции прямые затраты на изготовление и монтаж каркаса, задача оптимизации проектирования становится многоцелевой и нелинейной. В связи с чем, решение задач формообразования быстровозводимых зданий на основе ЛСТК улучшает технологические качества конструкций и способствует линеаризации целевой функции при оптимизации проектирования.

Для комплексной оценки использования стальных холодногнутых профилей в строительстве требуется обширная методологическая база проектирования быстровозводимых зданий из ЛСТК. Но ввиду её отсутствия, очевидными особенностями формообразования быстровозводимых зданий на основе элементов из холодногнутого стальных профилей являются:

- широкие возможности для унификации всех элементов каркаса;
- необходимость использования составных сечений стержневых элементов (рис. 1д, е, ж);
- ортогональное размещение укрупнённых элементов ЛСТК между собой при решении объёмно-пространственной задачи (рис. 2), использование ортогональной метрической сетки;
- гибкость при формировании узловых соединений тонкостенных холодногнутого профилей, находящихся в одной или двух ортогональных плоскостях;
- сохранение единого установленного шага тонкостенных холодногнутого профилей при любом формальном решении быстровозводимого здания.

При всей простоте изготовления и монтажа панелей ограждающих конструкций, на существующем этапе развития отечественной индустриальной технологии производства ЛСТК, ограничения условий и способов компоновки укрупнённых элементов каркаса значительно влияют на общую металлоёмкость и размер прямых затрат на монтажно-строительные работы.

Рис. 2 – Существующий типовой метод компоновки конструкций и изделий

Возможным решением проблемы формообразования быстровозводимых зданий на основе ЛСТК, может стать разработка новых форм сечения профилей. Быстровозводимые здания на основе ЛСТК, несомненно, потребуют дальнейшей индустриализации строительства и внедрения сортамента на более сложные и специализированные профили (рис. 3), в связи с чем, внедряя на уровне архитектурного проекта новые типы тонкостенных холодногнутых профилей, решается следующий комплекс задач:

- повышение общей технологичности строительных деталей и изделий в процессе укрупнённой сборки и заводского изготовления;
- сокращение количества закладных деталей и метизов в узловых соединениях сопрягаемых конструкций;
- улучшение эстетических качеств быстровозводимых зданий на основе ЛСТК;
- минимизация общей металлоёмкости конструкций, повышая комплексность деталей и изделий;
- сочетаемость технологии ЛСТК с другими строительными системами.

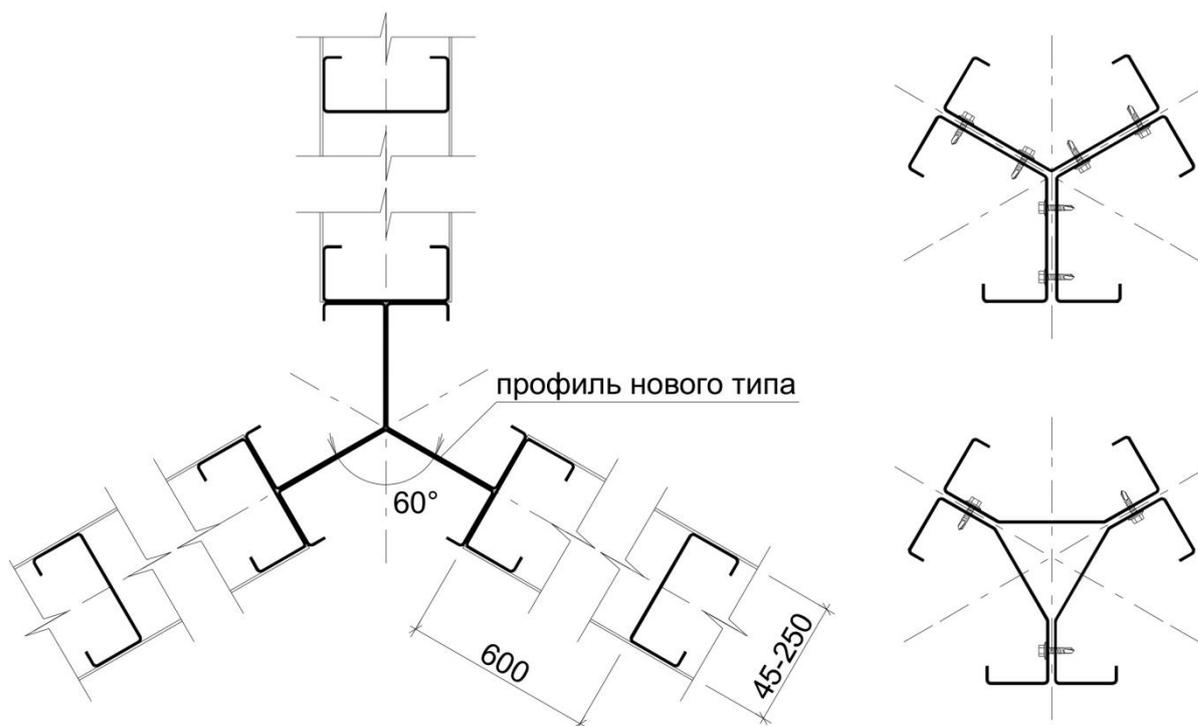

Рис. 3 – Возможный перспективный метод компоновки конструкций и изделий

Каркасное строительство на основе ЛСТК имеет много общего с технологией возведения экспозиционных систем. В практике современной экспозиции встречаются решения многоэтажных конструкций и пространственных структур. Наиболее известными профессиональными экспозиционными системами являются такие бренды-производители, как

“OCTANORM”, “SYMA”, “ARTHEMA”, “SODEM”. Гибкость процесса проектирования среды выставочных экспозиций основана на использовании растровых метрических сеток и развитой номенклатуры конструктивных элементов, где вариативность при формообразовании ограждающих конструкций определяется высокой технологичностью конструктивных элементов. Структурные и ферменные конструктивные элементы, без усиления, способны перекрывать пролёты длиной до 12 м. При решении объёмно-пространственных задач организации экспозиционного пространства, получили наибольшее распространение ортогональная и октагональная метрические сетки, в которые вписываются элементы с единым осевым кратным размером [3,4]. Для оптимизации проектных работ каталоги фирм-производителей экспозиционных систем делятся на базовые и специальные. Технология лёгких стальных тонкостенных конструкций имеет схожие с экспозиционными системами методы формообразования и перспективы развития. Основным отличием этих двух технологий является способ производства конструктивных элементов, где производство элементов экспозиционных систем направлено, прежде всего, на достижение эксклюзивности продукции, а производство лёгких стальных тонкостенных конструкций направлено на снижение себестоимости изделий и подчинено идее жёсткой стандартизации. Таким образом, именно синкретизм подобных технологий способен решить широкий комплекс задач, связанных с формообразованием и оптимизацией архитектурного проектирования быстровозводимых зданий.

Литература

1. Павлов А. Б., Айрумян Э. Л., Камынин С. В., Каменщиков Н. И. Быстровозводимые малоэтажные жилые здания с применением легких стальных тонкостенных конструкций // Промышленное и гражданское строительство. – 2006. - №9. – С. 51-53.
2. Лихтарников Я. М. Вариантное проектирование и оптимизация стальных конструкций. - М.: Стройиздат, 1979. – С. 8-9.
3. Литвинов В. В. Практика современной экспозиции: Монография. - М.:РУДИЗАЙН, 2005. – С. 22-23.
4. Кликс Р. Р. Художественное проектирование экспозиций. – М.:Высшая школа, 1978. – 369 с., ил.
5. М. С. Андерсон, Ж.-Л. Арман, Дж. С. Арора и др.; Под ред. Э. Атрека и др.; Пер. с англ. К. Г. Бомштейна. Новые направления оптимизации в строительном проектировании – М.:Стройиздат, 1989. – 592 с., ил.
6. Hancock G.J., Murray Th.M., Ellifritt D.S. Cold-Formed Steel Structures to the AISI Specification. - Marcel Dekker Inc., 2001. - 398 pages.

References

1. Pavlov A. B., Ajrumjan Je. L., Kamynin S. V., Kamenshnikov N. I. Bystrovozvodimye malojetazhnye zhilye zdaniya s primeneniem legkih stal'nyh tonkostennykh konstrukcij // Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo. – 2006. - №9. – С. 51-53.
2. Lihtarnikov Ja. M. Variantnoe proektirovanie i optimizacija stal'nyh konstrukcij. - M.: Strojizdat, 1979. – С. 8-9.
3. Litvinov V. V. Praktika sovremennoj jekspozicii: Monografija. - M.:RUDIZAJN, 2005. – С. 22-23.
4. Kliks R. R. Hudozhestvennoe proektirovanie jekspozicij. – M.:Vysshaja shkola, 1978. – 369 s., il.
5. E. Atrek, R. H. Gallagher, K. M. Ragsdell, O. C. Zienkiewicz, John Wiley and Sons. New Directions in Optimum Structural Design. - Singapore, 1984.
6. Hancock G.J., Murray Th.M., Ellifritt D.S. Cold-Formed Steel Structures to the AISI Specification. - Marcel Dekker Inc., 2001. – 398 pages.

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.014

Крылова В.К.

Кандидат искусствоведения, Институт Гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

**УРОКИ «ИСЦЕЛЯЮЩЕЙ ВАМПИЛОВСКОЙ ГЛУБИНКИ» НА ПРИМЕРЕ СПЕКТАКЛЯ
«ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»**

Аннотация

В статье на основе литературных источников и личных наблюдений анализируется спектакль «Прошлым летом в Чулимске» по пьесе А.В. Вампилова, поставленный режиссером А.Н. Дененбергом и художником А.И. Шапиро на сцене Русского драматического театра в Якутии. Посредством образного сценического отображения актерами своих героев, рассматривается роль исцеляющей «вампиловской глубинки», которая трансформировала их человеческие поступки во внутренние чувства и переживания. Автор приходит к выводу о необходимости и востребованности драматургии Вампилова, так как она не несет агрессии, в ней содержатся вечные человеческие ценности, способные положительно влиять на сознание и поведение человека, помочь ему выйти из трудной ситуации, обрести гармонию бытия.

Ключевые слова: спектакль «Прошлым летом в Чулимске», исцеляющая «вампиловская глубинка», драматургия А.В. Вампилов, Русский театр в Якутии, актерское мастерство, режиссерское искусство.

Krylova V.K.

PhD in Arts, Senior Researcher,

Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North Siberian Branch of the Russian

**LESSONS OF "HEALINGVAMPILOVSKOY HEARTLAND" FOR EXAMPLE, THE PLAY "LAST SUMMER
IN CHULIMSK"**

Abstract

On the basis of the literature and personal observations analyzed the play "Last summer in Chulimsk" based on A. Vampilov, staged by director A.N Denenberg and artist A.I. Shapiro on the scene of Russian Drama Theatre in Yakutia. Through imaginative stage actors display their heroes, examines the role of healing "vampilovskoy hinterland", which transformed their human actions in the internal feelings and emotions. The author comes to a conclusion about the necessity and relevance Vampilov drama, since it does not bear the aggression, it contained the eternal human values that can have a positive impact on the consciousness and behavior of the person, to help him get out of difficult situations, find harmony of existence.

Keywords: play "Last summer in Chulimsk", healing "vampilovskaya backwoods", drama A.V. Vampilov, Russian Drama Theatre in Yakutia, acting, stage direction.

Любимая пьеса Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» появилась на сцене Русского драматического театра в 1974 г. уже после гибели драматурга. В это же время к работе над пьесой обратились Московский театр имени М.Н. Ермоловой (режиссер В. Андреев, художник А. Окунь) и Ленинградский Большой драматический театр, в котором ее постановку осуществил Георгий Товстоногов, а оформил спектакль художник Э. Кочергин.

Стоит заметить, что не только эта, но и вообще «все его пьесы, оказались прочно связанные друг с другом удивительным внутренним единством и смогли образовать самобытное, многогранное, яркое художественное явление»[6] под названием «исцеляющая вампиловская глубинка».

И это явление нашло отражение в работах ученых Е.М. Гушанской [2], Т.В. Никитюк [7], С.Р. Смирнова [12], Н.М. Кузнецова [5], А.С. Собенникова [13] и других, которые кроме «Летописи жизни и творчества А.В. Вампилова, исследовали и анализировали «Мир Александра Вампилова», изучали его «Жизнь. Творчество. Судьбу», вникали в творческую лабораторию драматурга.

Оно волновало не только исследователей, но, прежде всего, театр. Потому что «театр не может существовать без пьесы, как ваятель - без гипса, как хлебороб без земли и семян. Может, театр действительно начинается с вешалки, но только тот, у которого есть пьеса» [15, с. 7], причем с характером. Потому, что «сферы деятельности, в которых художник предпринимает исследование человеческой души предельно многообразны. В одном случае герой будет увиден, осмыслен в момент свершения им главного дела жизни, наивысшего проявления всех душевных потенций, в другом – пьеса или спектакль запечатлевают будни, каждодневный быт героя» [16, с. 9-10]. Но так или иначе, «великий художник всегда опережает время. По моему убеждению, – оценивал пьесу режиссер Г.А. Товстоногов, – «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова... почти совершенство. Когда над ней работал, мне казалось, что там нельзя убрать даже запятой. Поэтому без преувеличения относился к ней, как к пьесе Чехова или Горького» [16, с. 12].

Вампилов привел в ней подробнейшие ремарки. В них: бытовое описание, характеристика действующих лиц, их поведение и внутреннее состояние, жесты и интонация. Автор любил своих героев и пьесу, поэтому предусмотрел все. «Режиссер А.Н. Дененберг, поставивший этот спектакль вместе с художником А.И. Шапиро, также бережно отнесся к замыслу драматурга» [8].

Так, вместе со своим провинциальным бытом Александр Вампилов вошел в Русский драматический театр. Но, вопреки сложившемуся мнению, у него этот самый быт не нес на себе печать захолустья, а представлял нечто вроде «исцеляющей пустони», куда герои подобно Шаманову удаляются для самоисцеления. В чулимской глухомани, в любую сторону, куда ни повернешь, на сотню верст тайга, и находят приют герои пьесы. Здесь свои порядки, свои взаимоотношения. Временами возникают страсти, которые не только не уступают страстям большого города, но и страстям столиц. Но то, что персонажи пьесы не рвутся туда, а остаются здесь, говорит в пользу целительной

вампиловской провинции. И хотя в финале Пашка с Шамановым все же покинут Чулимск, но уедут они отсюда иными.

Валя постоянно поправляет калитку в надежде, что «они (прохожие) поймут... Должны же они понять, в конце концов...». Этим самым она преподносит уроки нравственности и долготерпения, проявляет чистоту души не только для Шаманова, но и других героев пьесы, а также для тех, кто ее смотрит. Исходя из этих нравственных позиций, режиссер А.Н. Дененберг и выстраивал линию спектакля.

А начиналось оно, не торопясь, как у Вампилова, с утра. С летнего утра в таежном райцентре. Открывался занавес, и зрители оказывались перед «старым деревянным домом с высоким крыльцом, верандой и мезонином. На веранду дома выходили три окна и дверь с вывеской «Чайная». Слева от дома калитка и скамейка, а дальше высокие ворота... К дверям мезонина поднималась лестница с перилами. На карнизах, оконных наличниках, ставнях, воротах – рисунок под ажурную резьбу... перед домом деревянный тротуар... Палисадник...» [1, с. 293]. Почти все как у Вампилова.

И режиссер, и художник давали возможность зрителям по достоинству оценить ту обстановку, куда они попали. И только потом, щелкнув заложкой большой калитки, появлялась молодая, красивая, стройная, вот-вот на выданье, девушка. Это Валентина, официантка чайного заведения, роль которой исполнила артистка Наталья Корзина. Бегом по лестнице наверх. Но заметила оторванную калитку. Снова также легко и изящно – вниз. Чинить калитку – её каждодневное занятие. Делает она это с большим старанием и заботой. Любопытно проходящий, то пнёт дверь, то небрежно толкнёт, отчего калитка срывается или повисает на одной петле. Поэтому Валя с неё глаз не спускает.

Вскоре с громким стуком распаивается дверь на балкончике мезонина. Это проснулась привлекательная аптекарша Зинаида Кашкина. Её великолепно исполнила заслуженная артистка РСФСР и народная артистка ЯАССР Нина Алексеевна Константинова. «Ну вот... День будет солнечный – опять...».[1, с. 295].

Прямо через палисадник, оставляя за собой открытую калитку, в чайную проходит бухгалтер Иннокентий Мечеткин, которого тонко, с юмором исполнил артист В. Макаров. Он каждый день столуется в этой чайной, потому как холост. Одиночество сделало свое дело – по душам-то поговорить не с кем. В некоторой степени и от этого Мечеткин держится до странности напряженно, беспричинно напуская на себя начальственную строгость. Его хоть хлебом не корми, дай побрызгать по любому поводу. От этого его «глубокомысленные» изречения в сознании слушающих чаще всего приобретали противоположный эффект. Сегодня он в новом сером костюме, в потешной шляпе и при галстуке.

Исполнитель гармонично сочетал внешность этого «неудачника жизни» с его внутренним состоянием. Для придания солидности Мечеткин постоянно старался говорить низким голосом. Но, в силу узости интеллекта, скудные мысли, как всегда заканчивал срывающимся природным фальцетом. Заметив на веранде сидящего Илью Еремеева (арт. Г. Федоров), сразу решил учинить допрос: «Я вопрос задаю, кто тебе разрешил здесь спать?». Вроде Еремеев должен отчитываться перед ним.

С опозданием явилась буфетчица Анна Хороших, моложавая на вид, щеголевато одета женщина, она энергична, смела и размашиста в движениях. Её изумительно исполнила Валентина Мичкова. Вслед за ней, припадая на правую ногу (левая – протез), по выражению Хороших, «приковывался идол безобразный», Афанасий Дергачев, подрядившийся на ремонт чайной. Ему «около пятидесяти. Высок ростом, широкоплеч, кудряв, словом, мужик ещё видный. Но сегодня он хмур, небрит к тому же с похмелья болит голова. Его удивительно по-вампиловски передал Борис Пеньков. Встреча с пришедшим из тайги другом Ильей ему явно по душе – прямой повод одной-другой рюмочкой «поправить здоровье».

Неторопливо, как и сам драматург, разворачивали действие актеры, насыщая его элементами комизма.

Неожиданная встреча приятеля – для Дергачева это веское основание выпить. Поэтому он тоном, не терпящим возражения, требует от буфетчицы поставить им бутылку. Та тоже не промах, в карман за словом не полезет. Между ними начинается словесная перепалка. И перевес мог бы оказаться на стороне Хороших, но «помешал» пришедший из леса охотник Еремеев. У него находятся деньги. Анна вынуждена сдаться – план то надо выполнять. В ее работе это не последний показатель. Она с досадой достает бутылку из-под прилавка и со стуком ставит её на стойку: «На, подавись!»

Дергачев не унимается. Он не может стерпеть унижения своего мужского достоинства принародно: «Давай стаканы, - делает он акцент на букву ы, - и поднеси нам по-человечески». «Еще чего?», – парирует Анна. «А я говорю, носи её сюда!», – решительно настаивает Дергачев.

Борис Пеньков всячески старается показать мужское превосходство своего героя. Анну – тоже не просто уломать. Перебросились еще несколькими фразами. Наконец, буфетчица берет бутылку, закуску и, всячески демонстрируя неприятие происходящего, ставит водку на стол. «Так-то брат, Илья, – торжествует Дергачев. – «Выпьем. За любовь... без обмана...» [1, с. 308].

Последняя фраза «...за любовь... без обмана...» и есть конец той веревочки, дернув за которую, можно «развязать» взаимоотношение этих двух уже немолодых людей – Дергачева и Анны. Ею драматург привлекает внимание зрителей к этим персонажам. А что дальше? Почему так груб и настойчив Дергачев? Почему, несмотря на сопротивление, Анна вынуждена уступить его просьбам, но, ни автор, ни актеры до поры до времени не раскрывают причины столь странных отношений. Своими действиями они вели зрителей к пониманию того, что послужило причиной таких взаимоотношений. И делают это исполнители очень серьезным образом, хотя внешне все выглядит комично.

И это не удивительно. Ведь все они обладали большим мастерством, поэтому через кажущуюся на первый взгляд обыденность характеров, простые ситуации смогли, раскрыть внутренний драматизм героев и жизненных явлений. Это отчетливо проявилось в раздражительном ответе Дергачева на вопрос Хороших: «Павел там проснулся?». «Встал твой Павел. Рожу свою бреет. Нахальную... Пусть уматывает. Отпуск у него закончился, дальше терпеть не буду...» [1, с. 300].

Становится ясно, что они муж и жена. Но опять же, вопрос – почему, как выразился один из персонажей пьесы, «лаются», как чужие?

Чтобы сохранить оригинальное мироощущение автора, и режиссер, и исполнители до поры до времени точно следовали за драматургом и ни акцентом, ни жестом внешне не нарушали задуманное им, чем и добивались на сцене действительно психологического начала. Подобное бережное отношение к драматургическому материалу, «исцеляющей вампиловской глубинке», давало возможность зрителям самим разобраться во взаимоотношениях героев. Глубже вникнуть в их проблемы, осознать, оценить, сравнить с собственной жизнью, своими поступками, задать вопрос: а как бы я поступил на их месте? И правильно ли я уже поступил? Занять ту или иную позицию. Таким образом, и режиссер, и актеры делали зрителей соучастниками действия. Сила воздействия состояла не в навязывании своего мнения через свое режиссерское видение, свою интерпретацию, а не искажая замысла автора, пригласить зрителей в Чулимск и представить им срез одного дня сибирской провинции со всей естественностью и искренней непосредственностью.

Дергачев никак не может простить измены своей жене Анне. Когда он уходил на фронт, она была его невестой. Хотя возвратясь, и женился на ней, но так и не полюбил её сына Пашку. Он для него стал живым напоминанием счастливой юности и несчастного настоящего. Афанасий так и не смог преодолеть неприязни к Павлу, воспринять его, как родного сына. Еле вытерпел присутствие пасынка на время отпуска, а уж дальше – не собирается. Так что пусть «уматывает».

Актеры Б. Пеньков и В. Мичкова, как и драматург, стараясь наделить своих героев индивидуальными чертами, даже за грубыми перебранками, смогли показать страдающие души – с кем такое не случается? Их диалог с многократно повторяющимися «Ну!» да, «Чё-ну!» сверкал, буквально переливался всевозможными речевыми оттенками и красками, свидетельствуя о большом актерском таланте. Произнося их, оба, как бы соревновались между собой. Один проговаривал свое «Ну!» – эхом отдавалось у другого, свидетельствуя о сердечной боли обоих. Актерам надо было обладать большим мастерством, чтобы посредством комичного, только «нуканья» и «чёканья», передать драматизм человеческих отношений. Валентина Мичкова и Борис Пеньков это делали с блеском.

Сюда же от Кашкиной, по досадно скрипучей лестнице начинает спускаться бывший следователь прокуратуры Владимир Шаманов. Стараясь сохранить осторожность, он вынужден немного согнуться. Ему чуть больше тридцати, выше среднего роста, худощав, в основном апатичен и только временами бывает оживлен. Во всем, что он делает, как движется, как одевается, наблюдается непритворная небрежность и рассеянность. Несколько месяцев назад он попытался отстоять справедливость, но не получилось. Валентин Антонов удивительно точно «вписался» в образ и создал на сцене натуру, которая своим естеством раскрывала природу неугодного человека 1970-х, лишённого активной жизненной позиции.

Но центр пьесы все же, не в Хороших и Дергачеве. Он в Валентине и в Шаманове. Все действия, так или иначе, либо пересекаются, либо устремляются к ним. Если нравственные отношения между Дергачевым и Хороших показаны от противного, то отношения между Валентиной и Шамановым строятся на чистоте помыслов, и имеют, что называется, прямую зависимость.

Здесь ему, бывшему следователю прокуратуры, способному «раскрутить» самые запутанные дела, приходится исполнять простые обязанности участкового. И когда все это кончится! Звонят из города, вызывают на суд в качестве свидетеля по делу, которое его «увело» в этот несчастный Чулимск. Что? Всё сначала? И ни на какой суд он не пойдёт, ведь «все равно ничего, равным счетом, ничего изменить нельзя». А раз так, то оно никому не нужно.

Дойдя до крайности в осознании своей ненужности, Шаманов внутренне опустошен. Столкнувшись с несокрушимой стеной беспринципности партийного руководства, когда вместо виновного наказывался правый, он, конечно же, был не в состоянии «плетью обух перешибить». В результате потерял все: жену, квартиру в городе, машину, должность, а главное - веру. И вот уже, какой месяц вынужден пребывать в Чулимске. Он – временный отступник. Свой принудительный тайм-аут пытается заполнить временной связью с Кашкиной и бессодержательной работой милиционера. Где-то далеко-далеко в глубине души спрятан его огонёк борьбы за справедливость. Но здесь некому раздуть едва теплящиеся угольки надежды. Валентин Антонов настолько естествен в своей безысходности, что нельзя не заметить – так может поступать только совестливый, страдающий, ищущий объяснения собственным и поступкам окружающих, человек.

Но именно там, где больше всего не предполагал, нашел он то, что искал все эти месяцы. Здесь, в лице Вали он обрёл ту жизненную опору, в которой нуждался. Её твердость, упорство, постоянство даже к такому малому делу, как ремонт калитки, заставило его пересмотреть свои планы на жизнь. А Валина любовь к нему, несколько месяцев назад принципиальному, честному, ответственному следователю Шаманову и раздула в нём едва теплящийся огонек надежды. «Да, в самом деле... Оказывается, ты красивая девушка... Не понимаю, как я раньше этого не замечал... Не опускай голову..., дай я на тебя полюбуюсь. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь краснел. Валентина, ты замечательная девушка. Все у тебя на лице – все твои тайны» [1, с. 323-324].

Валентина – мечтательная натура. Символически эти черты её характера Вампилов подчеркнул в образе палисадника, связывающего весь ход событий. С каким упорством она чинит оградку, с такой же настойчивостью верит в преобразование мира по законам красоты. Наталья Корзина создала на сцене удивительно трогательное в своей незащищенности, необыкновенно светящееся юностью, милое существо. Этим светлым романтическим образом драматург открывает и заканчивает пьесу. В финале все повернулось к Валентине. Он сосредоточивает на ней внимание героев и зрителей. Наступает тишина. И в этой тишине опять право принять решение предоставляется Валентине. После того, что у нее произошло с Пашкой, она не разуверилась в своих идеалах и, надо полагать, что переживет и Пашкино «сватовство».

По мнению режиссера А.Н. Дененберга, вокруг этого палисадника, а, по сути дела, вокруг самой Валентины и её душевного мира, как по орбите, вращаются образы пьесы, представляющие типы людей со своей психологией и «внутренним содержанием». Встреча героев на этой, своего рода, «нейтральной зоне», высвечивала основные

человеческие качества. Одних, как Шаманова, она озаряла светом Валиной чистоты, других, как Пашка, заставляла задуматься, третьих, как Хороших, – удивляться.

Каждый герой пьесы по-своему воспринимает её поступки. К примеру, для отца работа дочери – еще не отошедшее детство: «Действительно, – заявляет ей Хороших. – Твой он, что ли, палисадник этот? А главное – даром ведь упрямисься: ходит народ поперек, и будет ходить...» [1, с. 320]. Для Мечеткина – эта «нейтральная» территория только лишь «анекдот ходячий». А между тем именно здесь, на этой территории, в разговоре с Шамановым решилась судьба Валентины. «Вот я все хочу тебя спросить, ... зачем ты это делаешь? — Я чиню палисадник для того, чтобы он был целым... До тех пор, пока они не научатся, ходить по тротуару» [1, с. 321].

Разуверившись однажды, Шаманов считает, что нельзя повлиять на обстоятельства. И только глубокая чистота устремлений и веры Валентины помогла вернуть ему нарушенное равновесие. Позднее прозрение Шаманова оборачивается душевной травмой для Валентины. Да, она знает, что у Шаманова в городе семья, а здесь Кашкина. Но для героини важно было осознать, а для актрисы – показать, что он – Шаманов достоин её любви. Для Валентины красота души неотделима от красоты природы, её почти детский идеализм и кажущаяся наивность обезоруживают умудренных жизненным опытом людей. Хороших только и разводит руками. Ей нечем возразить на искреннее признание Валентины. Кашкина вынуждена сознаться, что она перехватила её записку Шаманову, чем и толкнула девушку к нравственному самоубийству.

В финале строгая и спокойная Валя снова поднималась на веранду... Вдруг останавливалась, поворачивалась к палисаднику. Затем, не торопясь, но решительно, спускалась к нему. Подходила к ограде, снова укрепляла штaketник. В этот момент, несмотря на то, что ей пришлось пережить жизненную трагедию, Валентина совершенно спокойна.

Все «сплетения сюжетных мотивов спектакля, весь пафос автора и режиссера звучали призывом к четкости, доброте, к духовности. В это широкое понятие эмоционально: конкретно входила и драма Шаманова. И драма одиночества Мечеткина, пусть мелкого; и не совсем приятного, но человека же. И драма Анны и Афанасия, который, любя жену, никак не может простить ей, или хотя бы, не напоминать, что Пашка не его сын» [11, с. 60].

Здесь, также, как и в спектакле, поставленном Г. Товстоноговым, «у каждого героя есть, своя сложная сценическая жизнь». И сила спектакля состояла в том, что драматург «не пропустил ни одного изгиба и поворота духовной биографии каждого из действующих лиц. Маленькие истории жителей Чулимска, случившиеся прошлым летом, вывели зрителей к глубоким и сложным нравственным проблемам сегодняшнего времени» [11, с. 60]. Потому что, обращаясь к драматургии Вампилова, «мы прикасаемся к творчеству не просто талантливого драматурга, а к явлению в нашей культуре, к которому хочется возвращаться снова и снова [4].

Хочется потому, что «несмотря на кажущуюся простоту, в спектакле в «безответной любви, любви родителей к детям, женщины к мужчине и мужчины к женщине, просматривалась любовь к родине» [9]. И что «он представлял собой автора, который с течением времени превратился в классика русской драматургии XX века» [3, с. 87].

На первый взгляд «пьеса может показаться пессимистичной, но она вызывает катарсис. Происходит нравственное очищение. У Вампилова герои – это крупные личности, и становятся они таковыми на наших глазах. Это великолепная драматургия, хотя бы потому, что в течении обычных суток происходят события огромной насыщенности, берет высшая точка их взаимоотношений» [16, с. 226].

И все потому, что в театр драматург пришел не один. Вместе с Вампиловым «в него пришли искренность и доброта - чувства давние, как хлеб, и, как хлеб же, необходимые для нашего существования и для искусства. Нельзя сказать, что их не было до него - были, конечно, но не в той, очевидно, убедительности и близости к зрителю» [10, с. 6].

Самое поразительное, «что физическое насилие» словно бы не затронуло души Валентины. Вопреки всему она осталась верна себе и в финале снова поправляет калитку» [14, с. 63].

Таким образом, театр смог раскрыть и на примере поступков героев подтвердить, как заурядная вампиловская драматургия с почти детской непосредственностью меняла человеческие качества героев пьесы «Прошлым летом в Чулимске», трансформируя их внешние поступки во внутренние чувства и содержание.

Литература

1. Вампилов А. «Прошлым летом в Чулимске». Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1987. С. 293.
2. Гушанская Е.М. Летопись жизни и творчества А. Вампилова (1937-1972) // Мир Александра Вампилова. Жизнь. Творчество. Судьба. - Иркутск, 2002. - С. 13-18.
3. Гушанская Е.М. Александр Вампилов: Очерк творчества. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1990. С. 87.
4. Каждый день и всю жизнь [Электронный ресурс] URL: <http://www.galerka-omsk.ru/news/full/27/>
5. Кузнецова Н.М. Два финала пьесы А.В. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» (Опыт сравнительно-текстологического анализа) [Электронный ресурс] URL: <http://www.pandia.ru/text/77/374/27305.php>
6. Моторин С.Н. Творчество Александра Вампилова и русская драматургия 80-90-х годов XX века [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/tvorchestvo-aleksandra-vampilova-i-russkaja-dramaturgija-80-90-h-godov-xx-veka.html>
7. Никитюк Т.В. Прошлым летом в Чулимске // Т.В. Никитюк Мир Александра Вампилова: Жизнь. Творчество. Судьба. Иркутск. 2000.
8. Преловский В. «Прошлым летом в Чулимске» // Социалистическая Якутия. – 1974. – 4 дек.
9. Постановка по пьесе Александра Вампилова [Электронный ресурс] URL: <http://kudago.com/spb/event/spektakl-proshlym-letom-v-chulimske-v-teatre-im-ko/>
10. Распутин В.Н. О Вампилове. /Распутин В.Н. Где ты, душа жива? // Литература в школе. - 1992. - N 2. - С. 6.
11. Рыбаков Ю. Г.А. Товстоногов. Проблемы режиссуры Л.: Искусство. Ленинградское отделение 1977. С. 60.
12. Смирнов С.Р. Недопетая песня... Девять сюжетов из творческой лаборатории Александра Вампилова. Иркутск. 2004.

13. Собенников А.С. «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова: два финала // А.С. Собенников Проблемы литературных жанров. Томск. 2002.
14. Соловцов И. Драматургия А. Вампилова // Аврора. – 1975. – С. 63.
15. Товстоногов. Г. Зеркало сцены. № 1. Л.: Искусство. Ленинградское отделение. 1980. С. 7.
16. Товстоногов. Г. Зеркало сцены. № 2. Л.: Искусство. Ленинградское отделение 1980. С. 9-10. 12, 223-226.

References

1. Vampilov A. "Prochlym letom v Chulimske". Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1987. S. 293.
2. Gushanskaya E.M. Letopis' zhizni i tvorchestva A. Vampilova. Mir Aleksandra Vampilova. Zhizn'. Tvorzhestvo. Sud'ba. Irkutsk. 2002. S. 13-18.
3. Guchanskaya E.M. Aleksandr Vampilov. Ocherk tvorchestva. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie. 1990. S. 87.
4. Kazhdyy den' i vsyu zhizn' [Eelektronnyy resurs] URL: <http://www.galerka-omsk.ru/news/full/27/>
5. Kuznetsov N.M. Dva finala p'esy A.V. Vampilova "Prochlym letom v Chulimske" (Opyt sravnitel'no-tekstologicheskogo analiza [Eelektronnyy resurs] URL: <http://www.pandia.ru/text/77/374/27305.php>
6. Motorin S.N. Tvorchestvo Aleksandra Vampilova i russkaya dramaturgiya 80-90-kh godov XX veka [Eelektronnyy resurs] URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/tvorchestvo-aleksandra-vampilova-i-russkaja-dramaturgiya-80-90-h-godov-xx-veka.html>
7. Nikityuk T.V. Prochlym letom v Chulimske. T.V. Nikityuk. Mir Aleksandra Vampilova. Zhizn'. Tvorchestvo. Sud'ba. Irkutsk. 2000.
8. Prelovskiy V. "Prochlym letom v Chulimske". Sotsialisticheskaya Yakutiya. 1974. 4 dekabrya.
9. Postanovka po p'ese Aleksandra Vampilova. [Eelektronnyy resurs] URL: <http://kudago.com/spb/event/spektakl-proshlym-letom-v-chulimske-v-teatre-im-ko/>
10. Rasputin. V.N. O Vampilove. Rasputin V.N. Gde ty, ducha zhiva? Literatura v chkole. 1992 No. 2. S. 6.
11. Rybakov Yu. G.A. Tovstonogov. Problemy rezhissury. Leningrad: Iskustvo. Leningradskoe otdelenie. 1977. S. 60.
12. Smirnov S.R. Nedopetaya pesnya... Devyat' syuzhetov iz tvorcheskoy laboratorii Aleksandra Vampilova. Irkutsk. 2004.
13. Sobennikov A.S. "Prochlym letom v Chulimske" A. Vampilova: dva finala. A.S. Sabennikov. Problemy literaturnykh zhanrov. Tomsk. 2002.
14. Colovtsov I. Dramaturgiya A. Vampilova. Avrora. 1975. S. 63.
15. Tovstonogov G. Zerkalo stseny. No. 1. Leningrad: Iskustvo. Leningradskoe otdelenie. 1980. S. 7.
16. Tovstonogov G. Zerkalo stseny. No. 2. Leningrad: Iskustvo. Leningradskoe otdelenie. 1980. S. 9-10, 12, 223.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.181

Куприна Е.Ю.

ORCID: 0000-0002-7840-211X, Кандидат педагогических наук,
Тольяттинская консерватория

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТВОРЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье показано как на основе системного, синергетического, информационного и феноменологического подходов, принципов иррациональности, неопределённости и нестабильности, метода моделирования и феноменологического описания исследуется проблема сотворческой музыкально-исполнительской деятельности как открытой нелинейной динамической системы, функционирующей на основе определенных закономерностей и отражающей совокупную информацию об объекте во имя непрерывного самосовершенствования музыкантов.

Ключевые слова: сотворчество, сотворческая музыкально-исполнительская деятельность, динамическая система, понимание, психическая активность.

Kuprina E.Y.

ORCID: 0000-0002-7840-211X, PhD in Pedagogy,
Togliatti Conservatory

METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH SOTVORCHESKOY MUSICAL PERFORMANCE

Abstract

The article shows how through a systematic, synergetic, informative and phenomenological approaches, principles of irrationality, uncertainty and instability, the method of modeling and phenomenological description of the problem is investigated sotvorcheskoy musical performance as an open nonlinear dynamic system functioning on the basis of certain regularities and reflects the aggregate information about an object in continuous self-improvement musicians.

Keywords: co-creation, sotvorcheskaya musical performance, dynamic system, understanding, mental activity.

Важным аспектом научного изучения искусства, по справедливому мнению многих исследователей искусствоведов, культурологов, музыковедов (Э. Ансерме, Л. А. Баренбойм, М. М. Берлянчик, Л. Е. Гаккель, Е. Г. Гуренко, Л. С. Гинзбург, М. С. Каган, Л. А. Мазель, В. В. Медушевский, Я. И. Мильштейн, Е. В. Назайкинский и др. и мн. др.) является проблема систематизации художественной деятельности, выявления её суперструктуры, как в масштабах общей эстетической теории, так и в диапазоне теории отдельного вида искусства, в частности – музыкально-исполнительского. Согласно с М. С. Кагану, объект искусства по степени сложности является

метасистемой, интегрирующей идеальные и материальные структуры, выражающей единство двух суперструктур – «духовного» и «материального» [5, 46].

Музыкально-исполнительская деятельность, базирующаяся на многоступенчатой системе подготовки музыканта-исполнителя (Школа – ССУЗ – ВУЗ – Ассисентура-стажировка), всегда является целью и результатом длительного процесса совместного творчества (педагогического, исполнительского) музыкантов, специфику и закономерности которой отражает сложносоставное и в силу этого чрезвычайно объёмное понятие «сотворческая музыкально-исполнительская деятельность» [7], с необходимостью требующее исследования на междисциплинарном уровне научного познания.

На современном этапе, в эпоху всеобщей системности, невозможно изучать проблему, связанную с творческой деятельностью людей, с позиции одной науки или научного направления. Так анализ проблематики сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, в силу своей достаточно высокой информативности, базируется на обширном методологическом фундаменте, кратко обозначить который попытаемся в настоящей статье. Необходимость четкого оформления методологического абриса обусловлена современными тенденциями в научном мире, для которых свойственны методологическая парадигмальность (смена парадигм, множественность парадигм, всеобщая системность), лавинообразный рост информационных ресурсов и интеграция научного знания.

Базовой методологической основой исследования сотворческой деятельности музыканта является *системный подход* (Л. С. Выготский, Т. Парсонс, А. Моль, П. К. Анохин и др.), позволяющий осуществить всесторонний анализ, исследование и разработку проблемы как целостной системы, оптимальное, с точки зрения специфики музыкально-исполнительского искусства, определение которой дано П.К. Анохиным: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлечённых компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения приобретают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [1, 33].

Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность – это многоуровневый и многокомпонентный системный художественный феномен со своей характерной динамикой, отражающей диалогическую интегрированную специфику и закономерности работы музыкантов, в ходе которой происходит их профессиональное, личностное становление и саморазвитие; реализуется в процессе интерактивной творческой объективации интерпретаторского прочтения художественно-образного содержания музыкального произведения с целью его максимального раскрытия.

Теоретический анализ сотворческой музыкально-исполнительской деятельности осуществляется в контексте музыкально-исполнительского искусства, являющегося, по обоснованному выводу исследователя Е. Г. Гуренко, динамическим видом художественной деятельности, реализующейся в виде первичного (авторский замысел) и вторичного (исполнительская интерпретация) творчества. Автор справедливо считает, что музыкальное исполнительство, помимо яркой специфики [4, 28-33], принципиально отличается от иных видов художественной деятельности наличием художественной интерпретации, подчеркивая, что «только особое *сотрудничество* [Курсив наш – К.Е.] автора и исполнителя способно породить полноценное искусство» [4, 15]. Сотворчество композитор – исполнитель является лишь одной из самых разнообразных форм сотворчества [См.: 6].

Решать задачу исследования сотворческой музыкально-исполнительской деятельности как динамической художественной системы необходимо, по меньшей мере, по нескольким основаниям.

Во-первых, стремительно возросший уровень исполнительского мастерства требует от современного музыканта обширного мировоззрения, многоканального мышления, глубоко понимания закономерностей развития искусства в целом и музыкально-исполнительского в частности. Поэтому систематизация сотворческой деятельности оснащает музыканта спектральным видением и осознанием всего объёма профессиональных умений, которыми он должен владеть.

Во-вторых, системное представление, по справедливому утверждению Я. И. Мильштейна, позволяет «по-новому осветить некоторые старые проблемы и выдвинуть новые, до сего времени по той или другой причине остававшиеся в тени» [8, 12]. К примеру, в сфере сотворческой деятельности, как музыканта-исполнителя, так и музыканта-педагога, специфическим образом проявляется феномен *понимания* (Ф. Шлейермахер, М. К. Мамардашвили, М. Ш. Бонфельд, Э. Гуссерль и др.): с одной стороны, – в контексте управления собственной мыслительной и двигательной музыкально-исполнительской активностью, а с другой – системного процесса «мышления музыкой» [3, 36].

Другой теневой гранью сотворческой деятельности обнаруживается состояние, в котором пребывает каждый участник сотворчества, а именно – режим работы в состоянии непрерывного психического усилия, являющегося имманентным фоном функционирования сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, как бы её энергетической средой (своеобразным проявлением действия данного феномена является повышенная энергетическая атмосфера, которую слушатели ощущают в зале во время выступления музыкантов на концертах). Эта среда выступает не только как необходимое условие работы музыкантов, но как особый тонус активированной *психической энергии* каждого (Аристотель, П. Тейяр де Шарден, Н. Рерих и мн. др.), проявляющейся через творчество и совершенно необходимой для продуктивной сотворческой деятельности. Иными словами, сутью и спецификой сотворчества является длительный и напряжённый *процесс* достижения главной цели совместных усилий музыкантов (художественного результата), *сопровождающийся специфической активностью* (духовной, психической, физической) *психики*. Неслучайно считается, что творческие люди одарены энергией.

В силу неуловимости данных феноменов, возможно лишь их *феноменологическое* описание (Э. Гуссерль, М. Мамардашвили, Н. Мотрошилова и др.), с методологических позиций *принципов нестабильности* (И. Пригожин и др.) [11] и *неопределённости* (И. Пригожин, Т. Корнилова, С. Курдюмов, П. Аршинов, М. Бонфельд и др.) [6]. Принцип неопределённости официально был озвучен в середине XX века учеными из области естественнонаучного знания в связи с осознанием ими сложности и непредсказуемости мироздания, биологических, психических и социальных систем, где «окружающая нас среда, климат, экология и ... наша *нервная система* [курсив наш – К.Е.] могут быть поняты только в свете...представлений, учитывающих как стабильность, так и нестабильность...что крайне затрудняет их будущее поведение» [11, 50]. Может показаться странным и одновременно нестранным, что в

работах музыковедов (теоретиков, практиков) никогда и нигде не позиционировалась идея о нестабильности как научном подходе, но и не опротестовывалась. Она просто никогда, насколько нам известно, не была проблематизирована, хотя негласно, несомненно, присутствовала. Так, Я. Мильштейн писал: «Говоря современным языком, «информация», содержащаяся в музыкальном произведении, неоднозначна и включает в себя бесконечное множество возможностей» [8, 12]. По глубокому и поэтичному теоретическому выводу В. Г. Белинского, «способность творчества есть великий дар природы; акт творчества в душе творящей есть великое таинство; минута творчества есть минута великого священнодействия; творчество бесцельно с целью, бессознательно с сознанием; свободно с зависимостью: вот основные его законы» [2, 45]. Ни один музыкант, будь то композитор, исполнитель или педагог, никогда не рискнул бы с уверенностью гарантировать результат предстоящего акта творчества. То есть, данный принцип можно считать априори существовавшим в научных отраслях, связанных с изучением творческой деятельности человека.

Уникальность и, отсюда, гиперсложность творческой деятельности – в её многоуровневой природе, где, по выводу С. Л. Рубинштейна, «человек осознаёт себя в двух реальностях: в реально текущем времени жизненно важных событий и в условном времени творчески преображённой действительности» [12, 307]. Данный микрокосм порождает диалектическое единство сознательного и подсознательного, дискурсивного и стихийно-интуитивного, ratio и так называемого чутья во внутреннем мире и в деятельности творческой личности, о чем образно говорит А. Шнитке: «при всей кажущейся противоположности...они где-то смыкаются. Будто Сцилла и Харибда протягивают время от времени руки друг другу...» [Цит. по: 14, 91].

Внутренняя деятельность всегда опосредует развитие внешней, так как закон времени работы психики – «от будущего – к прошлому» [9, 127] (Н. И. Моисеева и др.). Вот почему профессиональные музыканты исходят в своих исполнительских действиях из предслышания музыки, а их музыкально-исполнительские движения совершаются от внутреннего предощущения предстоящей звуковой трансмиссии в мышцах исполнительского аппарата. Данную область функционирования возможно исследовать с позиций *принципов индетерминизма и неклассической философии* (А. Бергсон, М. К. Мамардашвили, Т. В. Корнилова, В. П. Зинченко и др.). К примеру, применяя логику М. К. Мамардашвили к сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, отметим, что с позиции классической философии, сознание профессионального исполнителя способно предвосхищать музыкально-исполнительский процесс. В музыкально-исполнительской практике давно практикуются методы предвидения и предслышания (Л. М. Цейтлин), позволяющие не только мыслить внутренним сознанием-слухом будущее звучание, но и переживать внутренним мышечным чувством предстоящую работу исполнительского аппарата. Однако, сцена всегда несет неожиданности, порождает эмерджентные ситуации, а это уже поле истолкования методами неклассической философии. Принцип индетерминизма позволяет рассматривать противоречивые моменты, рождающиеся на стыке профессионально-произвольного целеполагания в сотворческой деятельности и свободного волеизъявления её участников.

Для отражения процессов, осуществляющихся в ходе сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, используем *моделирование* как специфический научный метод опосредованного познания (С. И. Архангельский, В. Г. Виненко, П. Я. Гальперин, М. С. Каган, Я. А. Пономарёв, Н. Ф. Талызина и мн. др.), который позволяет создать модель деятельности, которую возможно изучать через исследование самого процесса её формирования, что предполагает возможность познания и управления ходом деятельности. Создавая определённую идеальную модель, имеем возможность изучения отдельных, специально выделяемых сторон сотворческой деятельности, как бы задавая тем самым новую информацию об изучаемом объекте, показывая явные и скрытые его существенные стороны, связи. Посредством анализирующих и синтезирующих функций модели, можем осваивать объект поэтапно и затем как целостный процесс. Для моделирования системной структуры сотворческой деятельности музыканта опираемся на *концепцию деятельности*, разработанную Харьковской группой ученых под руководством А. Н. Леонтьева (В. П. Зинченко, П. Я. Гальперин и др.), базирующуюся на основе трудов Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Ж. Пиаже и др., синергетический подход (Г. Хакен, И. Пригожин и др.), фундаментальные выводы исследователей-музыковедов, искусствоведов, аспекты теоретического анализа (музыковедческий, философский, психолого-педагогический, синергетический, культурологический).

Чтобы разобраться, как иронично выразился М. С. Каган, «в самой малости – внутренней структуре творческого акта» [5, 209], необходимо рассмотреть проблему сотворческой музыкально-исполнительской деятельности с позиции теории *информации* и кодирования (К. Шеннон, П. М. Ершов, Я. И. Мильштейн, А. Н. Колмогоров, П. В. Симонов, и др.), а также *синергетического* подхода (Г. Хакен У. Эшби и др.), позволяющего создавать информационные кластеры, – параметры порядка, – аккумулирующие аналитические процедуры на тех или иных узловых связях в системе.

Вышеобозначенный методологический фундамент предоставляет возможность представить сотворческую музыкально-исполнительскую деятельность как открытую динамическую нелинейную систему и дать её описание на разных уровнях; определить закономерности её функционирования, определить компоненты, необходимые и достаточные для позиционирования модели системы сотворческой деятельности музыканта в концентрированном виде. Отражение внутренней дифференцированной структуры сотворческой музыкально-исполнительской деятельности позволяет определять области различного функционального предназначения, прогнозировать динамику их развития, а также предусмотреть диалектических характер их взаимодействий. В многоуровневости структуры модели сотворческой деятельности заложен архисложный путь профессионального пути музыканта, поступательного процесса совершенствования его профессионального мастерства. Сотворческая исполнительская деятельность музыкантов является самоорганизующейся динамической системой, характерными чертами которой являются: открытость, нелинейность, неустойчивость, эмерджентность. Развитие от неустойчивости к относительной устойчивости происходит непредсказуемо, порой скачкообразно.

Для чего нужны данные подходы в теории музыкального исполнительства, связанной со сферой чувств и переживаний? По этому поводу убедительно сказал Г. Хакен: «Бич всех научных направлений, занимающихся

изучением сложных систем, состоящих из большого числа взаимодействующих деталей, – обилие информации... Чтобы уменьшить объём информации до сколько-нибудь приемлемых размеров, прибегают к так называемому "сжатию информации", как правило, сопровождающемуся её частичной потерей. Синергетический подход осуществляет сжатие информации без каких-либо её потерь» [13].

Кооперация параметров порядка концентрированно отражает всю информацию о ходе сотворческой музыкально-исполнительской деятельности, а также позволяет составлять прогнозы о возможных противоречиях и конфликтах в сотворческом сообществе, позволяет активно воздействовать на мотивацию, интересы, потребности участников сотворчества и их взаимодействия.

Итак, всеобщий прогресс привел к кибернетизации исследований не только из областей естественно-научного знания, но и наук, связанных с культурой, искусством, шире – с творческой деятельностью человека. Стремление к формализации знания о таких мультисложных предметах исследования, как сфера сотворчества, важно с целью их оптимизации, обогащения практики и расширения интеллектуальных горизонтов.

Литература

1. Анохин П. К. Теория функциональной системы / П. К. Анохин // Успехи физиологических наук / РАН. – М. : [б.и.] 1970. - Т.1 - № 1. – С. 19-54.
2. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») / В. Г. Белинский. – Изд-во Public Domain. [б.г.] – 91 с. [Электронный ресурс] URL: <http://goo.gl/nL9KLV> (дата обращения 23.06.2016).
3. Бонфельд М. Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования искусства. Монография / М. Ш. Бонфельд. – СПб. : «Композитор • Санкт-Петербург», 2006. – 648 с.
4. Гуренко Е. Г. Исполнительское искусство: методологические проблемы / Е. Г. Гуренко. – Новосибирск, 1985. – С. 28-33.
5. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи / М. С. Каган. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 384 с.
6. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 22.06.2016).
7. Куприна Е. Ю. Введение в понятие «Сотворческая музыкально-исполнительская деятельность» / Е. Ю. Куприна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. - № 5 (43) : в 3-х ч. - Ч. I. – С. 116-120.
8. Мильштейн Я. И. Вопросы теории и истории исполнительства / Я. И. Мильштейн. – М. : Советский композитор, 1983. – 266 с.
9. Моисеева Н. И. Время в нас и время вне нас / Н. И. Моисеева. – Л. : Лениздат, 1991. – 156 с.
10. Пригожин И. Р. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы / И. Р. Пригожин. – Ижевск : РХД, 1999. – 208 с.
11. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. - № 6. – С. 46-52.
12. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
13. Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном [Проведено Е. Н. Князевой] // Вопросы философии. – 2000. - № 3. – С. 53-61. – [Электронный ресурс] : URL : <http://goo.gl/sZPPfO> (дата обращения 22.06.2016)
14. Цыпин Г. М. Психология музыкальной деятельности: проблемы, суждения, мнения: Пособие для учащихся музыкальных отделений педвузов и консерваторий / Г. М. Цыпин. – М. : Интерпракс, 1994. – 384 с.

References

1. Anohin P. K. Teorija funkcional'noj sistemy / P. K. Anohin // Uspеhi fiziologicheskikh nauk / RAN. – M. : [b.i.] 1970. - T.1 - № 1. – S. 19-54.
2. Belinskij V. G. O russkoj povesti i povestjah g. Gogolja («Arabeski» i «Mirgorod») / V. G. Belinskij. – Izd-vo Public Domain. [b.g.] – 91 s. [Jelektronnyj resurs] : URL : <http://goo.gl/nL9KLV> (data obrashhenija 23.06.2016).
3. Bonfel'd M. Sh. Muzyka: Jazyk. Rech'. Myshlenie. Opyt sistemnogo issledovanija iskusstva. Monografija / M. Sh. Bonfel'd. – SPb.: «Kompozitor • Sankt-Peterburg», 2006. – 648 s.
4. Gurenko E. G. Ispolnitel'skoe iskusstvo: metodologicheskie problemy / E. G. Gurenko. – Novosibirsk, 1985. – S. 28-33.
5. Kagan M. S. Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie: Izbrannye stat'i / M. S. Kagan. – L. : Izd-vo Leningradskogo unta, 1991. – 384 s.
6. Kornilova T.V. Princip neopredelennosti v psihologii: osnovanija i problemy [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2010. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija 22.06.2016).
7. Kuprina E. Ju. Vvedenie v ponjatje «Sotvorcheskaja muzykal'no-ispolnitel'skaja dejatel'nost'» / E. Ju. Kuprina // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2014. - № 5 (43) : v 3-h ch. - Ch. I. – С. 116-120.
8. Mil'shtejn Ja. I. Voprosy teorii i istorii ispolnitel'stva / Ja. I. Mil'shtejn. – M. : Sovetskij kompozitor, 1983. – 266 s.
9. Moiseeva N. I. Vremja v nas i vremja vne nas / N. I. Moiseeva. – L. : Lenizdat, 1991. – 156 s.
10. Prigozhin I. R. Konec opredel'jonnosti / I. R. Prigozhin. – Izhevsk : RHD, 2001. – 216 s.
11. Prigozhin I. Filosofija nestabil'nosti / I. Prigozhin // Voprosy filosofii. – 1991. - № 6. – S. 46-52.
12. Rubinshtejn S. L. Problemy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. – M.: Pedagogika, 1973. – 424 s.
13. Sinergetike 30 let. Interv'ju s professorom G. Hakenom [Provedeno E. N. Knjazevoj] // Voprosy filosofii. – 2000. - № 3. – S. 53-61. – [Jelektronnyj resurs] : URL <http://goo.gl/sZPPfO> (data obrashhenija 22.06.2016).
14. Cypin G. M. Psihologija muzykal'noj dejatel'nosti: problemy, suzhdenija, mneniya: Posobie dlja uchashhihsja muzykal'nyh otdelenij pedvuzov i konservatorij / G. M. Cypin. – M. : Interpraks, 1994. – 384 s.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.226

Пригожина К.Б.

ORCID 0000-0001-6376-5615, кандидат педагогических наук

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
РАЗНЫХ КУЛЬТУР – КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД**

Аннотация

В статье рассматриваются международные переговоры как ситуация межкультурного и межличностного общения, анализируется влияние культуры и ее основных структурных признаков на поведение участников межкультурного взаимодействия. Автор приводит сравнение этапов переговорного процесса как ситуации общения с уровнями межличностного взаимодействия, что позволяет выявить возможные ситуации культурного диссонанса и оптимизировать процесс переговоров. В статье также приводятся критерии оценки эффективности участника переговорного процесса, в основу которых положена степень сформированности межкультурной компетенции.

Ключевые слова: международные переговоры, культура, межкультурное общение, концепт, культурный диссонанс, ценностные ориентации.

Prigozhina K.B.

ORCID 0000-0001-6376-5615, PhD in Pedagogy, assoc. professor, Department of foreign languages,

Plekhanov Russian University of Economics

**ENHANCING INTERCULTURAL NEGOTIATIONS – COGNITIVE-AFFECTIVE-VALUE INDUCED
APPROACH**

Abstract

The article deals with international negotiations as a situation of intercultural and interpersonal communication as well as the influence that culture and its main structural features have on the behavior of participants in intercultural interaction. The author provides a comparative analysis of the stages in negotiation process matching them to the levels of interpersonal interaction, identifying possible situations of cultural misunderstanding in order to improve the process of negotiations. The article also outlines criteria for assessing effectiveness of a negotiator in situations of intercultural communication.

Keywords: intercultural negotiations; culture; intercultural communication; concept; cultural misunderstanding; cultural values.

Axiology of negotiations lies in the understanding of the phenomenon of "culture" that includes values as its structural feature and performs regulatory functions influencing behavior of participants in negotiations. No wonder that "... an Englishman wants to see the world as a factory, a Frenchman – as a salon, a German – as a barracks, and the Russian – as a church. Englishmen crave for profit, the French seek for fame, the Germans want power, and the Russians – sacrifice. The Englishman expects benefits, the Frenchman wants to impress, the Germans need dominating, and the Russian does not want anything ... [14, p. 387].

Culture "permeates all events ... life and consciousness of people ..." [4, p. 45] and is defined as a "conceptual monster" [15, p. 109]. There is a comprehensive definition of culture, such as "once assimilated, culture becomes the means by which a person sees, but rarely becomes what he actually sees" [16, p. 14]. That is why participants in intercultural negotiations even with high level of language command, discursive and social competences often experience cultural misunderstanding and face difficulties when interacting with partners of other cultures.

Culture consists of explicit (rituals, folk art, symbols, etc.) and implicit (norms, values, beliefs and assumptions) components. Preparing for international negotiations we must bear in mind implicit constituents that play the most significant role in communication. Intercultural communication is a dialogue of cultures, during which implicit components of different cultures come into interaction and start modeling and shaping cultural identity as well as communicative and cognitive behavior of participants. Cultural values come into interaction at conceptual level [3, pp. 325 – 328], when perception and understanding of a foreign and your own cultures and concepts prevail. Situational and contextual features of intercultural negotiations are influenced and modified by implicit components of culture, which sets the appropriate combination of intercultural negotiation parameters that define their context specificity. Situational and contextual features of negotiation processes are interrelated and constitute axiology of negotiations.

The above leads us to the idea of studying and comparing cultures in preparation for negotiations based on the cognitive approach. This approach allows us to consider culture in a broader sense as a "learning process inside and outside of human mind" [13, pp. 55 – 56]. In this sense culture determines concept as a mental reflection of the elements of culture [12, p. 24]. Values are the core element of concept [8]. Concept is a unit of cultural analysis, while system of values is the main parameter of comparative cultural analysis and the impact of cultural values on cross-cultural business communication. The process of studying culture "... is not purely cognitive but cognitive-affective-value induced, and defines human mentality at all levels – motivation, ideas, behavioral" [13, p. 54]. Following this logic, it might be stated that concept appears as a "basic perceptual-cognitive-affective item of a dynamic nature, spontaneously functioning in cognitive and communicative activity of an individual" [6, p. 39].

These quotes reinforce the assumption of the necessity of complex training of future participants in international negotiations based on cognitive-affective-value induced approach which helps shape ideas about the basic beliefs and values of other cultures within their comparative analysis. This enables us to develop a cognitive image of the situation of intercultural communication under the influence of the system of values and beliefs, which are the basic parameter of cultural comparative analysis. Modeling cognitive image of negotiations context is possible when comparing cultures through conceptual analysis,

based on axiological and cognitive-communicative approaches to the study and comparison of cultures that allows you to apply the semantic concept of culture. Such approach considers negotiation process beyond commonly accepted linguopragmatic approach and refers to the study of communicative reality located beyond linguistic structures. Complexity and diversity of the concept of culture largely complicates the process of studying cultural differences. Based on the semantic concept of culture, we attach to this process awareness, and therefore greater efficiency.

Considering negotiation process in context of communication, we analysed Russian and foreign scientific works in the field of structure of communication process. The analysis revealed that negotiation process is related to the following stages of communication:

- a) interaction and behaviour:
 - structure of communication (perception, communication, and interaction) [1];
 - structure of rapport [10];
 - structure of behaviour (cognitive, affective, practical) [11];
- b) communication:
 - intercultural communication model (perception, communication, interaction) [2, pp. 93 – 107];
 - structure of interpersonal interaction (cognitive, affective, and behavioural) [5];
 - structure of action and performance (causative-motivational, estimated research, the executive phases) [9, p. 11];
 - speech (causative-motivation, analytic-synthetic, performing levels of meaningful perception) [7].

The main cognitive skills are commonly involved in the process of intercultural business negotiations, which makes this type of communication a meaningful process of perception consisting of three levels – the causative-motivation, analytic-synthetic, and performing. Meaningful process of perception can be noticed at all stages of intercultural communication (Fig.):

- 1) the first two stages of negotiations correspond with perceptive communication level – mutual cognition stage;
- 2) the third stage of negotiations means interaction, building rapport, setting and maintaining relationship based on information derived from the previous two levels of interaction;
- 3) the fourth negotiation stage refers to the level of communication leading to possibility of mutual understanding and consideration.

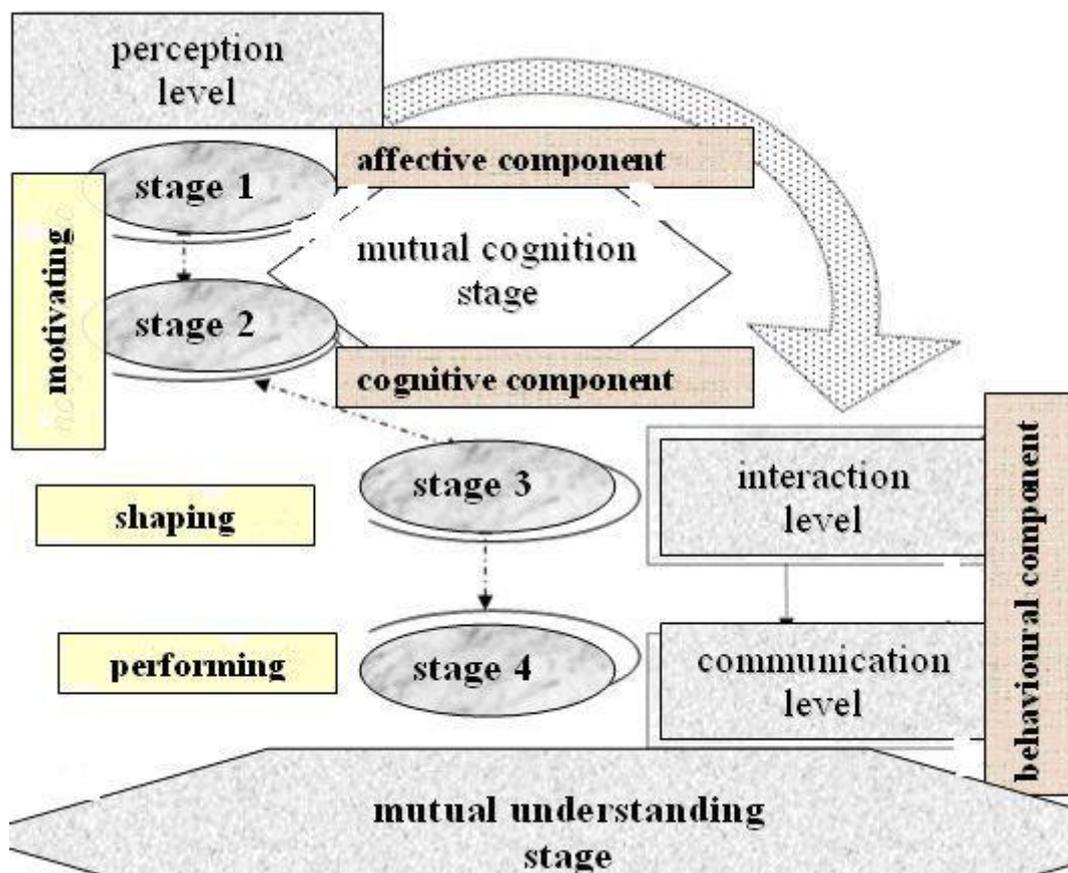

Fig. – Negotiations process structure related to structure of communication, interpersonal interaction, and intercultural communication model

Having outlined the stages of international negotiation process, we may assume that developed intercultural competence in future negotiators is likely to guarantee effectiveness and efficiency of negotiations. Alongside with negotiations stages preparation process includes four levels, which may serve to assess a negotiator:

- 1) Level A – cultural identity and intercultural awareness (the awareness and recognition of my own and other cultures, recognition of their influence on mentality and behaviour of partners) – corresponds to affective component;
- 2) Level A+ – tolerance and intercultural sensitivity (perception and understanding of cultural differences and values, background information about the situational and contextual features of negotiations, as reflected in cultural scenarios; ability

to use cognitive skills, including observation, identification, comparison, analysis, classification, modelling situational and contextual negotiation parameters) – perceptual component;

3) Level B – cross-cultural orientation and cognitive modelling (identification and mapping, analysis and interpretation of the situational and contextual parameters of negotiations; decoding of frames of images by cluster modelling of cultural portraits of participants in the negotiations; identifying areas of cognitive misinterpretation; recognising and changing cultural scenario of negotiations) – cognitive component;

4) Level C – ability to successfully apply the knowledge and skills appropriate to the situation of intercultural negotiations; willingness and ability to effectively participate in cross-cultural communication with partners in different countries; ability to exercise flexibility, show willingness to recognize the differences in cultures, partially neutralize the dominant values of your own culture in order to achieve mutual understanding with partners – behavioral component

Cultural differences appear to be the variables that are the most important and, at the same time, difficult to understand. Participation in intercultural negotiations means possessing background knowledge and skills that enable to understand and interpret information and behaviour accurately based on cognitive activity of awareness, identification, comparison and interpretation of national and cultural concepts specific to a certain native or other cultures.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 378 с.
2. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты) : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1997. – 325 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках / Бахтин М.М. // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 281 – 307.
4. Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 31 – 42.
5. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные труды. – М., 1983. – С. 115 – 133.
6. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – 177 с.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М. : Издательство МОДЭК, 2010. – 448 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. – 357 с.
9. Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 106 – 123.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304с.
11. Обозов Н.Н. О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия / Психология межличностного познания; под ред. А.А. Бодалева // Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1981. – С. 80 – 92.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 322 с.
13. Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход) : дис. ... канд. философ. наук. – Ростов н/Д., 2007. – 178 с.
14. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 1997. – 446 с.
15. Agar, M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. – New York: William Morrow and Company, Inc., 1994. – 184 p.
16. Quinn, N. Culture and cognition // Holland D., Quinn N. (eds.) Cultural models in language and thought. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 3 – 40.

References

1. Agar, M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. – New York: William Morrow and Company, Inc., 1994. – 184 p.
2. Andreeva, G.M. Social'naja psihologija [Social psychology]. – М. : Aspekt Press, 2001. – 378 p.
3. Astafurova, T.N. Strategii kommunikativnogo povedenija v professional'no-znachimyh situacijah mezhkul'turnogo obshhenija (lingvisticheskiy i didakticheskiy aspekt) [Strategies of communicative behaviour in intercultural communication (linguistics and didactics)]: dis. ... d-ra ped. nauk [PhD in pedagogical sciences]. – М., 1997. – 325 p.
4. Bahtin, M.M. Problema teksta v lingvistike, filosofii i drugih gumanitarnyh naukah [Text in linguistics, philosophy, and other humanitarian sciences] / Bahtin M.M. // Jestetika slovesnogo tvorchestva. – М. : Iskusstvo [Art publishing], 1979. – pp. 281 – 307.
5. Bibler, V.S. Kul'tura. Dialog kul'tur (Opyt opredelenija) [Culture in dialogues (definitions)] / V.S. Bibler // Voprosy filosofii [Philosophy issues], 1989. – № 6. – pp. 31 – 42.
6. Bodalev, A.A. Lichnost' i obshhenie: Izbrannye trudy. [Personality and communication] – М., 1983. – pp. 115 – 133.
7. Filatova, A.A. Koncept kak konstituirujushhij jelement kul'tury (kognitivnyj podhod) [Concept as an element of culture (cognitive approach)]: dis. ... kand. filosof. nauk. [PhD in philosophy] – Rostov n/D. [Rostov-on-Don], 2007. – 178 p.
8. Karasik, V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. [Language cycle: personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena, 2002. – 357 p.
9. Leont'ev, A.A. Slovo v rechevoj dejatel'nosti. [Word in speech and interaction] – М. : Nauka [Science publishing], 1965. – 245 p.
10. Leont'ev, A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Actions, mentality, personality] – М.: Politizdat, 1975. – 304 p.
11. Obozov, N.N. O trehkomponentnoj strukture mezhlichnostnogo vzaimodejstvija [Three-component structure of interpersonal interaction] / Psihologija mezhlichnostnogo poznaniya; pod red. A.A. Bodaleva [Psychology of interpersonal cognition, ed. A.A. Bodalev] // Akad. ped. nauk SSSR. – М. : Pedagogika [Pedagogy], 1981. – pp. 80 – 92.
12. Quinn, N. Culture and cognition // Holland D., Quinn N. (eds.) Cultural models in language and thought. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 3 – 40.

13. Shubart, V. Evropa i dusha Vostoka. [Europe and Oriental soul] – M.: Russkaja ideja [Russian idea publishing], 1997. – 446 p.
14. Slyshkin, G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty [Linguo-cognitive concepts and metaconcepts] : dis. ... d-ra filol. nauk. [PhD in philology] – Volgograd, 2004. – 322 p.
15. Zalevskaja, A.A. Tekst i ego ponimanie. [Text and its interpretation] – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet [Tver State University], 2001. – 177 p.
16. Zimnjaja, I.A. Pedagogicheskaja psihologija. [Pedagogical philology] – M. : Izdatel'stvo MODJeK [MODJeK publishing], 2010. – 448 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.217

Целищева З.А.

Доцент, Кандидат культурологии,

Нижевартовский государственный университет

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация

В статье приводится этимологический анализ понятия «коммуникация» и примеры того или иного ее значения и обоснования в трудах различных ученых и мыслителей, а также объясняется ее роль в жизни современного общества с точки зрения глобализации межкультурной коммуникации. В данном контексте культура представлена как способность человека к символизации посредством языка, который в свою очередь есть национальное самовыражение конкретного этноса, его менталитета, национального характера, системы ценностей, видения мира в целом. Автор выходит на одну из важнейших проблем общества, а именно на проблему манипуляции сознанием людей и стирания культурных границ, которая стала еще более возможной в современном мире, где с каждым годом исчезают коммуникативные барьеры различной природы и широко используется технический прогресс. Именно язык (знак, языковой символ) может послужить средством (возможностью) сохранения культурного кода культуры (ее личной парадигмы), так как знак предполагает означаемое, т.е. некую предметность, которая еще не есть знак, но понятна на особом ментальном уровне носителям языка.

Ключевые слова: символ, язык, знак, культура, коммуникация, глобализация, общество, образование, манипуляция сознанием.

Tselishcheva Z.A.

Associate professor, PhD in Cultural Studies,

Nizhnevartovsk State University

SEMIOTIC COMPONENT OF CULTURAL AND COMMUNICATIVE SPACE

Abstract

The article provides the etymological analysis of the concept of «communication» and examples of one or another of its meaning and reasons in works of various scientists and thinkers, and explains its role in life of modern society from the point of view of globalization of cross-cultural communication. In this context culture is presented as a person's ability to symbolize through language, which in turn is national expression of specific ethnos, his mentality, national character, values and vision of the world in general. The author brings up one of the most important problems of society, namely the problem of people's minds manipulation and erasing cultural borders which has become possible even more in the present world where every year communicative barriers disappear and technical progress is widely used. Language (sign, language symbol) can serve as means (opportunity) of preserving a cultural code (its personal paradigm) as a sign is meant a certain concreteness which is not a sign yet, but is clear to native speakers on mental level.

Keywords: symbol, language, character, culture, communication, globalization, society, education, mind manipulation.

В связи с усиливающимся влиянием глобализации на все сферы жизни и деятельности современных государств, особый научный интерес вызывают теории коммуникации, рассматриваемые в рамках функционирования культуры. Современное общество любого государства отличается сложностью организации и требует для успешного функционирования совершенной координации действий всех участников (граждан), опирающейся на коммуникативные процессы. Изменились место и роль самой коммуникации, в силу чего она стала объектом изучения в различных концептах: психологическом, социологическом, философском, культурологическом и т.д.

Существует несколько подходов к пониманию и определению понятия «коммуникация». В зависимости от этимологии слова в широком смысле коммуникация понимается как сообщение (от латинского слова *communicatio* – сообщение) – необходимое условие для развития науки и общества в целом (например, «теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса [1; 2, с. 25], а также его идеал свободной коммуникации, когда ни один из участников не подвергается ограничениям со стороны властных структур и нормативных правил). У К. Ясперса проводится различие между «объектной» коммуникацией, обусловленной общей организацией представлений людей – общие интересы, культурная принадлежность; и «экзистенциальной» – возможной лишь как причастность двух разных индивидуальностей единой сути мира (в ситуации общения двух «самостей», т.е. общение, которое затрагивает потаенные глубины человеческой личности) [3, с. 102]. Так же коммуникация может рассматриваться (от лат. *communicare* – делать общим, сообщать, совещаться с кем-либо) как возможность для «Я индивида» стать самим собой через обнаружение себя в другом [4].

Коммуникация так же выступает процедурой воспроизведения некоего сигнала (от лат. *communicatio* – сообщение, передача), как взаимообмен сведениями, идеями, определенным содержанием коллективного либо

личностного характера, с помощью какой-либо знаковой системы; прямое или опосредованное взаимодействие людей, либо односторонняя передача информации посредством СМИ; процесс перекодировки вербальной информации в невербальную и невербальной в вербальную; «обмен сигналами, низкого уровня энергиями» в физическом пространстве [5]. Ссылаясь на определение культуры как способности людей к символизации, мы можем говорить об ее особенности заключающейся в определении всего объективного мира миром человеческой субъективности, в результате чего возникает третий мир – очеловеченной природы, оформленной в символическую систему [6, с. 432]. Однако вопрос взаимосвязи языка и культуры является весьма актуальным и открытым: с одной стороны, язык может рассматриваться как часть культуры, с другой стороны, язык может выступать выражением культуры, и наконец, язык может рассматриваться отдельно от культуры. Тем не менее, цельность любой культуре придает сумма объективаций человеческого духа и ее язык, который представляет собой ее знаковую (символическую) систему, которая может быть понята лишь посредством интерпретации заданного смысла. Помимо толкования символ предполагает коммуникацию субъектов, находящихся примерно в одном принятом понятийном (энергетическом) поле. По мнению Л. Уайта все энергетические процессы, обеспечивающие бытие материального мира, находят свое отражение в знаках языка в сфере культурных символов, и тем самым объясняется внутренняя динамика культуры, ее визуального и вербального коммуникативного пространства, а также предполагает систему овладения процессом символизации и распределения знаков и символов [7]. Еще у И. Канта в теме трансцендентального схематизма в «Критике чистого разума» символ приобрел значение особенного духовного понимания реальности [8]. Способность к символическому оформлению знания дает повод рассматривать это явление как особый тип мыслительной операции, сочетающий в себе разноплановость образа с логическим содержанием понятия. Следовательно, во-первых, культура может трактоваться как символическая реальность, во-вторых, должна быть выработана методология «расшифровки» того смысла, который был вложен в объект культуры, в-третьих, символ должен изучаться как сознательно творимое культурой сообщение.

Согласно гипотезе лингвистической относительности, известной также под названием «гипотеза Сепира-Уорфа», у людей разное восприятие объективной реальности. Их видение опосредовано родным языком, определяющим само видение и восприятие окружающего мира [9, с. 223-224; 10]. Следовательно, язык, на котором говорит субъект, определяет его мышление и способ познания. Диапазон действия человеческого языка не ограничен пространственно-временными границами. Ментальные системы постоянно меняются под воздействием культурно-языковых систем. Согласно мнению известного немецкого филолога и языковеда В. Гумбольдта, материальный и духовный мир находят свое отражение в языке, вместе с тем каждая культура национальна, а ее национальные особенности выражаются именно в языке, которому присуща своя специфика и форма. По этому поводу С.Г. Тер-Минасова писала что, язык является зеркалом культуры, отражающим окружающую действительность человека, среду его обитания, а также коллективное сознание этноса и его ментальную картину мира [11]. Язык как лингвокультурологический феномен включает в себя всю культуру конкретного общества, в то же время он выполняет функцию лексико-семантического взаимоперевода и формирования интернациональной лексики под влиянием глобализации межкультурной коммуникации. Процесс коммуникации возможен лишь при условии наличия значений, которые принимаются, используются ее участниками и понятны им [12, с. 49]. Когнитивно-культурологическая информация, заложенная в слове, дает сведения о самом факте существования соответствующих реалий, об их истоках, о культурных контактах, об уровне развития конкретного народа. Главная особенность использования языка в современном информационном обществе это массовый характер коммуникации, глобализация информационных процессов, расширяющие формы воздействия на людей за счет новых технологий. Язык используется как инструмент для формирования новых понятий (установок, норм поведения) в сознании, определяющие способ человеческого мышления и тем самым процесс восприятия и воспроизведения действительности. Современная система образования и все информационное пространство в целом могут быть рассмотрены как нормопорождающие структуры, обеспечивающие введение (насаждение) определенных норм, а также упорядочивающие ситуации в пользу вводимой нормы. Следовательно, возникает ситуация «манипуляции сознанием» индивида, когда стираются границы и исчезают коммуникативные барьеры, препятствующие проникновению той или иной информации в массы. Однако стоит отметить, что само латинское слово «ин-дивидуум» есть перевод греческого «а-том», что в русском языке означает «неделимый». Но на практике миф об индивидууме неосуществим, в силу того, что человек может возникнуть и существовать только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием [13, с. 13].

Слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово manus – рука (manipulus – пригоршня, горсть). В словарях европейских языков это слово трактуется как обращение с объектами с определенной целью. В технике те приспособления, которые как бы являются продолжением рук для управления механизмами, называются манипуляторами. Отсюда и произошло современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми, а в нашем случае это вид духовного, психологического воздействия на сознание масс с определенной целью. Мишенью манипулятора оказывается психическая структура человеческой личности [13, с. 14].

Современные культуры отличаются от предшествующих большей степенью вербальности, следовательно, именно этот факт объясняет возрастающий интерес со стороны тех, кто задался целью манипулировать сознанием людей в своих политических и экономических интересах.

Исходя из предложенного анализа, можно сделать вывод, что сущностью коммуникативного пространства культуры является принцип сохранения ее (энергетического) баланса как системы (единого целого) за счет наличия иерархии символических форм в культуре. Если каждый носитель языка будет носителем культуры и ее ценностей, то языковые знаки приобретут способность выполнять функцию знаков (кодов, языковых символов) культуры и тем самым послужат средством сохранения установок культуры (ее парадигмы) [14, с. 4].

Литература

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
2. Чекушкина Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества// Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2014. – № 1. – С. 25–27.
3. Гайденок П.П. Человек и история в свете «философии коммуникации» К. Ясперса// Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука, 1978. С. 102.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. 656 с.
6. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. XVI, 731 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
7. Уайт Л. Энергия и эволюция культуры// Сб. Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретации культуры [Электронный ресурс] URL.: <http://lib.unidubna.ru/search/files/> (дата обращения 10.06.2016).
8. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 592 с.
9. Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 223–247.
10. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 464 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Языки и межкультурная коммуникация // Учебное пособие. М.: Слово, 2000. 262 с.
12. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 48–53.
13. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / Сергей Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2015. С. 13–30. (Манипуляция сознанием).
14. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во. Моск. ун-та, 1982. С. 4–9.

References

1. Y. Habermas Moral consciousness and communicative action. SPb.: Science, 2001. 382 s.
2. Chekashkina E. N. The communicative theory of Y. Habermas and culture of the information society// Theory and practice of social development. – Krasnodar, 2014. – No. 1. – S. 25-27.
3. Gaidenko P. P. Man and history in the light of «philosophy of communication» by K. Jaspers// Man and his existence as a problem of modern philosophy. M.: Nauka, 1978. S. 102.
4. Jaspers K. The meaning and purpose of history lane. with it. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
5. Pocheptsov G. G. communication Theory. Moscow: Refl-Buk, K.: «Vakler», 2001. 656 s.
6. A dictionary of philosophical terms / Scientific editorship of Professor V. G. Kuznetsova. M.: INFRA-M, 2004. XVI, 731 s. (Library of dictionaries «INFRA-M»).
7. White L. Energy and evolution of culture// Proc. Anthology of research culture. Volume 1. Interpretation of culture [Electronic resource] URL.: <http://lib.unidubna.ru/search/files/> (accessed 10.06.2016).
8. Kant I. Critics of pure reason. M.: Thought, 1994. 592 p
9. Sapir, E. Language, race, culture // Selected works on linguistics and cultural studies. M.: Progress, 1993. S. 223-247.
10. Wharf BL ratio norms of behavior and thinking to language // New in foreign linguistics. M.: Foreign Literature Publishing House, 1960. Vol. 1. 464 s.
11. Ter-Minasova SG Languages and Intercultural Communication // Textbook. M.: Word, 2000. 262 s.
12. N. Smelser Sociology: Per. from English. M.: Phoenix, 1994. S. 48-53.
13. Kara-Murza SG Manipulation of consciousness. Century XXI / Serge Kara-Murza. M.: algorithm, 2015. S. 13-30. (Manipulation of consciousness).
14. AF Losev Sign. Symbol. Myth. M.: Publishing House. Mosk. University Press, 1982. s. 4-9.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.061

Чернышев А.В.

Старший преподаватель,

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

ЗВУКОЗАПИСЬ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

Статья посвящена изучению круга проблем, связанных со становлением технологии звукозаписи, ее ролью и местом в современной культуре. Автор исследует динамику развития технологии звукозаписи в культурно историческом контексте, прослеживает значимые этапы в становлении механической и магнитной технологий.

Автор доказывает, что изобретение и развитие звукозаписи находилось в центре формирования новой социальной реальности, развития таких феноменов XX века, как массовая культура, популярная культура, мировой художественный рынок, мировая экономика.

Ключевые слова: звукозапись, музыка, аудиовизуальная культура, технология, искусство.

Chernyshev A.V.

Senior lecturer,

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences

SOUND RECORDING AS A CULTURAL PHENOMENON: HISTORICAL ASPECT

Abstract

The article is devoted to studying the range of problems connected with the development of sound recordings technologies, its role and place in modern culture. The author explores the dynamics of the development of sound recording technologies in the cultural and historical context, and traces the significant stages in the development of mechanical and magnetic recording technology.

The author argues that the invention and development of recording was at the center of the formation of a new social reality, the development of such phenomena of the twentieth century, as mass culture, popular culture, global art market, global economy.

Keywords: sound recording, music, audiovisual culture, technology, art.

Изобретение звукозаписи стало возможным благодаря ряду научных открытий, но ее востребованность, разнообразие форм и распространенность, определена комплексом процессов, протекавших в культуре XIX – XX века.

С появлением и развитием звукозаписи связаны такие значимые для культуры XIX- начала XXI века аспекты, как формирование новых коммуникационных каналов передачи аудиальной информации, форм и способов ее фиксации и хранения, культурных норм и практик потребления музыки и художественного слова, переустройство способов их социального функционирования.

Культурно-исторические аспекты появления и развития звукозаписи

Появление звукозаписи определялась рядом запросов общества, рассмотрим некоторые из них.

Звукозапись является одним из способов фиксации произведений аудиального искусства, сохранения культурных ценностей, документации явлений культуры и искусства, наряду с фотографией и кино, развивавшимися фактически одновременно со звукозаписью. Так, первые изобретатели устройств и носителей звукозаписи Т.Эдисон и Э.Берлинер отталкивались от уже найденных решений в фотографии и проводном телеграфе.

Техническое репродуцирование произведений искусства многими исследователями связывается не только с техническим и научным прогрессом, но с проявлением демократизации общества.

Так, Разлогов К.Э. связывает рождение кинематографа с переменами в принципе функционирования культуры, а именно, переходом к массовой культуре в которой искусство становится доступным неимущим слоям. [1]

Хренов Н.А. размышляя о процессе экспансии культуры, отмечает, что новые коммуникативные средства втягивают в культурные процессы слои, ранее в них не вовлеченные. [2]

С этой точки зрения процесс развития звукозаписи является ответом на новые культурные потребности, формирующиеся в обществе. Причем, с одной стороны, массовая культура, в процессе своего становления вызывает к жизни новые формы бытования произведений аудиального искусства, способы их создания и распространения. С другой стороны, носители звукозаписи, такие, как пластинки, магнитофонные кассеты, бобины, компакт-диск являются важными элементами созревания и экспансии массовой культуры, утверждения новых форм социокультурного функционирования для массовой аудитории, развития системы массового потребления.

Популяризация звукозаписей и звуковоспроизводящих устройств породила новые способы потребления произведений аудиального искусства. Начиная с конца XVII века до середины XIX века, доминировали социальные формы потребления аудиальных текстов (публичный концерт, театральная постановка, церковная служба), но массовое производство устройств воспроизведения звукозаписи, носителей звукозаписи предложило обществу индивидуальные формы.

История развития звукозаписи является и частью истории формирования мирового художественного рынка, мировой экономики.

Усложнение технологии приводило к формированию крупных производств, добивавшихся доходности за счет увеличения объема выпускаемой продукции, повышения качества записи. Так, в 1960 годах объемы производства ряда компаний достигли национальных масштабов, например, компании Philips и DECCA в Великобритании, PatheMarconi во Франции, RCA в Америке, DeutscheGrammophon в Германии.

В конце 1990 годов в результате слияния звукозаписывающих компаний, приобретения ими независимых студий, сформировались мультинациональные корпорации-гиганты, такие, как UniversalMusicGroup, WarnerMusicGroup, EMIGroup, SonyMusicEntertainment.

Культуролог Коваленко О.А., исследовавший феномен музыкальной звукозаписи, различает следующие функции звукозаписи в современной культуре:

1. исторический и историко-культурный документ (записи выступлений и рассказов-воспоминаний общественных деятелей и деятелей культуры, материалы этнографических исследований);
2. единственно возможный метод фиксации исполнительских интерпретаций музыкальных произведений;
3. творческий инструмент для создания новых музыкальных произведений именно в форме аудиозаписи (рок-музыка, джаз, академический авангард);
4. дополнительное средство фиксации литературно-художественных явлений (записи художественного чтения и театральных спектаклей, хотя необходимо признать некую недостаточность лишь звукозаписи для второго случая). [3]

Развитие технологий звукозаписи

История звукозаписи берет свое начало в конце XIX в. Одними из первых устройств механического воспроизведения музыки являются карильоны и музыкальные шкатулки. Не смотря на существенную разницу в размерах, конструктивно эти устройства устроены по одному принципу: вращающиеся валики со штифтами приводят в движение отдельные элементы, извлекающие звук.

На протяжении XVIII - XIX веков, миниатюрными механическими механизмами, воспроизведения звука оснащались шкатулки, часы, табакерки. Однако революционным прорывом в истории звукозаписи стало изобретение Томасом Эдисоном фонографа в конце XIX века.

Несмотря на то, что принцип записи звука, реализованный в фонографе, был найден еще в 1877 году, Эдисон на протяжении многих лет дорабатывал его конструкцию, однако качественного воспроизведения звука с помощью фонографа достичь не удалось.

Гораздо большего успеха в записи и воспроизведении звука добился изобретатель граммофона Эмиль Берлинер.

В историю развития звукозаписи Берлинер вошел не только как изобретатель пластинки (диска с канавками записи), но и как человек, предусмотревший возможность тиражирования записи.

Путем многочисленных экспериментов Берлинер подбирал подходящие материалы для иглы, диска, протравливаемого покрытия. Именно Берлинером была найдена смесь природной смолы (шеллака), сажи и шпата, из которой печатали пластины (получившие название грампластинки) до середины 1950 годов.

Найденный Берлинером способ фиксации и воспроизведения записи относится к механическим способам, для которых характерно наличие непосредственного контакта между носителем записи и записывающим или воспроизводящим элементом. Аполлонова Л.П. и Шумова М.Д. определяют механическую звукозапись как «систему записи звука, при которой на движущемся носителе записи в соответствии с записываемыми звуковыми колебаниями вырезается или выдавливается канавка». [4, с.5]

Созданные Берлинером компании по производству грампластинок выпускали в США и Великобритании («Victor Talking Machine Co» и «E. Berliner's Gramophone Co» соответственно) продукцию, измеряемую миллионами.

Значимыми этапами усовершенствования технологии грамзаписи являются:

- внедрение электрического привода вместо акустической мембраны в 1920-х годах и использование полимеров в конце 1940-х годов;
- освоение технологии нанесения на пластинки стереозаписи в 1950-х;
- увеличение емкости пластинок, благодаря использованию новых пластмасс (на каждую сторону можно было записать до тридцати минут звучания) в конце 1960-х.

Практически одновременно с технологией механической звукозаписи развивалась технология магнитной записи. Первые опыты с использованием магнетизма для записи звука относятся к концу 1880-х годов.

Американский инженер Оберлин Смит, опубликовавший одну из самых ранних теоретических работ о технологии магнитной записи, использовал в качестве носителя хлопковую или шелковую нить с вкраплениями металлических частиц.

Многие из идей Смита были использованы десять лет спустя датским инженером В.Пулсенем. В частности Пулсен воплотил идею Смита об использовании в качестве носителя стальную проволоку. Пулсен сконструировал первый аппарат для магнитной записи и первое устройство воспроизведения магнитной записи, получивший название «телеграфон».

Поскольку проволока имела множество недостатков в качестве носителя, среди которых ее не достаточная эластичность, высокая стоимость, отсутствие возможности склейки кусков, продолжались поиски новых носителей.

В 1928 году немецкий инженер В.Плоймер предложил наносить слой магнитного порошка на бумажную ленту. Немецкая фабрика «Badische Anilin- & Soda-Fabrik» (BASF), на которой было налажено производство ленты, со временем переросла в один из крупнейших в мире химических концернов.

Современная технология магнитных лент возникла в 1932 году, когда в качестве основы вместо бумаги взяли ацетилцеллюлозу, а в качестве покрытия порошок карбонильного железа.

Наибольшие успехи в разработке технологии записи на магнитную ленту были достигнуты в Германии. В 1935 немецкая фирма "AEG" разработала прибор для записи и воспроизведения звука с магнитной ленты, названный "Magnetophon". Его популярность определила то, что в дальнейшем все устройства, такой конструкции стали называться магнитофонами.

Граммофоны, используемые в этот период, обеспечивали высокое качество звука, но у магнитофонов было значимое преимущество – возможность не только прослушивания, но и записи звука.

До середины 1960-х годов основной проблемой магнитной записи была быстрая изнашиваемость воспроизводящих головок, унификация магнитной пленки и элементов воспроизводящих устройств.

Унификация, стандартизация – явления, связанные с новыми реалиями в мировой экономике, мировом рынке, означающие возможность массового производства в международных объемах. Унификация этого периода коснулась следующих параметров: скорость движения магнитной ленты, ширина рабочего зазора магнитной головки, ширина магнитной ленты.

Компании, успешно решившие эти задачи, стали лидерами по производству устройств магнитной записи в мировом масштабе. К таким компаниям относятся: Philips, Akai, AEG Telefunken.

Поворотным моментом в развитии магнитной записи было появление в 1970-е годы многодорожечных магнитофонов, позволявших записывать более 24 сигналов на магнитную ленту одновременно. Многодорожечная технология изменила принципы записи музыкальных произведений.

Суть технологии заключалась в том, что на каждую дорожку записывалась отдельная партия инструментов, группа инструментов, вокальная партия. Благодаря этому стала возможна детальная работа с каждой дорожкой, эксперименты со звучанием, так называемое «сведение» (финальное микширование) записанных компонентов с подбором нужного баланса звучания.

Если ранее перед звукорежиссером стояла задача записать весь ансамбль одним качественным дублем, то новый способ изменил весь процесс, позволил поднять уровень технического качества записи, расширил поле творческого эксперимента, стал основой появления новых профессий (звукорежиссер, продюсер звукозаписи).

Мы не будем в рамках этой статьи детально рассматривать все технологии звукозаписи. Отметим, что наиболее развитыми, вошедшими в массовое производство технологиями звукозаписи являются:

- Механическая запись;
- Электромеханическая запись;
- Магнитная запись;
- Цифровая звукозапись;
- Лазерная (оптическая) запись;
- Магнитооптическая запись;
- Электронные носители.

Технологии звукозаписи стимулировали развитие естественных наук, преимущественно физики, химии, механики, оптике, акустики, электроники.

Благодаря звукозаписи расширились сферы функционирования музыкального, театрального искусства, появились новые способы документации художественных событий.

Со звукозаписью связано появление новых профессий - звукорежиссер, продюсер, таких феноменов, как Альбом, Шлягер, Лейбл и т.д.

Производство средств записи и воспроизведения звука, носителей аудиальной информации прошло путь от создания отдельных моделей к индустриальному процессу, становлению международной индустрии звукозаписи, корпораций-гигантов.

В сфере художественной культуры звукозапись является одним из ранних примеров сочетания художественного и технического творчества.

Литература

1. Разлогов К. Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? - М.: Искусство, 1992. - С. 164-165.
2. Хренов Н. А. Культурологический аспект изучения публики как коммуникативной общности : Автореф. дис. канд. Фил. наук: – М., 1992. – С. 40.
3. Коваленко О.А. Культ. Музыкальная звукозапись как феномен культуры: Автореф. дис. канд. Култ.: – СПб., 2012. – 28 с.
4. Аполлонова Л.П., Шумова Н.Д. Мезаническая звукозапись. – М.: Энергия, 1978. – 232 с.

References

1. Razlogov K. Je. Kommercija i tvorcestvo: vrugi ili sojuzniki? - M.: Iskusstvo, 1992. - S. 164-165.
2. Hrenov N. A. Kul'turologicheskij aspekt izuchenija publiki kak kommunikativnoj obshhnosti : Avtoref. dis. kand. Fil. nauk: – M., 1992. – S. 40.
3. Kovalenko O.A. Kul't. Muzykal'naja zvukozapis' kak fenomen kul'tury: Avtoref. dis. kand. Kult.: – SPb., 2012. – 28 s.
4. Apollonova L.P., Shumova N.D. Mezanicheskaja zvukozapis'. – M.: Jenergija, 1978. – 232 s.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.094

Бурмистрова Н.О.¹, Бурмистров Д.А.²

¹Восточно-Европейский институт психоанализа,

²Доктор биологических наук, Кандидат педагогических наук,
Санкт-Петербургский институт биорегуляции и геронтологии

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ МОТИВЫ К ТРУДУ, ПОТРЕБНОСТИ И ОЖИДАНИЯ ДЕФИЦИТНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы поиска эффективных инструментов мотивации и стимулирования персонала к труду; выявления необходимых компонентов в общей системе управления персоналом на современном предприятии для привлечения, удержания и максимально продуктивной организации труда наиболее дефицитных на сегодняшний день специалистов. Приведены результаты исследования, целью которого является выявление основополагающих мотивов, ценностей, потребностей и ожиданий специалистов от сотрудничества с работодателями.

Ключевые слова: Мотивация, стимулирование к труду, потребности персонала.

Burmistrova N.O.¹, Burmistrov D.A.²

¹The East European Institute of psychoanalysis, ²PhD in Biology, PhD in Pedagogy,

St. Petersburg Institute of Bioregulation and gerontology

THE UNDERLYING MOTIVATIONS TO WORK, THE NEEDS AND EXPECTATIONS OF THE SCARCE EXPERTS

Abstract

The article considers the problem of finding the effective tools of motivation and stimulation of staff to work; identify the necessary components in the overall system of personnel management in the modern enterprise to attract, retain and maximise the productive organization of labor is the most scarce today specialists. The results of the study, the purpose of which is to identify the underlying motives, values, needs and expectations from the cooperation with employers.

Keywords: Motivation, stimulation to work, the needs of the staff.

На сегодняшний день руководители большинства Российских предприятий заинтересованы вопросом внедрения и развития на предприятии эффективной системы мотивации и стимулирования персонала к труду. Мотивирование сотрудников эффективно только в том случае, когда представляет собой четко выстроенную систему, продуманное соотношение элементов мотивации с обозначенными целями и задачами.

Систему мотивации современного предприятия сегодня невозможно построить исключительно на материальном вознаграждении, увязываемом с результатами работы. Необходимо внедрение элементов мотивации, учитывающих потребности людей, занятых на производстве и оказывающих стимулирующее воздействие на персонал. При этом данная система, максимально соответствуя потребностям и ожиданиям сотрудников должна быть экономически целесообразна для работодателя.

Процесс мотивации через выявление ценностей и потребностей сотрудников сложен, но чрезвычайно важен. Поскольку, только данный подход дает возможность руководителям максимально эффективно использовать мотивационные инструменты в общей системе управления персоналом.

Суть мотивации и стимулирования сотрудников к труду в современной системе управления персоналом состоит в определении и реализации путей их личных интересов, ценностей и приоритетов, а также предоставлении им возможностей для постоянного развития, возможностей реализовать себя в процессе достижения стратегических целей организации.

Мотив – это опредмеченная потребность [1]. Структура потребностей человека определяется его местом в социальной структуре или ранее приобретенным опытом. Следовательно, между людьми существует множество различий в отношении тех потребностей, которые для них важны. Что еще более важно, так это то, что есть множество путей и способов удовлетворения потребности конкретного типа. Человек испытывает потребность, когда он ощущает физиологически или психологически недостаток чего-либо [2].

В целях определения основополагающих мотивов к труду, а также исследования ценностей специалистов и их ожиданий от сотрудничества с работодателями нами был проведен опрос. В опросе приняли участие граждане трудоспособного возраста, сотрудники крупных производственных предприятий Санкт-Петербурга. Все опрошенные имеют среднее или высшее профессиональное образование и являются представителями дефицитных на сегодняшний день специальностей. Среди опрошенных рабочие высокой квалификации и инженеры различных категорий. Всего в опросе приняли участие 356 человек.

Участникам исследования было предложено ответить на вопросы относительно их приоритетов и жизненных ценностей, их отношения к ведению здорового образа жизни, продолжению образования, возможности их личностного и карьерного развития, а также их желание заниматься физической культурой и спортом.

Среди наиболее значимых ценностей и приоритетов, сотрудники предприятий, принявшие участие в опросе, отметили:

- постоянное самосовершенствование, духовный рост, интеллектуальное развитие – 74,4% опрошенных;
- ведение здорового образа жизни, отказ от алкоголя и курения, правильное питание – 69,4% опрошенных;
- ощущение социальной успешности, значимости – 52,5% опрошенных;
- забота о красоте своего тела – 36,1% опрошенных.

На вопрос о том, считают ли сотрудники, что успешный руководитель должен быть примером для подчиненных не только в области профессиональных знаний и умений, но также и личных качеств, положительно ответили 92,4% опрошенных.

На вопрос о том, считают ли сотрудники, что физическое здоровье является важным основополагающим фактором для максимально эффективного выполнения своих должностных обязанностей, положительно ответили 80,9% опрошенных.

Из общего числа 88,5% опрошенных считают, что для дальнейшего успешного развития им необходимо получение новых профессиональных знаний, умений, навыков, а 86,3% выразили желание получить дополнительное образование.

Среди наиболее интересных видов обучения (образовательных программ) сотрудникам интересны:

- курсы повышения квалификации – 57,9% опрошенных;
- посещение краткосрочных образовательных мероприятий (семинары, тренинги) – 49,2% опрошенных;
- получение второго (или более) высшего образования – 22,9% опрошенных;
- получение (завершение) высшего образования – 15,8% опрошенных.

Среди причин, которые в настоящее время мешают получать образование или посещать образовательные программы, сотрудники отметили:

- отсутствие свободного времени – 57,9% опрошенных;
- нехватка денежных средств – 50,8% опрошенных;
- отсутствие ясной цели – 8,2% опрошенных;
- отсутствие самодисциплины – 3,3% опрошенных.

Из всех опрошенных 37,7% признались в том, что они курят. Среди курящих сотрудников, на вопрос о желании бросить курить положительно ответили 81,2%.

Положительно на вопрос о желании ликвидации у себя симптомов хронических заболеваний мешающих успешному ведению профессиональной деятельности ответили 65,6%.

На вопрос о желании изменить свое физическое и духовное состояние при помощи занятий физической культурой и спортом положительно ответили 85,8%. Среди наиболее привлекательных видов физической деятельности сотрудники выделили:

- плавание – 60,6% опрошенных;
- занятия в тренажерном зале – 42,1% опрошенных;
- групповые виды – 23,5% опрошенных;
- бег – 18% опрошенных;

На вопрос о том, являются ли тренировки с профессиональным тренером эффективнее, чем самостоятельные занятия положительно ответили 71,3% от общего количества сотрудников, желающих заниматься физической деятельностью.

Среди причин, мешающих в настоящее время заниматься физической культурой и спортом, сотрудники отметили:

- отсутствие свободного времени – 56,8% опрошенных;
- нехватка денежных средств – 48,6% опрошенных;
- отсутствие самодисциплины – 9,3% опрошенных;
- отсутствие профессионального, высококвалифицированного тренера – 7,1% опрошенных.

На вопрос о том, является ли стимулом поощрение в виде оплаты спортивных, образовательных или иных мероприятий положительно ответили 81,4%. Среди вариантов наиболее желаемых для поощрений, сотрудники выбрали:

- оплата обучения – 55,7% опрошенных;
- оплата спортивных тренировок – 48,1% опрошенных.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Среди наиболее значимых приоритетов сотрудники предприятий выделили постоянное самосовершенствование, духовный рост, интеллектуальное развитие, а также ведение здорового образа жизни, отказ от алкоголя и курения, правильное питание. Таким образом, весьма эффективными инструментами мотивации и стимулирования к труду при правильной организации могут стать развитие на предприятиях системы развития персонала (в т.ч. внутрикорпоративное обучение) и системы привития сотрудникам здорового образа жизни с интеграцией в корпоративную культуру предприятий.

Сотрудники в подавляющем большинстве подтвердили то, что руководитель должен быть примером для подчиненных не только в области профессиональных знаний и умений, но также и личных качеств. Учитывая это, необходимо уделить особое внимание развитию руководителей всех уровней.

Учитывая, что из числа опрошенных, курят треть сотрудников, величина потерь работодателя довольно высока. Данный факт свидетельствует о том, что на предприятиях крайне желательно внедрение системы привлечения сотрудников к ведению здорового образа жизни. Это также подтверждает и то, что большинство курильщиков оознанно желают избавиться от вредной привычки.

Внедрение на предприятии системы привлечения сотрудников к ведению здорового образа жизни необходима и с учетом того, что больше половины опрошенных сотрудников имеют потребность в ликвидации у себя симптомов хронических заболеваний мешающих успешному ведению профессиональной деятельности. А более 80% сотрудников выразили желание изменить свое физическое и духовное состояние при помощи занятий физической культурой и спортом.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
2. Экономическая библиотека. [Электронный ресурс] / Основы менеджмента. Первичные и вторичные потребности. URL: <http://econom-lib.ru/1-97.php> (дата обращения 07 июля 2016).

References

1. Leont'ev A. N. Activity. Consciousness. Personality / A. N. Leontiev. – M.: Sense, Academy, 2005. – 352 p.
2. Economic library. [Electronic resource] / Fundamentals of management. Primary and secondary needs. URL: <http://econom-lib.ru/1-97.php> (accessed 07 July 2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.088

Гуслякова Н.И.¹, Гуслякова А.В.²

¹ORCID: 0000-0002-6910-9691, Доктор психологических наук, профессор,
Челябинского государственного педагогического университета

²ORCID: 0000-0001-8100-5185, Кандидат филологических наук, доцент,
Московского педагогического государственного университета,
Российского университета дружбы народов

МЕДИАДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация

Данное исследование акцентирует внимание на рассмотрении степени воздействия современного медиадискурсивного пространства на профессиональное становление студентов в условиях вуза. Выдвигается гипотеза о том, что медиадискурсивное пространство способно оказывать как прямое, так и косвенное воздействие на студентов, независимо от выбранной ими специальности. В эксперименте принимают участие студенты трех российских вузов. Эмпирический материал, полученный в исследовании, указывает на влияние медиасреды на сознание студентов и выбор их будущей профессии.

Ключевые слова: медиадискурсивное пространство, студенты, профессиональное становление.

Guslyakova N.I.¹, Guslyakova A.V.²

¹ORCID: 0000-0002-6910-9691, PhD in Psychology, Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University

²ORCID: 0000-0001-8100-5185, PhD in Philology, Associate professor,
Moscow State Pedagogical University, RUDN University

MEDIA DISCOURSE SPACE AS A FACTOR OF THE UNIVERSITY STUDENTS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Abstract

Our research aims to track and analyze the influence of the new media on the university students' professional development. We hypothesize that today's media discourse space affects both directly and indirectly on university students, no matter what their future specialization is. Our students' survey was conducted in three Russian higher education institutions. The findings of the research reveal the interrelation between the media discourse space and students' multiple reactions to the comprehension of the new media. The main conclusions about the new media influence on the university students' professional development are drawn in the research.

Keywords: media discourse space, university students, professional development.

Медиадискурс первой четверти нового тысячелетия характеризуются способностью взаимодействовать и воздействовать на свою целевую аудиторию в спонтанно-инсценированном режиме. По мнению М.Р. Желтухиной, медиадискурс представляет собой «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [1].

В исследованиях последних лет все чаще встречается термин «дискурсивное пространство», который понимается как в лингвистическом, так и в нелингвистическом смысле. Наиболее подробно дискурсивное пространство исследовано в работах С.Н. Плотниковой. По её мнению, оно тесно связано с понятием дискурсивной личности, которая представляет собой «языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения. Эта личность действует в сфере производства сообщений и несёт ответственность за их содержание» [2]. Именно человек, «живущий» в определенном языковом пространстве и производящий некие дискурсы, и формирует из них свое дискурсивное пространство.

Медиадискурсивное пространство, в котором, по мнению Е.Л. Вартановой, выделяется такой сектор, как СМИ в Интернете [3], обеспечивает своих коммуникантов круглосуточным доступом к постоянно обновляющейся информации, а также возможностью самостоятельно генерировать и редактировать содержание информационного контента [4]. Подобные характеристики усовершенствованных СМИ, включая простоту навигации в виртуальном медиaprостранстве все больше становятся популярными в молодежной среде.

С нашей точки зрения, медиадискурсивное пространство способно оказывать большое влияние на молодое поколение, его поведение, стиль жизни, профессиональные ориентиры. Причина подобного воздействия кроется в

самой природе современного медиадискурса, включающего взаимодействие с медиа-аудиторией посредством множества технологических инструментов и механизмов [5-9].

Современный медиадискурс дает возможность молодым людям почувствовать себя в центре разнообразных политических и социально-экономических событий; создает эффект «вершителей истории», способных влиять на повседневную жизнь общества. Принимая во внимание данные факты, непосредственно связанные с существованием молодежи в медиадискурсивном пространстве, возникает потребность и необходимость проследить и проанализировать степень воздействия медиасреды на профессиональное самоопределение студентов, получающих степень бакалавра и магистра.

Целью настоящей работы являлось изучение влияния медиадискурсивного пространства на профессиональное становление студентов высшей школы, а также феноменологическое описание и эмпирическая иллюстрация факторов медиавоздействия.

Гипотезой является предположение о том, что в настоящее время медиадискурсивное пространство оказывает как прямое, так и косвенное влияние на студентов высшей школы, независимо от направления выбранной ими будущей специальности.

Наша научная интерпретация влияния медиадискурсивного пространства на профессиональное становление студентов основана на принципах культурно-исторической парадигмы, утверждающей, что сознание субъекта – это «не ставшее, наличное сознание человека, но сознание развивающегося, духовно растущего человека, совершающего усилие и работу по своему развитию и духовному освобождению» [10]. С другой стороны, мы разделяем феноменологический подход Карла Роджерса и Розалинд Даймонд, которые акцентируют внимание на социальном воздействии внешней среды (в нашем случае – это медиадискурсивное пространство) на субъективное осознание собственного я, тем самым помещая позицию индивида на передний план, делая ее более активной, свободной и ответственной в принятии решений и самоопределении [10].

В исследовании приняли участие 150 студентов в возрасте от 17 до 23 лет из трех российских вузов: Московский педагогический государственный университет (МПГУ, Москва), Российский университет дружбы народов (РУДН, Москва) и Челябинский государственный педагогический университет (ЧГПУ). Из них 70 человек являются студентами естественно-технологического факультета ЧГПУ, 40 студентов обучаются в институте филологии и иностранных языков МПГУ, и такое же количество респондентов являются студентами экологического факультета РУДН. Отношение студентов к исследованию было заинтересованное, отказов не было.

В качестве метода исследования использовался опрос посредством анкетирования. Анкета включала 23 вопроса, позволяющие дать оценку студенческого отношения к современному медиадискурсивному пространству и Интернету, степени достоверности СМИ, а также оценку уровня воздействия медиадискурса на карьерные (профессиональные) возможности студентов. Вопросы оценивались по четырехбалльной шкале от 1 (никогда) до 4 (всегда). Результаты исследования были обработаны посредством контент-анализа, а также корреляционного и факторного анализов в статистической программе STATISTICA 13.

Полученные результаты позволили установить, что 95% всех опрошенных студентов регулярно обращаются к цифровым СМИ, что наглядно иллюстрирует важность медиа пространства в повседневной жизни студенческой молодежи. Более того, 76% студентов не представляют свою жизнь без цифровых медиа и виртуального пространства, 94% молодых людей читают и слушают местные и международные новости.

Полученный результат является достаточно интересным и дискуссионным. С нашей точки зрения, выше приведенные показатели свидетельствуют о том, что медиапространство играет весьма значимую роль в процессе образования и информирования студентов по разнообразным жизненным и учебным вопросам (рис.).

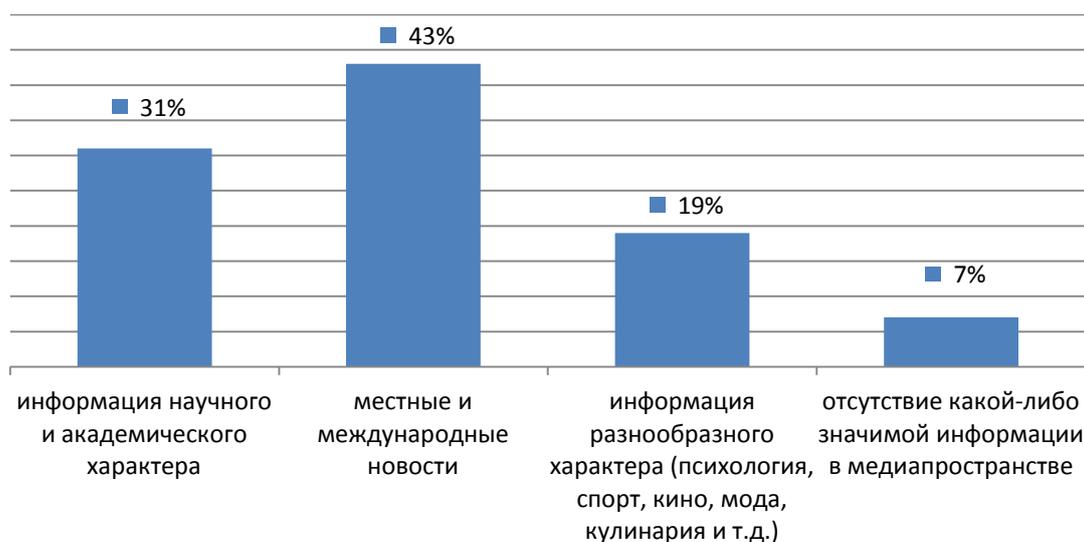

Рис. – Субъективные оценки важной информации в медиадискурсивном пространстве

Из рис. 1 видно, что студенты предпочитают слушать музыку, читать местные и международные новости (43%), просматривать и извлекать информацию, непосредственно касающуюся их научной и академической жизни (31%). На наш взгляд, современное медиадискурсивное пространство проникает в студенческую культуру, постепенно начиная

доминировать в профессиональном выборе студентов. Более того, наше исследование показывает, что 97% респондентов рассматривают виртуальную медиасреду очень полезным инструментом в их академической жизни.

Центральным аргументом в поддержку концепции доминирования медиадискурсивного пространства в жизни студентов является тот факт, что современные молодые люди, рожденные в течение последних двух десятилетий, находятся в постоянном окружении медиaproстранства и информационных технологий. По мнению американского писателя и исследователя Марка Пренски (Marc Prensky), под влиянием круглосуточного воздействия медиaproстранства в структуре мозга современного молодого человека происходят качественные изменения. В итоге, молодежь третьего тысячелетия мыслит кардинально противоположным образом в отличие от предыдущих поколений [11].

Мы разделяем точку зрения М. Пренски и, принимая во внимание выше представленные данные рис., полагаем, что медиадискурсивное пространство не только выполняет прямо и косвенно образовательную роль в жизни современных студентов, но и способствует формированию их самооценки и становлению профессионального сознания. «Медиaproстранство – это месседж» (перевод – А.В. Гусякова) («The medium is the message») [12], и данный месседж имеет огромный эффект на будущий профессиональный выбор современного студента.

Еще одним мощным медиа инструментом современности являются социальные сети. Наше исследование показывает, что 95% опрошенных пользуются социальными сетями (Facebook, Google+, MySpace, Odnoklassniki, VKontakte, Twitter, Instagram etc.), 77% студентов высшей школы имеют аккаунты в глобальном видеохостинге YOUTUBE.

Наиболее интересным фактом студенческой академической среды является официальное присутствие высших учебных заведений Российской Федерации в социальных сетях, что в свою очередь еще больше вдохновляет студентов присутствовать формально и неформально в медиадискурсивном пространстве. Молодые люди создают разнообразные социальные группы (форумы) в медиaproстранстве, где обсуждаются различные академические вопросы, профессиональные идеи и стремления, представлены множество разнообразных точек зрения на множество жизненных вопросов.

С целью проверки рабочей гипотезы о влиянии медиадискурсивного пространства на сознание современных студентов, нами были проведены корреляционный и факторный анализы (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1 – Резюме корреляционной матрицы влияния медиадискурсивного пространства на профессиональный выбор студентов

Переменная (var) и ее интерпретация	Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=150 (Casewise deletion of missing data)
	Корреляционные связи
var 1 (традиционные газеты и журналы)	var 19 (0,47); var 21 (0,38); var 23 (0,32)
var 3 (онлайн комментарии и отзывы)	var 6 (0,36)
var 5 (социальные сети)	var 14 (0,33)
var 6 (частота обращения к СМИ)	var 3 (0,36)
var 8 (достоверность СМИ)	var 11 (0,34)
var 10 (знание иностранных языков)	var 11 (0,57)
var 11 (чтение и понимание зарубежных СМИ)	var 8 (0,34); var 10 (0,57); var 12 (0,42)
var 12 (английский язык как язык культурного и профессионального доминирования)	var 11 (0,42); var 13 (-0,38); var 21 (0,36); var 23 (0,30)
var 13 (русский язык как язык культурного и профессионального доминирования)	var 12 (-0,38)
var 14 (СМИ как помощник в студенческой академической жизни)	var 5 (0,33)
var 16 (кардинальное изменение медиaproстранства и Интернета за последнее десятилетие)	var 18 (0,43)
var 18 (кардинальное изменение образа жизни современного человека за последнее десятилетие)	var 16 (0,43)
var 19 (виртуальные газеты и журналы, видеохостинги)	var 1 (0,47); var 8 (0,41)
var 21 (профессиональная специализация студента)	var 1 (0,38); var 12 (0,36); var 22 (0,65); var 23 (0,81)
var 22 (виртуальные медиа и Интернет технологии)	var 23 (0,66); var 21 (0,65)
var 23 (уровень студенческой активности в медиадискурсивном пространстве)	var 1 (0,32); var 12 (0,30); var 21 (0,81); var 22 (0,66)

Проведенный корреляционный анализ экспериментальных данных (табл. 1) свидетельствует о наличии статистически значимых связей между студенческим интересом к традиционным и электронным СМИ и их будущим профессиональным выбором (0,38). Более того, 70% респондентов верят в то, что медиадискурсивное пространство, скорее всего, в будущем десятилетии кардинально изменится, поскольку стиль жизни современного человека кардинально меняется (0,43).

Важный показатель воздействия медиадискурсивного пространства на сознание респондентов – это *степень достоверности современных СМИ* с точки зрения студенческого восприятия. Нами была установлена связь между частотой обращения студентов к СМИ, возможностью комментирования того или иного события в

медиадискурсивном пространстве и уровнем достоверности информационного контента (0,36). Мы полагаем, что чем больше молодые люди имеют возможность обращения к медиа среде и размещения своих отзывов и комментариев на те или иные события, включая свои академические и профессиональные достижения, тем выше уровень их доверия к современным СМИ.

Важную роль в повышении доверия к медиaprостранству со стороны студенческого сообщества играет языковой фактор. В современной России знание иностранных языков (особенно английского языка) открывает перед молодежью большие возможности в профессиональном становлении. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что 67% молодых респондентов говорят на английском языке и используют его в академической и частной жизни. Кроме того, студенты читают англоязычные медиаресурсы, слушают или смотрят международные новости на английском языке. Обладая доступом к медиаконтенту на иностранных языках и будучи способным понять содержимое, студенты проводят больше времени в медиадискурсивном пространстве (уровень корреляции – 0,57). Следовательно, они рассматривают цифровые медиа более достоверными (уровень корреляции – 0,34). Из чего следует, что медиасреда влияет на жизнь студента и его саморазвитие, а также выбор будущей профессии. Наше исследование демонстрирует существование сильной корреляционной связи между этими переменными (0,65; 0,66; 0,81).

Чтобы глубже понять причины, стоящие за влиянием медиадискурсивного пространства на студентов вуза, был проведен факторный анализ, который позволил выделить скрытые механизмы медиадискурсивного воздействия. Результаты факторного анализа отражены в табл. 2.

Таблица 2 – Факторный анализ влияния медиадискурсивного пространства на профессиональный выбор студентов

Переменная (var)	Factor Loadings (Varimax raw) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)	
	Фактор 1 (Factor1)	Фактор 2 (Factor2)
var1	0,236546321	0,474500231
var2	-0,284483291	0,0806132089
var3	0,00958690713	0,217136639
var4	0,295420669	-0,11688806
var5	0,0970077675	0,184928443
var6	0,246559681	0,109522607
var8	-0,0140775063	0,708457999
var10	0,181352969	0,531303539
var11	0,167668038	0,707446591
var12	0,421588851	0,329654752
var13	-0,18269568	-0,306853963
var14	0,260108793	0,108544262
var15	0,0142315287	-0,0348583508
var16	0,247467968	0,0620351962
var18	0,324077131	0,0350628955
var19	-0,097723335	0,655550725
var20	0,345194955	0,0357591803
var21	0,817794977	0,0862764358
var22	0,775689785	-0,00213687724
var23	0,875315718	0,05195934
Expl.Var	2,96626267	2,28541047
Prp.Totl	0,148313133	0,114270524

Табл. 2 демонстрирует наличие двух факторов – *фактор профессиональной активности в медиадискурсивном пространстве* и *фактор доверия к медиадискурсивному пространству*, которые, в свою очередь, подтверждают факт медиавоздействия на профессиональный выбор студентов.

Фактор профессиональной активности в медиадискурсивном пространстве объясняет причину, по которой студенты активно вовлечены в медиадискурсивное пространство. Эволюция цифровых технологий меняет человеческую жизнь и влияет на образ жизни людей, учебу и работу в современном обществе.

В России академическое образование строится на активном использовании мультимедийных технологий. Данный подход позволяет молодым людям взаимодействовать с медиaprостранством в своих профессиональных целях. СМИ способствует формированию профессионального сознания студентов, проникая в их ежедневную жизнь. Таким образом, мы можем заключить, что студенты являются частью медиадискурсивного пространства, также как и медиа среда сегодня принадлежит молодому поколению.

Фактор доверия к медиадискурсивному пространству показывает, что выбирая профессиональную специализацию, наши респонденты обращаются за советом к СМИ. На сегодняшний день в российской и зарубежной прессе можно встретить большое количество публикаций, посвященных вопросам карьеры, будущей профессии, рабочим местам.

Например, «Поиск работы в цифровую эпоху» (перевод – А.В. Гусякова) («Job Hunting in the Digital Age»)[13].

«Студент с работой. Молодежь выбирает дуальное образование» [14]; «10 хорошо оплачиваемых профессий будущего» (перевод – А.В. Гусякова) «10 well paid jobs of the future» [15].

Газетные и журнальные статьи, интервью с успешными людьми, фильмы с харизматичными актерами и актрисами, посвященные разным профессиональным областям, вдохновляют студентов сделать выбор в пользу какой-то одной профессии или изменить сферу своей будущей деятельности и двигаться вперед. Мы полагаем, что почти каждый молодой человек имеет свой собственный образец для подражания и для многих современных студентов эта ролевая модель существует на просторах медиадискурсивного пространства.

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на языковом факторе. Наше исследование продемонстрировало, что доминирование английского языка в современном цифровом мире связывает два выделенных в нашем исследовании фактора, как это видно из выше представленного факторного анализа (переменная 12) (см. табл.2). Следовательно, английский язык, как язык международной культуры, науки и бизнеса влияет на медиадискурсивное пространство. Кроме того, его присутствие в русскоязычном медиaprостранстве заметно и, безусловно, в определенной степени оказывает влияние на академическую среду российской высшей школы.

Таким образом, наша гипотеза о влиянии современного медиадискурсивного пространства на профессиональное становление студентов высшей школы полностью подтверждена. В тоже самое время данная научная проблема не исчерпана и требует дальнейшего исследования в рамках междисциплинарного подхода, включая более глубокое освещение таких вопросов, как, например, медиадискурсивное пространство и возрастные и гендерные особенности студентов, психологические особенности испытуемых, географический фактор медиавоздействия и другие социально-психологические характеристики на основе большей выборки.

Литература

1. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. д-ра филол. наук. – М., 2004. – С.153.
2. Плотникова С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – Иркутск, 2011. – № 2. – С. 157.
3. Вартанова Е.Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. – М.: ИРИО, 2008. – № 5-6. – С. 37–39.
4. Стинс О., Фухт Д. Ван. Новые медиа / пер. с англ. Н. Бергер. – Вестник ВолГУ, 2008. – Серия 8. Вып. 7. – С.98–106.
5. Гусякова А.В. Теоретические основы моделирования медиадискурса: монография. – М.: Российский ун.-т дружбы народов, 2014. – 182 с.
6. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. Часть 2 / Отв. редактор М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – С.68-83.
7. Hopper P. Understanding cultural globalization. Cambridge. Polity Press. 2007. 240 p.
8. O’Keeffe A. Investigating Media Discourse. London. Routledge. 2006. 180 p.
9. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation. Discourse and society. Sage Publications. 2006. P. 363.
10. Гусякова Н.И. Профессиональное сознание учителя: психологический аспект: монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – С. 18.
11. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 2001. 9 (5). p. 1–5.
12. Hamilton S. The Impact of Media on Student Success. *Global Post*. 2016. Retrieved May 10, 2016, from <http://everydaylife.globalpost.com/impact-media-student-success-19124.html>.
13. Bernard T.S. Job Hunting in the Digital Age. *New York Times*. 2016. Retrieved April 8, 2016, from http://www.nytimes.com/2016/04/10/education/edlife/job-hunting-in-the-digital-age.html?_r=0.
14. Смирнова А. Студент с работой. Молодежь выбирает дуальное образование / Аргументы и факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/money/business/molodyzh_s_raboty. (дата обращения 13.05.2016)
15. Winch J. 10 well paid jobs of the future. *The Telegraph*. 2013. Retrieved May 11, 2016, from <http://www.telegraph.co.uk/finance/personalfinance/9892011/10-well-paid-jobs-of-the-future.html>.

References

1. Zheltuhina M.R. Specifika rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI: dis. d-ra filol. nauk. – M., 2004. – S.153.
2. Plotnikova S.N. Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredelenija ponjatija // Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit. – Irkutsk, 2011. – № 2. – S. 157.
3. Vartanova E.L. Novye media kak faktor modernizacii SMI // Informacionnoe obshhestvo. – M.: IRIO, 2008. – № 5-6. – S. 37–39.
4. Stins O., Fuht D. Van. Novye media / per. s angl. N. Berger. – Vestnik VolGU, 2008. – Serija 8. Vyp. 7. – S.98–106.
5. Guslyakova A.V. Teoreticheskie osnovy modelirovanija mediadiskursa: monografija. – M.: Rossijskij un.-t druzhby narodov, 2014. – 182 s.
6. Demyankov V.Z. Semiotika sobytijnosti v SMI // Jazyk SMI kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: ucheb. posobie. Chast' 2 / Otv. redaktor M.N. Volodina. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. – S.68-83.
7. Hopper P. (2007). Understanding cultural globalization. Cambridge. Polity Press. 240 p.
8. O’Keeffe A. (2006). Investigating Media Discourse. London. Routledge. 180 p.
9. Van Dijk T.A. (2006). Discourse and manipulation. Discourse and society. Sage Publications. p. 363.
10. Guslyakova N.I. Professional'noe soznanie uchitelja: psihologicheskij aspekt: monografija. – Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2013. – S. 18.
11. Prensky M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon* 9 (5). p. 1–5.
12. Hamilton S. (2016).The Impact of Media on Student Success. *Global Post*. Retrieved May 10, 2016, from <http://everydaylife.globalpost.com/impact-media-student-success-19124.html>.

13. Bernard T.S. (2016). Job Hunting in the Digital Age. *New York Times*. Retrieved April 8, 2016, from http://www.nytimes.com/2016/04/10/education/edlife/job-hunting-in-the-digital-age.html?_r=0.

14. Smirnova A. Student s rabotoj. Molodezh' vybiraet dual'noe obrazovanie /Argumenty i fakty [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.aif.ru/money/business/molodyozh_s_rabotoj. (data obrashhenija 13.05.2016)

15. Winch J. (2013). 10 well paid jobs of the future. *The Telegraph*. Retrieved May 11, 2016, from <http://www.telegraph.co.uk/finance/personalfinance/9892011/10-well-paid-jobs-of-the-future.html>.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.154

Ермакова Н.Г.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи
Российского Государственного Педагогического университета им.А.И.Герцена,
Санкт-Петербург, Россия (ФГБОУ ВО РГПУ им.А.И.Герцена)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА И ИХ РОДСТВЕННИКАМ

Аннотация

Психологическая помощь больным после инсульта направлена на формирование позитивной лечебной и жизненной перспективы. Проанализированы результаты использования индивидуальной психологической коррекции у 84 больных с последствиями инсульта в условиях стационарной реабилитации. По завершении коррекции отмечается улучшение настроения больных, повышение самооценки, приверженности к лечению. С родственниками больных проводилось семейное консультирование, направленное на оптимизацию отношений с больными.

Ключевые слова: клиническая (медицинская) психология, реабилитация, инсульт, психологическая коррекция, семейное консультирование.

Ermakova N.G.

PhD in Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Associate professor of the Chair of Clinical psychology and Psychological Care (Russia, Saint Petersburg)
**PSYCHOLOGICAL CARE OF PATIENTS WITH MOVEMENT DISORDERS AFTER STROKE
AND THEIR FAMILIES**

Abstract

Psychological care of patients after a stroke is aimed at the formation of a positive medical and life perspective. The results of using the individual correction in 84 patients with stroke in a stationary rehabilitation were analyzed. Upon completion of psychological correction program marked improvement in patients with mood, self-esteem, boost adherence to treatment. With relatives of patients was conducted family counseling aimed at optimisation relationships with patients.

Keywords: clinical (medical) psychology, rehabilitation, stroke, psychological correction, family counseling.

Введение. В последние десятилетия отмечается увеличение числа сосудистых заболеваний головного мозга, что делает актуальной медико-социальной проблемой реабилитацию больных с последствиями инсульта, направленную на восстановление нарушенных функций, социальных контактов, возвращение больного в общество и к посильному труду [13,17,18]. Длительный процесс реабилитации больных с последствиями инсульта, нарушение двигательных и когнитивных функций в значительной мере влияют на эмоциональное состояние больного, негативно влияют на его самооценку, на прогноз лечебной и жизненной перспективы, приводят к депрессивным, ипохондрическим реакциям на болезнь [6,7,14,24]. Апатичность, неуверенность в будущем снижает приверженность больного к лечению и активность в мероприятиях восстановительного лечения, что делает необходимым включение психологической помощи в процесс реабилитации больных после инсульта.

В реабилитации постинсультных больных осуществляется принцип единства биологических и психосоциальных методов лечения (Кадыков А.С.) [13]. В процессе лечения применяются биологические методы реабилитации (лекарственная терапия, ЛФК, физиотерапия, бальнеотерапия, эрготерапия), направленные на восстановление нарушенных двигательных функций и самообслуживания. К психосоциальным методам относятся: логопедическая помощь, социальная работа, трудотерапия, психологическая помощь. Они направлены на восстановление нарушенных высших психических функций, на коррекцию отношений личности, на психологическую и социальную адаптацию больного. Следует отметить, что в последние годы психосоциальным методам воздействия на больного после инсульта уделяется мало внимания в научных исследованиях. В то время, как особенности личности больного играют большую роль в формировании отношения к лечению, к болезни, к самому себе; влияют на адаптацию к социуму после заболевания [1,8,15]. Благоприятный семейный климат также способствует активизации больного в восстановлении нарушенных функций (Кадыков А.С. и др. 2008). [13,26].

Семья представляет собой систему взаимосвязанных ролей, отношения между которыми определяются, с одной стороны, социально-культурными нормами, а с другой индивидуальными свойствами личностей. Семья и внутрисемейные отношения могут служить не только тонким индикатором наступающих изменений личности, но и быть одним из показателей социальной адаптации в обществе. Велика роль семьи и как ближайшей социальной среды на пути возвращения больного в жизнь, и как важнейшего социотерапевтического фактора, воздействующего на личность больного [3,22,23]. В ряде случаев стремление к доминированию у здоровых супругов и других родственников, низкий уровень самоконтроля и конформности, отсутствие у них терпимого отношения к патологическим реакциям больного человека может привести к психологическому конфликту в семье и социальной декомпенсации больных, к ухудшению у них клинического состояния. С другой стороны окружение чрезмерной

опекой, отстранение больного после инсульта от всякой домашней деятельности, способствуют развитию у него пассивного отношения к лечению, и препятствует восстановлению самообслуживания, формированию ответственности больного за восстановление нарушенных функций. [10,13,25,26].

Большое значение на этапе ресоциализации, приобретает работа с родственниками больных, коррекции внутрисемейных отношений (Кабанов М. М. , 1998; Демиденко Т. Д. . 1989, 2004). [9,10,11]

Следует отметить, что для родственников внезапная тяжелая болезнь близких с трудно преодолимыми последствиями является стрессом. Реабилитация больного сопровождается моральными и физическими нагрузками родственников и финансовыми затратами, длительным нервно-психическим напряжением, нередко приводит к психосоматическим расстройствам. В связи с чем, большое значение имеет психологическая помощь родственникам больного[9,3,10,23,25,26].

Как отмечают ряд авторов(Кадыков А.С. и др.2007)[12], важно обучить родственников правилам ухода за больными, а также научить врачей проведению школ для родственников больных(Скворцова В.И.,2008;)[21]; рекомендовать специальную литературу санитарно-просветительного характера [5,12,21]. Архипов В. В. , Прокудин В. И. , 2005;[2]пишут о деятельности психотерапевтической службы на этапе ранней реабилитации больных с последствиями инсульта в стационаре. При невозможности контакта с больными после инсульта на этом этапе (до 60 % больных с речевыми и когнитивными нарушениями), они осуществляли рациональную психотерапию по отношению к родственникам больным и социально значимым людям, осуществляющими уход за больными. Авторы проводили беседы с родственниками, семинары выходного дня, где обучали родственников простейшим приемам ухода за больными, отвечали на вопросы родственников; помещали на стендах информацию для родственников по уходу, отвечали на их вопросы, для того чтобы они смогли грамотно осуществлять уход за больными в домашних условиях.

Работа с родственниками направлена на регуляцию взаимоотношений в семье, коррекцию гиперопеки, на обучение терпимому отношению к больному. Целью исследования явилось изучение динамики самоотношения больных в процессе психологической помощи и выявления наиболее важных мишеней воздействия в работе с родственниками в процессе семейного консультирования.

Программа исследования.

Нами наблюдались 84 больных;-55 мужчин, 29 женщин; в возрасте от 40-49 лет-13; от 50 до 59-32 больных; от 60 до 70 -39 больных. Длительность заболевания от 2 до 6 месяцев наблюдалась у 36 больных; от 7 до 12 месяцев у 26; от 1 года до 3-х лет у 22 больных. Первый инсульт наблюдался у 59 больных, повторный у 25. Локализация очага поражения в бассейнах артерий левого полушария наблюдалась у 40 больных; правого полушария у 27, в ветребро-базиллярном бассейне у 17 больных. Ишемический инсульт отмечался у 72 больных; геморрагический у 12 больных. Двигательные нарушения в виде гемипареза легкой степени были у 11; средней тяжести у 40 больных, выраженные двигательные нарушения у 24; вестибулярные нарушения у 9 больных. Речевые нарушения наблюдались у 45 больных: из них афазия у 32, дизартрия у 13. Инвалидность 1 группы у 20 больных ; 2 группы у 64 больных. В исследовании не включались больные с давностью инсульта меньше 2 месяцев и с остаточными проявлениями сенсорной афазией. С больными проводилось клиническое интервью до и после психологической коррекции; оценка самообслуживания по шкале Бартела(Белова А.Н.)[4], качество жизни(Логунов К.В.)[16], шкала самооценки Дембо-Рубинштейн (Рубинштейн С.Я.)[19]. Проводилось сравнение средних значений показателей с применением критерия Стьюдента [20], при обработке результатов применялась программа Статистика 6.0. Больные получали комплексное восстановительное лечение в условиях стационарной реабилитации городской больницы №40, Санкт-Петербурга.

В лечение входили биологические методы(лекарственная терапия, лечебная физкультура, физиотерапия); и психосоциальные методы (логопедическая , психологическая помощь). У всех больных было получено информированное согласие на проведение психодиагностики и психологической помощи. Психологическая помощь была направлена на формирование приверженности к лечению, отношений сотрудничества с персоналом, позитивного самоотношения. Применялась индивидуальная психологическая коррекция 1-2 раза в неделю, в течение 30 минут в условиях кабинета; и занятия в малой группе(5-6) человек 1-2 раза в неделю, в процессе которых проводилась арттерапия и музыкотерапия.

Нами наблюдались 84 родственника больных. Среди родственников были преимущественно женщины в возрасте от 25 до 65 лет-64 человека разного семейного статуса: из них матери-3; жены-42, дочери-14, сестра и другие родственники-5, Среди родственников мужчин наблюдались 20 человек; от 42 до 67 лет, из них мужья-17, сын-2, отец 1. С родственниками больных; применялось информирование и семейное консультирование (Демиденко Т.Д., Ермакова Н.Г.)[10]; (Эйдемиллер Э.Г.)[22]; (Архипов В.В., Прокудин В.И.)[2]. Родственникам предоставлялась информация об особенностях когнитивных нарушений больного, эмоционального состояния; реакциях личности на заболевание, информация о необходимой помощи больному со стороны родственников по восстановлению нарушенных двигательных и когнитивных функций в зависимости от выраженности клинических нарушений больного и локализации очага поражения; о целях и задачах психологической реабилитации на разных этапах. Информирование проводилось индивидуально и в виде настенной печати (санлисток для больных и для родственников). Семейное консультирование было направлено на улучшение возможностей взаимодействия родственников с больным. Социальная поддержка больных со стороны родственников имела важное значение в укреплении позитивного самоотношения больных после инсульта.

Результаты и их интерпретация.

Больные наблюдались в условиях стационарной реабилитации и характеризовались трудностями в принятии своей болезни, её последствий, своего участия в лечении; недоверием к лечению; трудностью формирования отношений сотрудничества с персоналом. В этой группе были больные преимущественно с астено-депрессивными и астено-ипохондрическими реакциями на болезнь.

Таблица – Сравнение показателей больных (n=84) до и после коррекции с помощью критерия Стьюдента ($M \pm \sigma$)

Показатель	Период коррекции		p* <
	До	После	
Шкала самообслуживания Бартела	79,7 ± 3,8	85,0 ± 3,5	0,05
Качество жизни	2,2 ± 0,5	2,7 ± 0,2	-
Шкала самооценки Дембо–Рубинштейн:			
Здоровье	31,4 ± 4,3	42,6 ± 3,7	0,05
Настроение	31,3 ± 3,4	47,1 ± 3,2	0,05
Самообслуживание	48,2 ± 4,2	66,1 ± 3,8	0,01
Участие в лечении	46,8 ± 3,3	63,3 ± 3,5	0,01

После проведения комплексного восстановительного лечения с применением индивидуальной и групповой психологической коррекции отмечается улучшение самообслуживания (шкала Бартела). Средний балл по шкале самообслуживания Бартела до коррекции 79,7 после -85,0-частичная зависимость. Отмечается значимое повышение самооценки самообслуживания и участия в лечении, что свидетельствует о большей включенности больного в процесс лечения.

Наблюдалось также повышение самооценки настроения и здоровья, что связано с осознанием больными возможности восстановления нарушенных функций, появлением надежды и веры в выздоровление. В тоже время в процессе реабилитации происходило осознание больными длительного процесса восстановления нарушенных функций, необходимости самостоятельного ежедневного многократного повторения упражнений лечебной физкультуры, требующих воли, терпения, и усердия и это обстоятельство приводило к тому, что самооценки здоровья и настроения повысились не намного.

С родственниками больных проводилось информирование и семейное консультирование. Нередко инициаторами обращения к психологу были родственники больных, обеспокоенные их эмоциональным состоянием, неверием в выздоровление, апатичностью, нежеланием участвовать в лечебных мероприятиях. В ряде случаев родственники интересовались возможностью восстановления нарушенных функций (когнитивных, эмоциональных, поведенческих) больных, а также возможным их участием в сопровождении процесса восстановления.

При работе с родственниками нами выделены типы отношений родственников к своим подопечным:

1. Эмпатичный, сопереживающий. Наблюдалась забота и уход в сочетании с эмпатией и теплом в отношениях-29 (34,5 %) человек с разными семейными ролями: мать, отец, сестры, жены, мужья, дочери. Отношения взаимопонимания и сочувствия сложились до заболевания и сохранялись после заболевания

2. Побуждающий, нравоучающий. Наблюдалась забота, уход и наставничество.-21 (25%). Побуждение больного родственниками не сочеталось с сочувствием и сопереживанием и носило характер долженствования и нравоучения. («Вот будешь сам заниматься, будешь ходить»; «Нечего лениться, давай разрабатывай руку»). Со слов родственников этой подгруппы больных до заболевания они не выполняли назначений врача-терапевта (прием гипотензивных средств, соблюдение гипохолестериновой диеты); часть больных злоупотребляли алкоголем, курением. Часто родственники (жены, мужья, дети) считали, что больные сами виноваты в своем заболевании.

3. Организующий, формальный: Родственники ограничивались организацией лечения, не проявляя эмоциональной поддержки и сопереживания-26 (30,9%). Семейные роли: дети, мужья, жены. Они организовывали и оплачивали лечение: работу сиделки, лекарства, ортопедические средства (судно, прикроватный туалет, трость и др.) и считали, что на этом их миссия исчерпана. Защитное дистанцирование родственников этой подгруппы связано со сложными отношениями с больным до его заболевания (доминантными, деспотичными чертами характера больных; капризностью, своенравностью). («С мамой трудно спорить, она все делает так, как хочет сама»). Неготовность родственников изменять сложившиеся отношения.

4. Безучастный, попустительствующий. Наблюдался частичный уход и забота. Родственники сами являлись источниками проблем (злоупотребление алкоголем)-4(4,7%), как правило мужчины (отец, муж). С трудом выполняли просьбы больных (привести документы, одежду, продукты, лекарства).

5. Растерянный, инфантильный: недостаточное понимание тяжести болезни заболевших родственников и необходимости помощи им по уходу;- 4(4,7%). Родственники больных - взрослые дети, проживающие отдельно от родителей в своих семьях. Они недостаточно понимали, что настало время отдавать долги своим родным по уходу и заботе.

Больше вопросов к психологу было у родственников 1 и 2 группы, по оптимизации взаимодействия с больными, об особенностях восстановления психических функций. Им давались рекомендации по взаимодействию с больными, восстановлению когнитивных функций в домашних условиях. Родственникам 1 и 2 группы рекомендовалось также делегировать часть нагрузки по уходу в домашних условиях и другим членам семьи и знакомым больных, как профилактика психосоматических расстройств ухаживающих родственников. С 3 подгруппой родственников психологическая коррекция была направлена на усиление сопереживания и поддержки по отношению к больным и по возможности большего личного участия в общении с больным или подключения к попечительству кого-либо из родственников (внуков, племянников). С 4 и 5 подгруппой родственников проводилась беседа о необходимости помощи больным в осуществлении самообслуживания; необходимости организации ухода и заботы. Обсуждалась возможность прикрепления социального работника к больному в домашних условиях после выписки из стационара. Нередко взрослые дети больных не до конца понимали всю тяжесть заболевания их родственников и пребывали в растерянности. Они нуждались в помощи по организации ухода за больными.

Выводы

Длительный процесс реабилитации больных с последствиями инсульта, нарушение двигательных и когнитивных функций в значительной мере влияют на эмоциональное состояние больного, негативно влияют на его самооценку, на прогноз лечебной и жизненной перспективы, что делает необходимым включение психологической помощи в процесс реабилитации больных после инсульта.

Психологическая помощь направлена на коррекцию отношений личности к самому себе, к болезни, к лечению, к социуму, ориентирована на психологическую и социальную адаптацию больного.

После проведения комплексного восстановительного лечения с применением индивидуальной и малогрупповой психологической коррекции отмечается значимое повышение самооценки самообслуживания и участия в лечении, что свидетельствует о большей включенности больного в процесс лечения. Наблюдалось повышение самооценки настроения и здоровья, что связано с осознанием больными возможности восстановления нарушенных функций.

Отношения родственников к больным базировались на отношениях, сложившихся до заболевания: либо отношения взаимодействия и взаимопомощи; либо отношения сподчинения и зависимости. При работе с родственниками нами выделены различные типы отношений родственников к своим больным, выявлены мишени воздействия в процессе семейного консультирования. В зависимости от типа отношений проводилось информирование и семейное консультирование родственников больных.

Литература

1. Александровский Ю.А. Психические расстройства в общемедицинской практике. М.: Гэотар-Медиа, 2004. - 240с.
2. Архипов В.В., Прокудин В.И. Методологические основы ранней психосоциальной реабилитации в неврологической клинике у больных, перенесших инсульт. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, Приложение Инсульт, вып. 14, 2005, С.35-42.
3. Балунов О.А., Демиденко Т.Д., Янковская Е.М., Алемасова А.Ю., Ермакова Н.Г., Коцюбинская Ю.В. Роль семейных взаимоотношений в реабилитации больных, перенесших инсульт. Метод.реком.-СПб.:2000.-31с
4. Белова А.Н., Щепетова О.Н. Шкалы, тесты, опросники в медицинской реабилитации. – М. : Антидор, 2002. – 440 с.
5. Белянская Е.Н., Краснова Л.В. Инсульт. Как жить дальше?. М.:Изд-во Эксмо, 2005.-192с.
6. Григорьева В.Н. Психосоматические аспекты нейрореабилитации. Хронические боли. Н.Новгород: Изд-во НГМА, 2004.-420с.
7. Гусев Е.И., Боголепова А.Н. Когнитивные нарушения при цереброваскулярных заболеваниях.-[3 изд.]- М.:МЕДпресс-информ, 2013.-176с.
8. Данилов Д.С. Терапевтическое сотрудничество (комплаенс): содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации.// Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014;(2):С.4–12
9. Демиденко Т.Д. Реабилитация при цереброваскулярной патологии. Л.: Медицина, 1989.-208с.
10. Демиденко Т.Д., Ермакова Н.Г. Основы реабилитации неврологических больных. СПб.: Фолиант, 2004. -304с.
11. Кабанов М.М. Психосоциальная реабилитация и социальная психиатрия. СПб., 1998, 255с
12. Кадыков А.С., Манвелов Л.С., Шахпаранова Н.В. Шаг за шагом после инсульта. (Пособие для пациентов и их родственников) М.: Товарищество научных изданий КМК, авторская академия. 2007, - 122с.
13. Кадыков А.С., Черникова Л.А., Шахпаранова Н.В. Реабилитация неврологических больных.-М.:Медпресс-информ, 2008.-560с.
14. Ключихина О.А., Стаховская Л.В. Анализ эпидемиологических показателей инсульта по данным территориально-популяционных регистров 2009–2012 гг. // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2014. – № 6. – С. 63–70.
15. Курпатов В.А. Психотерапия в соматической клинике. // В кн.: Психосоматические расстройства в практике терапевта. Руководство для врачей. (под ред. В.И. Симоненкова). СПб.: Спецлит, 2008. С.250-278.
16. Логунов К.В. Оценка эффективности лечебных и диагностических методов. – СПб. : СПбМАПО, 1999. – 26 с.
17. Парфенов В.А., Вербицкая С.В. Вторичная профилактика ишемического инсульта; международные рекомендации и клиническая практика // Неврологический журнал/2014, №2. С.4-11.
18. Попп А.Д., Дэшайе Э.М. Руководство по неврологии (пер.с англ.) М.: Гэотар-Медиа, 2014.-688с.
19. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методы патопсихологии и опыт их применения в клинике.-[3-е изд.]- М.:изд-во института психотерапии, 2010.-384с.
20. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии – СПб.: Речь, 2007 – 350с.
21. Скворцова В.И. (ред). Школа здоровья. Жизнь после инсульта. Руководство для врачей. М. ГЭОТАР-Медиа, 2008, 208с.
22. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2005.- 336с.
23. Янковская Е.М. Комплексный подход к психотерапевтическому сопровождению семей больных, перенесших инсульт. Автореферат дисс. канд. психол. наук, СПб.: 2008, 25с.
24. Barton J. Stroke and Rehabilitation: Psychological Perspectives // In: Oxford Handbook of Rehabilitation Psychology (Oxford Library of Psychology) / Kennedy P. (Ed.) , N.Y., 2012, Oxf. Univ. press. -576p./ 235-248p
25. Clark M.S., Smith D.S. Changes in family functioning for stroke rehabilitation patients and their families // International Journal of Rehabilitation Research.- 1999.-V.22.-P.171-179.
26. Palmer, S.; Glass, T. A. Family Function and Stroke Recovery: A Review. // Rehabilitation Psychology, Vol 48(4), Nov 2003, 255-265.

References

1. Aleksandrovskij YU.A. Psihicheskie rasstrojstva v obshchemeditsinskoj praktike. [Mental disorders in general medical practice.] Moskva: Gehotar-Media, 2004. 240p. (In Russ.)
2. Arkhipov V.V., Prokudin V.I. Metodologicheskie osnovy rannei psikhosotsial'noi reabilitatsii v nevrologicheskoi klinike u bol'nykh, perenessikh insul't. [Methodological bases of early psychosocial rehabilitation in neurological clinic in patients with stroke. // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova, Prilozhenie Insul't. / Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova, Suppl. stroke], vyp. 14, 2005, p.35-42.
3. Balunov O.A., Demidenko T.D., Yankovskaya E.M., Alemasova A.Yu., Ermakova N.G., Kotsyubinskaya Yu.V. Rol' semeinykh vzaimootnoshenii v reabilitatsii bol'nykh, perenessikh insul't. Metod.rekom [The role of family relationships in the rehabilitation of stroke patients.]- Sankt-Peterburg,,2000,-31p(In Russ.)
4. Belova A.N., Shchepetova O.N. Shkaly, testy, oprosniki v meditsinskoj reabilitatsii [Scale, tests, questionnaires in medical rehabilitation]. Moskva: Antidor, 2002. 440 p. (In Russ.)
5. Belyanskaya E.N., Krasnova L.V. Insul't. Kak zhit' dal'she? [Stroke. How to live?]. Moskva: Eksmo, 2005. 192p. (In Russ.)
6. Grigor'eva V.N. Psikhosomaticheskie aspekty neiroreabilitatsii. Khronicheskie boli [Psychosomatic aspects of neurorehabilitation]. Nizhnii Novgorod: Izd-vo NGMA, 2004. 420 p. (In Russ.)
7. Gusev E.I., Bogolepova A.N. Kognitivnye narusheniya pri tserebrovaskulyarnykh zabolevaniyakh [Cognitive impairment in cerebrovascular disease]. Moskva: MEDpress-inform, 2013. 176 p. (In Russ.)
8. Danilov D.S. Terapevticheskoe sotrudnichestvo (kompliens): sodержanie ponyatiya, mekhanizmy formirovaniya i metody optimizatsii [Therapeutic cooperation (compliance): maintenance of concept, mechanisms of formation and methods of optimization] // Neurologiya, neiropsikiatriya, psikhosomatika. [Neurology, neuropsychiatry, Psychosomatics] 2014;(2):p.4-12
9. Demidenko T.D. Reabilitatsiya pri tserebrovaskulyarnoi patologii. [Rehabilitation in cerebrovascular disease] Leningrad., Meditsina, 1989. 208p. (In Russ.)
10. Demidenko T.D., Ermakova N.G. Osnovy reabilitatsii nevrologicheskikh bol'nykh [Basics of the rehabilitation of neurological patients]. Sankt-Peterburg: Foliant, 2004. 304 p. (In Russ.)
11. Kabanov M.M. Psikhosotsial'naya reabilitatsiya i sotsial'naya psikiatriya. [Psychosocial rehabilitation and social psychiatry]. Sankt-Peterburg,, 1998, 255p. (In Russ.)
12. Kadykov A.S., Manvelov L.S., Shakhparanova N.V. Shag za shagom posle insul'ta. (Posobie dlya patsientov i ikh rodstvennikov) [Step by step after stroke. Guide for patients and their families]. Moskva: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, avtorskaya akademiya, 2007, 122p. (In Russ.)
13. Kadykov A.S., Chernikova L.A., Shakhparanova N.V. Reabilitatsiya nevrologicheskikh bol'nykh [Rehabilitation of neurological patients]. Moskva: Medpress-inform, 2008. 560p. (In Russ.)
14. Klochikhina O.A., Stakhovskaya L.V. Analiz epidemiologicheskikh pokazatelei insul'ta po dannym territorial'no-populyatsionnykh registrov 2009–2012 gg. [Analysis of epidemiological indicators of stroke according to the territorial and population registers 2009–2012]. Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]. 2014. N 6. Pp. 63–70. (In Russ.)
15. Kurpatov V.A. Psikhoterapiya v somaticheskoi klinike [Psychotherapy in somatic clinic.]. Psikhosomaticheskie rasstrojstva v praktike terapevta [Psychosomatic disorders in the practice of the therapist]. Ed. V.I. Simanenkova. Sankt-Peterburg: Spetslit, 2008. Pp. 250–276. (In Russ.)
16. Logunov K.V. Otsenka effektivnosti lechebnykh i diagnosticheskikh metodov [Evaluation of the effectiveness of therapeutic and diagnostic methods]. Sankt-Peterburg: SPbMAPO, 1999. 26 p. (In Russ.)
17. Parfenov V.A., Verbitskaya S.V. Vtorichnaya profilaktika ishemičeskogo insul'ta; mezhdunarodnye rekomendatsii i klinicheskaya praktika [Secondary prevention of ischemic stroke; international recommendations and clinical practice] // Nevrologicheskij zhurnal [Neurological Journal] / 2014, №2, pp.4-11.
18. Popp A.D., Dezhajeva E.H. M. Rukovodstvo po nevrologii (per.s angl.) [Guide Neurology] Moskva: Gehotar-Media, 2014.- 688p. (In Russ.)
19. Rubinshtejn S.Ya. Ehksperimental'nye metody patopsikhologii i opyt ikh primeneniya v klinike. [Experimental methods pathopsychology and experience of their use in the clinic]; [3-e izd.] Moskva: Isd-vo Instituta Psikhoterapii, 2010. 384p. (In Russ.)
20. Sidorenko E.V. Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii [Mathematical processing methods in psychology]. Sankt-Peterburg: Rech', 2007. 350 p. (In Russ.)
21. Skvortsova V.I. (red). Shkola zdorov'ya. Zhizn' posle insul'ta. Rukovodstvo dlya vrachei [School of health. Life after stroke. Manual for doctors]. Moskva: GEOTAR-Media, 2008, 208p. (In Russ.)
22. Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol'skaya I.M. Semeinyi diagnoz i semeinaya psikhoterapiya [Family diagnosis and family therapy] Sankt-Peterburg: Rech', 2005. 336p. (In Russ.)
23. Yankovskaya E.M. Kompleksnyi podkhod k psikhoterapevticheskomu soprovozhdeniyu semei bol'nykh, perenessikh insul't. Avtoreferat kand. psikhol. Nauk. [An integrated approach to psychotherapeutic support the families of patients with stroke. Ph. D. (Psychology) Thesis] Sankt-Peterburg, 2008, 25p. (In Russ.)
24. Barton J. Stroke and Rehabilitation: Psychological Perspectives // Oxford Handbook of Rehabilitation Psychology (Oxford Library of Psychology) 235-248pp / Kennedy P. (Ed.), N.Y.: Oxf. Univ. press, 2012. 576p.
25. Clark M.S., Smith D.S. Changes in family functioning for stroke rehabilitation patients and their families // International Journal of Rehabilitation Research.- 1999b.-V.22.-P.171-179.
26. Palmer, S.; Glass, T. A. Family Function and Stroke Recovery: A Review // Rehabilitation Psychology, Vol 48(4), Nov 2003, 255-265.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.018
Корсаков А.В.¹, Янковская В.В.²

¹Специалист-психолог Центр психологии и развития «Равновесие» Санкт-Петербург (г.Москва, Россия),
²SPIN- код 5377-2921 доцент, кандидат экономических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (г.Москва, Россия)

КРИТЕРИИ НОРМАЛЬНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СЕМЬЯХ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Аннотация

Цель исследования: Выявить насущные проблемы, возникающие в семье и их причины.

Задачи исследования:

- Определить критерии нормальных и дисфункциональных межличностных коммуникаций в семье.
- предложить критерии нормальных межличностных коммуникаций.

Объект исследования: Семья в современном мегаполисе.

Предмет исследования: Межличностные коммуникации в семье.

Практическая значимость исследования: Данная статья - продукт обобщения более чем пятилетнего опыта работы А.В.Корсакова, с семьями, находящимися в кризисных ситуациях. Исходная информация для статьи- это реализация эмпирического метода на сеансах семейного психологического консультирования, тренингах и семинарах. Как правило, семью, обращающуюся в Центр за помощью, сложно диагностировать. За консультацией, как правило, обращается один из членов семьи. И тогда наши специалисты-психологи, в ходе общения выполняют диагностику. Имея эффективный инструмент- критерии нормальной семьи- работа специалиста-психолога будет более успешной. Рекомендации, выработаны будут для всех членов семьи, даже без их присутствия. Что безусловно облегчает сам процесс работы с кризисной семьёй и позволяет добиться положительных результатов. В ходе решения обозначенных задач, были выявлены основные проблемы в кризисных семьях и их причины. Разработаны критерии нормальных межличностных коммуникаций на каждом из этапов развития семьи, учитывая следующие требования: тип системы - семья, межкультурный фактор и социальный уровень семьи.

Основными критериями нормальной адаптации семейной системы изменениям, по нашему мнению, будут являться – время адаптации, количество и тип конфликтов, способы разрешения конфликтных ситуаций, потеря или увеличение социальных связей в обществе.

Если время адаптации длительное, то возможно будет накапливаться напряжение, чаще возникать конфликтные ситуации, как в итоге – наносится вред психологическому, а затем и физическому здоровью всем членам системы. В случае, неконструктивного подхода в решении конфликтных ситуаций, возникает прямая угроза целостности самой семейной системе.

Если же, потеряны социальные связи – семейной системе грозит изоляции, которая будет создавать внутреннее напряжение самой системы.

А вот увеличение социальных связей может способствовать более быстрой адаптации к возникшим изменениям.

Ключевые слова: Семья, межличностные коммуникации, нормальные и деструктивные коммуникации, критерии коммуникаций.

Korsakov A.V.¹, Yankovskaya V.V.²

¹Specialist-psychologist of Psychology Center and the development of "Balance" St. Petersburg (Moscow, Russia), ² SPIN- код 5377-2921, PhD in Economics Science, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

NORMAL CRITERIA AND DESTRUCTIVE INTERPERSONAL COMMUNICATION IN FAMILIES IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Abstract

Objective: to Identify urgent problems arising in the family and their causes.

Objectives of research:

- define criteria of normal and dysfunctional interpersonal communication within the family.
- propose criteria normal interpersonal communications.

The object of the research: the family in the modern metropolis.

Subject of research: Interpersonal communication in the family.

The practical significance of the research: this article is the product of the synthesis of more than five years of experience with Korsakov, A.v. families in crisis situations. Background information for the article-it is an implementation of an empirical method for family counselling sessions, trainings and seminars. As a rule, family, targets in the Centre for help, it is difficult to diagnose. The advice is usually drawn by one of the members of the family. And then our specialists-psychologists, in the course of communication perform Diagnostics.

Having an effective tool-criteria for normal family-work specialist-psychologist will be more successful. Recommendations will be developed for all family members, even without their presence. That certainly eases the process of working with a family crisis and allows you to achieve positive results. In the marked tasks, identified the main challenges in crisis families and their causes. Developed criteria for normal interpersonal communication at every stage of the development of the family, taking into account the following requirements: System type-family, intercultural and social level of the family.

The main criteria for normal adaptation family system changes, we believe, will be a time of adaptation, the number and type of conflict, how to resolve conflict situations, loss or increased social cohesion in society.

If a long time of adaptation, then it will be possible to build up tension, often confrontational situation ultimately is harmed psychologically, and then the physical health of all members of the system. In the case of negative approach in resolving conflict situations, there is a direct threat to the integrity of the family system.

If the lost social connections-family system may face exclusion, which will create internal tension system itself. And here is the increased social ties can contribute to the more rapid adaptation to the changes that arose.

Keywords: family, interpersonal communication, normal and destructive communication, criteria for communications.

Современное общество, в условиях стремительного роста городской среды и все ускоряющимся темпом жизни, бросает очередной вызов семье. Практически, каждый второй брак или распадается или ведет «борьбу» за выживание. Статистика неумолима: «..в целом по России с января по май 2015 года на 1 тыс. россиян приходится 5,4 брака (в 2014 году этот показатель составлял 6) и 4 развода (ранее-4,8). При этом в 2015 году на 1 тыс. браков приходится 734 развода, тогда как в прошлом году было 806».¹

Газета Молодая Семья указывает на самые неблагоприятные регионы в отношении стабильности семьи. «Наивысший показатель разводов отмечен в Магаданской и в Ленинградской областях (752). Далее находится Чукотский автономный округ (748) и Еврейская автономная область (741)»². Статистика разводов представлена на одну тысячу браков.

Специалисты -психологи, часто используют утверждение, что выживают адаптивные семьи. Учитывая статистику разводов, получаем вывод, что многие семьи не успевают приспособиться к изменениям в обществе! Попробуем разобраться в причинах. Статистика социального опроса неумолима: измены – 24%, бедность – 21%, неумение идти на компромиссы, непонимание, эгоизм назвали причиной-19%, алкоголизм, наркомания - 16%.³

По нашему мнению, основными причинами являются : эгоизм, порой доходящий до эгоцентризма, отсутствие или нежелание брать на себя ответственность и инфантилизм. Последние две причины больше относятся к мужской половине населения.

Специалисты–психологи отмечают, что возможно скоро придется переписывать учебники по гендерной психологии. Основная причина- женщины все активнее играют ведущие мужские роли, а мужчины... соглашаются на, когда-то типичные женские, и не только в семьях, но и в обществе и в профессиональной сфере.

Почему, сегодня, люди считают семью бременем? Нам часто приходится слышать утверждение о том, что сильный, значит независимый. Но ведь, мы по сути своей находясь в системе и являясь её элементом, зависим от всей системы.

С точки зрения авторов статьи: Семья-это сложная, открытая система, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем, находящихся в перманентном и асинхронном развитии, способная создавать иные системы независимо друг от друга.

Соответственно, в своем развитии семья , как некая система, создает независимые и зависимые одновременно от начальной системы структуры и связи.

Часто слышим от холостяков:"Мы не хотим быть зависимыми от.... Подобное утверждение становится слишком частым, к сожалению. И этому есть оправдание. Карьера требует полной самоотдачи, существенного времени и сил, как физических, так и душевных..

В современных городских условиях, где основными преимуществами является мобильность и скорость принятия решения, люди теряют связь с членами семьи. Не потому, что не ценят, а просто подчиняются требованию современного бизнес сообщества. Вот и возникают конфликты, споры, охлаждение отношений. Боль.. Появляется мысль - проще быть одному, избежать боли, любым образом. Сегодня, Семья как институт, не развивается, а скорее - выживает. Семьи рушатся или вообще не создаются. Как много сейчас «пробников» отношений, призванных узнать, получше, друг друга. Год, два, три и расстались. И это - тревожная, нарастающая тенденция, чаще характерная для больших городов. При росте числа «гражданских» браков, растет число детей рожденных вне брака. Анализируя различные источники, можно сделать вывод , что с 1980-х годов, их число выросло до трети от числа всех рожденных. Проблема детей вне брака, запускает цепочку социальных проблем в обществе.

На консультациях, в нашем центре, довольно часто слышим: «Мы же просто «пробовали» жить..», складывается впечатление , как будто бы писали «черновик» на страницах жизненной истории, чтобы переписать потом набело, без ошибок. Живут, не создавая фундамента, не ставя целей, по причине - вдруг это не мой человек, а я с ним уже что-то создал.

Риелторы утверждают, что одним из актуальных запросов, сегодня, является – Как мне оформить недвижимость, чтобы она не досталась партнеру.

В условиях- недоверия, «пробников» и «черновиков», все более острой становится проблема не просто выживания семьи, как социального института, но и той «ячейки общества», ответственной за воспроизводство человека и не просто его физическое воспитание, а воспитания психически и нравственно здоровой личности в городской среде. С каждым годом – эта работа становится непосильным трудом, так как соблазны подстерегают на каждом шагу. Современное общество – потребительское.

Данная статья - продукт обобщения более чем пятилетнего опыта работы автора статьи, с семьями, находящимися в кризисных ситуациях.

Кризисы совершенно разного порядка, такие как - роста, измен, болезни и утраты, и все же есть нечто общее, присущее всем им – каждый кризис отдельно взятого человека в семье по-разному влияет на систему семья, в целом.

Исходная информация для статьи- это результат эмпирического наблюдения за происходящим на сеансах семейного психологического консультирования, тренингах и семинарах. В научных источниках можно встретить множество определений и критериев как нормальной так и деструктивной семьи. Одно из определений, наиболее соответствующих положению дел, сегодня, на наш взгляд, принадлежит группе авторов. По утверждению Э.Г.

¹<http://izvestia.ru/news/600961#ixzz4Bj659nB6>

² "МОЛОДАЯ СЕМЬЯ". СОПЫВRIGHT 2011-2015.(<http://molodsemja.ru/soveti/statistika-brakorazvodnyx-processov-v-rossii.html>)

³Российская газета СПб <https://rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.htm>

Эйдемиллера, И.В. Добрякова, И. М. Никольской: « Нормально функционирующая семья -та семья, которая ответственно и дифференцированно выполняет все свои функции, в следствии чего удовлетворяются потребность в росте и изменениях как семьи в целом, так и каждого его члена»⁴.

Это определение, наиболее полно отражает реальную действительность и все же хочется добавить: Нормально функционирующая семья-это прежде всего, место где каждый ее член и взрослый, и ребенок чувствует себя личностью особенной и неповторимой, чувствует поддержку, которая позволяет ему быть таковым -развиваться, добиваться поставленной цели, раскрываться во всех гранях своего таланта и индивидуальности. Семья это то место, где мы можем открыто выражать свои чувства, мысли, эмоции, быть открытыми. Это место, где тебя всегда поймут и примут таким каков ты есть на самом деле, ведь и конфликты, и разногласия это важные элементы, присущие нормальной семье, именно это и делает каждую семью неповторимой. Здесь формируются личностные ценности, нормы и правила социального поведения. В нормальной семье обязательно присутствует взаимность, мы не только отдаем любовь, внимание, сочувствие, но и сопереживаем, и получаем в ответ от каждого члена семьи! Именно здесь мы становимся единым целым. Семья дает ребенку не только защиту, безопасность, воспитание, но и социальную поддержку, исторические связи поколений, учит социальному поведению, дает рост и развитие...

В ответ на вопрос клиентов психологического центра, что же такое отцовство? Автор статьи, Корсаков А. В., часто отвечает собственной метафорой: « Я плодотворная почва для своего семени...укрываю, согреваю, питаю и...растворяюсь. Если почва слишком хорошо удобрена...В ней слишком много всего...семя сгорит, недостаточно возделана или ее мало – замерзнет, не прорастет, в любом случае – гибель, значит, надо вовремя, ключевое слово – вовремя, укрыть, накормить, согреть и отпустить».

Вот и основное предназначение семьи - дать жизнь и вовремя отпустить.

И все же, на наш взгляд, проблема конкретизации критериев нормальных и дисфункциональных межличностных коммуникаций в семьях – это одна из важнейших научных проблем психологии, от решения которой зависит успешность решения целого ряда задач, стоящих перед практическими специалистами, работающими с семьями, проживающими в современном мегаполисе.

Первоочередной задачей, имеющий отношение к каждой семье, независимо от ее типа, полагаем, является задача разработки научно обоснованных ориентиров и практических рекомендаций для всех членов семьи, на каждой из стадий онтогенеза целостной системы -семья.

Для выполнения этой задачи, необходимо разработать критерии нормальных и аномальных межличностных коммуникаций на каждом из этапов развития семьи, учитывая следующие требования: тип системы - семья, межкультурный фактор и социальный уровень семьи.

Это, прежде всего, качество и эффективность, выбранных каналов коммуникации между членами семьи, даже если они не проживают на одной территории. Именно это влияет, в первую очередь, на формирование личности.

По мнению Г.Бейтсона: наиболее важны коммуникации, предполагающие одновременно и эмоциональную насыщенность, и необходимость различать уровни сообщения. Это игры, юмор, ритуал, поэзия и художественная проза.⁵ Выявление критериев, определяющих нормальные и деструктивные коммуникации, учитывающие вышеперечисленные требования, необходимы для своевременной и квалифицированной помощи всем членам семьи на разных стадиях развития системы - семья. И если это –расширенная семейная система, то, проблема коммуникаций с людьми пожилого возраста, еще одна специфическая задача, ближайшего будущего.

Актуальность проблемы определения критериев нормы в межличностных семейных коммуникациях высока и идет рука об руку с такой задачей как определение того, какие отношения будут востребованы в современном обществе. Что выберут люди? Одиночество и «независимость» или совместное проживание, и если вместе, то как? Продолжая задаваться вопросами, важно понимать и какую форму отношений между людьми можно считать семейными, а какую нет.

За последние годы, научный взгляд на семью стал более объемным: развитие ребенка стало рассматриваться сквозь призму взаимовлияния членов семьи друг на друга. И здесь уместно сделать упор на эффективность межличностных коммуникаций между членами семьи. Что способствует эффективным межличностным коммуникациям в семье?

Согласимся с мнением Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, считающими, что стабильность семьи зависит от умения ее членов вести переговоры по всем аспектам семейной жизни.⁶

Условия, устоявшиеся традиции, культура общения в которых воспитаны он или она, всё это определяет развитие эмпатических способностей человека, которые, в последствии мы привносим в свою молодую семью.

И важнейшими критериями, нормальной семейной коммуникации является принятие, безоценочность и нейтральность. Разделяя эмоции, чувства, переживания, "примеряя" чужие проблемы на себя, вы становитесь чутким собеседником и получаете...доверие! Это первый шаг к пониманию, к принятию вас, как партнера.

Для чего это нужно? Для сохранения своей собственной семьи, избежания конфликтов, дальнейшего развития своей системы-семья... Для того, чтобы понять и принять точку зрения партнера и, возможно, взять его модели в свою систему- семью. Казалось бы нет ничего проще...уметь слушать и ..слышать партнера! Изначально, настраиваясь на доброжелательное, уважительное отношение к его желаниям и намерениям, взглядам и суждениям. А значит и поступкам... Уметь учитывать не только свои потребности и желания, но и того, кто рядом с вами. А как же быть с

⁴Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 3-е.- СПб.: Речь, 2007, 352 с. – 14 стр.

⁵ Г. Бейтсон. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по психиатрии. Пер. с англ./ Предисл. Д. Я. Федотова. Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2005.- 248с., стр 110

⁶Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи/Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2001. – 23 стр.

младенцем или с членом семьи, который не может выразить свои мысли вербально: « Как можно вести переговоры в этом случае?» .

Ответ один – обучаться эмпатии. Чем более высок уровень развития вашей эмпатии, тем более успешно протекает общение, способствуя сближению с партнером. Используя в общении такой эффективный инструмент как эмпатия, мы поступаем абсолютно также как и при выборе и использовании коммуникационного канала. Происходит кодирование наших чувств, идей, мыслей, желаний в слова, жесты и мимику, соответственно, чем более точна и конкретна наша вербальная и невербальная коммуникация, чем более правильно мы выбираем коммуникационные каналы передачи информации, тем более точно она будет донесена собеседнику. Отражая чувства, ваш собеседник показывает вам, насколько он понимает, то, что вы сейчас испытываете и насколько принимает вас, как личность. Безусловно, эмпатия присуща каждому из нас, но ряд специалистов считают, что женщине - в большей степени и связано это с её социальной ролью. Мужчины, часто, не умея, выразить свои эмоции, испытывают трудности в понимании чужих.

В нашем центре, на консультациях, часто звучит вопрос: "готовы ли все члены семьи, изучать эмоции друг друга и учиться невербальной коммуникации?" Ответ, к сожалению, часто отрицателен.

При анализе и разработке решений относительно поставленной цели, важно понимать значимые факторы семейной жизни.

С точки зрения В.Сатир, есть четыре фактора семейной жизни, неизбежно присутствующие в жизни людей. Это самооценка, коммуникации, правила и связь с обществом⁷. По мнению С. В. Ковалева, для семейного счастья необходимы: бесконфликтное общение, доверительность и эмпатия, нормальная интимная жизнь, наличие Дома.⁸

За годы длительной практики с кризисными семьями, Корсаков А.В. пришел к выводу, что, кроме общепринятых и известных в классике психологии, основополагающими критериями развития нормальной семьи являются: наличие собственного жилья, официально зарегистрированные отношения, наличие неподотчетного времени и денежных средств, умение вести конфликтный диалог, наличие общих друзей и знакомых. Это необходимый минимум для семейного счастья.

Наше предложение- подсказано самой природой- разрабатывать критерии согласно периодам развития системы- семья. Точкой отсчета считать рождение ребенка. Ориентир- насколько успешно семья преодолевает очередной кризис. И это не только кризис семейной системы, но и возрастные, профессиональные и социальные.

Резюме: Выявление критериев нормальных межличностных коммуникаций в семье наиболее острая и актуальная проблема современного урбанизированного общества, требующая дополнительных исследований и анализа существующих процессов в современном обществе.

Литература

1. Андреева Т. В. психология семьи: Учеб. Пособие.-СПб.: Речь, 2010, - 384 с. – 156.
2. Вирджиния Сатир. Вы и Ваша семья: Руководство по личностному росту/ Издание 2-е, исправленное. Апрель-Пресс, Институт общегуманитарных исследований. Пер. с англ. общ. Ред. Кеучкарова Р.Р., 2011 -208с., -13 стр.
3. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 3-е.-СПб.: Речь, 2007, 352 с. – 14 стр.
4. "Молодая семья". COPYRIGHT 2011-2015.(<http://molodsemja.ru/soveti/statistika-brakorazvodnyx-processov-v-rossii.html>)
5. Российская газета СПб <https://rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.htm>
6. https://vk.com/centr_ravnovesie_psi

References

1. Andreeva T. Psihologiâsem'i: Stud. Allowance.-Spb.: Rech, 2010-384-156.
2. Virginia Satir. You and your family: a guide to personal growth/Edition 2-e corrected. April-press, Institute of humanitarian studies. Lane. with English. AGG. Ed. Keučkarova R.r., 2011-208s., pp. -13.
3. Eidemiller e. G., Dobrykov I.V., Nikolskaya and m., Family diagnosis and family psychotherapy. Tutorial for the physicians and psychologists. Ed. 3.-Spb.: Rech, 2007, 352 p.-14 p.
- 4."Young family". COPYRIGHT 2011-2015. (<http://molodsemja.ru/soveti/statistika-brakorazvodnyx-processov-v-rossii.html>)
5. Rossiyskaya Gazeta SPB <https://rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.htm>
6. https://vk.com/centr_ravnovesie_psi

⁷Вирджинии Сатир. Вы и Ваша семья: Руководство по личностному росту/ Издание 2-е, исправленное. Апрель-Пресс, Институт общегуманитарных исследований. Пер. с англ. общ. Ред. Кеучкарова Р.Р., 2011 -208с., -13 стр.

⁸ Андреева Т. В. психология семьи: Учеб. Пособие.- СПб.: Речь, 2010, - 384 с. – 156.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.212

Марийчук Е.О.

ORCID: 0000-0002-7278-4663, Аспирант,

Московский городской психолого-педагогический университет

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация

Проблема профессионального выгорания молодых специалистов – учителей и педагогов-психологов – и, как следствие, достаточно большая текучесть кадров, является одной из серьезных проблем современной системы образования. В статье рассмотрены причинно-следственные факторы развития синдрома профессионального выгорания, предложены рекомендации по созданию и реализации программ профилактики дестабилизирующих деструкций и других негативных проявлений в процессе трудовой деятельности молодых специалистов педагогических профессий.

Ключевые слова: профилактика психологических и профессиональных деформаций личности, синдром профессионального выгорания, молодые специалисты – учителя и педагоги-психологи.

Marijchuk E.O.

ORCID: 0000-0002-7278-4663, Postgraduate student,

Moscow State University of Psychology & Education

PREVENTION OF PROFESSIONAL BURNOUT YOUNG TEACHING STAFF

Abstract

The problem of professional burnout of young professionals - teachers and educational psychologists - and as a result, quite a large turnover of staff, is one of the most serious problems of modern education system. The article deals with the causal factors of burnout, recommendations on the creation and implementation of prevention programs destabilizing destructions and other negative manifestations in the course of employment of young specialists of pedagogical professions.

Keywords: prevention of psychological and professional deformation of the person, professional burnout syndrome, young professionals - teachers and educational psychologists.

В процессе профессиональной деятельности неизбежно возникают критические ситуации для субъектов деятельности, обуславливающие трудовые стрессы и проявление психологических деформаций личности [2].

Процесс профессиональной деятельности педагогов сопряжен со значительными психофизиологическими нагрузками, вызванными интенсивным, когнитивно сложным и эмоционально насыщенным общением; интеллектуально-энергетическими затратами и умственным перенапряжением. К социально-психологическим особенностям педагогической профессии исследователи относят и высокий уровень непредсказуемости трудового процесса, повышенную ответственность за субъектов деятельности, качество и результаты труда; наличие психологически сложного контингента обучающихся и другие факторы [2, 4, 5, 7].

Хронически напряженная и стрессогенная рабочая обстановка способствует нервно-психическому переутомлению, эмоциональной усталости и повышенной раздражительности, другим психологическим и профессиональным деформациям. При достижении определенного уровня психоэмоциональной дестабилизации работники неосознанно пытаются обезопасить, защитить себя. Средством такой защиты, по мнению ученых, является так называемый синдром профессионального выгорания [1, 2, 4, 5].

Синдром профессионального выгорания представляет собой совокупность психологических и поведенческих проявлений, возникающих в ответ на длительные стрессовые ситуации трудовой среды и оказывающих отрицательное влияние на личностное и профессиональное самочувствие специалистов. Синдром выражается в предельном эмоциональном истощении, обезличивании субъектов профессионального общения, потере трудовой мотивации и эмоционально-ценностного отношения к профессии. Профессиональное выгорание определяется целым комплексом предпосылок, служащих отражением влияния рабочей среды, психологического климата и взаимоотношений в трудовом коллективе, социально-психологических особенностей труда и самих субъектов труда [4, 5, 6].

Проблема профессионализации в той или иной мере касается всех возрастных категорий педагогических работников, но эта проблема наиболее актуальна для молодых специалистов, испытывающих в начале трудовой карьеры серьезный адаптационный стресс [2].

Проблемы психологического здоровья и профессионального выгорания молодых специалистов педагогических профессий являются достаточным основанием для внедрения в практику образовательных организаций здоровьесберегающих программ, направленных на профилактику проявления психоэмоциональных деформаций личности и нивелирование негативных последствий влияния трудовой среды.

В научной литературе, затрагивающей вопросы профилактики синдрома выгорания, выделены два направления.

Первое направление – профилактика как смягчение действия организационных (средовых) факторов риска профессионального выгорания на уровне всей организации в целом.

Это направление определяет следующие задачи психологической и организационной помощи:

- развитие высокой организационной культуры и здоровой атмосферы в трудовом коллективе организации;
- эффективное руководство;
- профессиональная и административная поддержка;
- четкое определение должностных обязанностей работника и др.

Второе направление профилактической работы предусматривает рассмотрение психологической помощи как процесса восстановления эмоционально-психофизиологических ресурсов конкретной личности, активизации профессиональной мотивации специалиста и включает:

- психологическую разгрузку сотрудников;
- нивелирование проявления адаптивно-разрушающих деформаций;
- повышение компетентности и умений;
- развитие навыков релаксации, саморегуляции и самоконтроля;
- развитие мотивации личностного роста и творческого потенциала;
- планирование личной и профессиональной карьеры и др. [1, 3, 6, 7].

Д.Г. Трунов предлагает разделить профилактические мероприятия на четыре основные установки:

1. «Приспособление себя к работе» – совершенствование способностей приема и переработки субъективной информации, развитие эмпатии, сочувствия, сопереживания, понимания субъектов профессиональной деятельности;
2. «Приспособление работы к себе» – адаптационное изменение профессиональных, организационных и других рамок;
3. «Экономичный расход эмоциональных ресурсов» – уменьшение психоэмоциональных затрат, связанных с межличностными коммуникациями («способ контроля контпереноса» – разделения ответственности, структурирования деятельности, использования защитных психотехник и др.);
4. «Восстановление» – восполнение психоэмоциональных потерь, применяя способы компенсации затраченных усилий и стимулирующие мероприятия (отслеживание результатов работы, материальное вознаграждение и др.) [4].

Реализация здоровьесберегающих программ в образовательных организациях должна учитывать особенности педагогического труда, образовательных организаций и самих профилактических программ [2, 4, 6].

Условия и характерные особенности педагогической деятельности молодых специалистов, социально-психологические особенности самих молодых специалистов диктуют выбор методов и средств профилактики синдрома профессионального выгорания. Программы по профилактике могут быть более эффективными, если их составлять с учетом специфики той группы специалистов, для которой они предлагаются [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Многие исследователи полагают, что профессиональное выгорание не является неизбежным процессом, следовательно, профилактические меры, должны быть направлены на предотвращение, ослабление или исключение его возникновения [2, 4, 5, 6].

Задача любой здоровьесберегающей программы не в том, чтобы нивелировать синдром выгорания, а в том, чтобы не создавать условий его развития. Следовательно, базовой частью программы профилактики должна являться системная психологическая подготовка молодых работников, включающая: 1) теоретическое обучение основам диагностики и профилактики проявления различных деформаций личности; 2) практическое обучение, направленное на развитие стрессоустойчивости, саморегуляции и профессиональной самореализации [1, 3, 4, 5].

На основе рекомендаций ученых автором статьи составлена конструктивная модель программы профилактики развития синдрома профессионального выгорания, состоящей из шести базовых модулей.

Программа профилактики профессионального выгорания молодых специалистов педагогических профессий

• Модуль 1. Организационный

Программа должна содержать следующие структурные составляющие: название программы, актуальность, цель и задачи; ожидаемые результаты и сроки выполнения программы; план-график по внедрению программы; средства достижения цели и задач программы; ожидаемые результаты эффективности реализации программы; материальное обеспечение и источники финансирования программы.

Целью разработанной программы может являться превенция симптомов профессионального выгорания и уменьшения их проявлений. В данной программе могут быть поставлены задачи: изменения форм эмоционального реагирования (снижения уровня депрессивных проявлений, обучения навыкам конструктивного решения проблем); формирования позитивной самооценки и уверенности в себе; коррекции ценностно-смысловых и мотивационных категорий, системы отношений в профессиональной деятельности; развития коммуникативных умений и др.

• Модуль 2. Диагностический

Включает составление плана проведения мониторингов выявления: синдрома выгорания; потребностно-мотивационных аспектов трудовой деятельности молодых работников; дестабилизирующих социально-психологических факторов организационной среды: характерных особенностей педагогического труда молодых специалистов и особенностей самих молодых специалистов, связанных с трудовой деятельностью; психологического климата и взаимоотношений в коллективе организации, негативных условий и недостатков трудового процесса и др.

• Модуль 3. Информационная профилактика

Модуль предусматривает повышение здоровьесберегающей компетентности молодых педагогических работников: своевременное информирование о причинах, признаках и мерах профилактики выгорания.

• Модуль 4. Профессионально-управленческая профилактика

Содержание модуля должно включать систему мероприятий, проводимых руководством образовательной организации, и направленных на улучшение условий труда и успешной профессионализации молодых специалистов.

Для руководителей и психологической службы образовательной организации определяются общие методологические принципы профилактики: комплексный подход и непрерывность психологического сопровождения трудовой деятельности молодых специалистов; гарантии прав и интересов молодых работников в соответствии с требованиями психологии здоровья; вариативность и способы адаптации, социализации и профессиональной самореализации молодых специалистов; постоянное повышение уровня профессионализма молодых работников; внедрение инновационных и полисубъективных подходов организации психологической помощи и др.

• Модуль 5. Психологические методы профилактики и реабилитации

Модуль включает разработку и проведение психологом образовательной организации мероприятий по профилактике и нивелированию проявления психологических деформаций и развития синдрома выгорания.

• Модуль 6. Методы самодиагностики и саморегуляции

Обучение молодых работников способам самодиагностики и психологической саморегуляции, направленным на активизацию личностных ресурсо-адаптивных возможностей.

Формы проведения мероприятий программы могут быть индивидуальными и групповыми; проходить в виде лекций, дискуссий, практических и консультативных семинаров, деловых и ролевых игр; социально-психологических тренингов: профессионального и личностного роста, моделирования проблемных ситуаций, управления стрессом и регуляции эмоциональных состояний, адаптации и обеспечения удовлетворенности работой, совершенствования коммуникативной компетентности и др.

Необходимо, чтобы реализация здоровьесберегающих программ стала частью общей корпоративной программы образовательной организации, обеспечивающей создание благоприятной социально-психологической среды, развитие и поддержание ресурса психологического здоровья и личностного потенциала всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Андреева Н.Ю. Предупреждение профессионального выгорания педагогов // СПО. 2010. № 1. С. 56—59.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2010. 336 с.
3. Демьянчук Р.В. Психологическая помощь педагогам с признаками эмоционального выгорания: основания и ориентиры [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Том 4. № 4. С. 12–28.
4. Пряжников Н.С., Ожогова Е.Г. Стратегии преодоления синдрома эмоционального выгорания в работе педагога // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 87–95.
5. Хухлаева О.В. Основные направления профилактики эмоционального выгорания педагогов // Народное образование. 2010. № 7. С. 278–282.
6. Харланова Ю.В. Профессиональное выгорание педагогов: выявление и профилактика // Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов. 2015. №1. С. 94–98.
7. Schaufeli W., Leiter M., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. 2009. V. 14. № 3. P. 204-220.

References

1. Andreeva N.Yu. Preduprezhdenie professional'nogo vygoraniya pedagogov // SPO. 2010. № 1. S. 56—59.
2. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika. SPb: Piter, 2010. 336 s.
3. Dem'yanchuk R.V. Psikhologicheskaya pomoshch' pedagogam s priznakami emotsional'nogo vygoraniya: osnovaniya i orientiry [Elektronnyi resurs] // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2015. Tom 4. № 4. S. 12–28.
4. Khukhlaeva O.V. Osnovnye napravleniya profilaktiki emotsional'nogo vygoraniya pedagogov // Narodnoe obrazovanie. 2010. № 7. S. 278–282.
6. Kharlanova Yu.V. Professional'noe vygoranie pedagogov: vyyavlenie i profilaktika // Psikhologicheskoe soprovozhdenie bezopasnosti obrazovatel'noi sredy shkoly v usloviyakh vnedreniya novykh obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov. 2015. №1. S. 94–98.
7. Schaufeli W., Leiter M., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. 2009. V. 14. № 3. P. 204-220.

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.224

Осипова О.Ю.¹, Матвеева О.С.²

^{1,2}Преподаватель кафедры организации психологической службы в УИС,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России;

СТРАТЕГИИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ДЛИТЕЛЬНЫМ СРОКАМ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЗЛОСТНЫМИ НАРУШИТЕЛЯМИ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается проблема совладающего поведения в стрессовых ситуациях осужденных к длительным срокам, являющихся злостными нарушителями режима содержания в исправительном учреждении. Эмпирически выявленные копинг-стратегии позволяют прогнозировать поведение осужденных, как в период отбывания наказаний, так и влиять на их постпенитенциарный прогноз. Также авторами предлагаются рекомендации направленные на психологическую коррекцию неконструктивных стратегий и оптимизацию совладающего поведения.

Ключевые слова: стратегии совладающего поведения, осужденные к длительным срокам.

Osipova O.U.¹, Matveeva O.S.²

^{1,2}Lecturer of the Department of organization of psychological services in penitentiary system
of the Vologda institut of law and Economics of the Federal Penitentiary Service

STRATEGIES FOR COPING SENTENCED TO LONG TERMS WHICH ARE MALIGNANT VIOLATORS OF THE DETENTION REGIME

Abstract

The article considers the problem of subsequent behavior in stress ful situations, sentenced to long terms, which are malignant violators of the detertion regime in prison. Empirically identified coping strategies that can help to predict the behavior of the convicted persons in the period of punishment and to in fluence their post – penitentiary forecast. The author also makes recommendations aimed at psychological correction non-constructive strategies and optimization of coping.

Keywords: sentenced to long terms, strategies for coping.

Изменения в уголовном законодательстве, произошедшие в последнее время, повлекли за собой неизменное увеличение количества длительных сроков заключения. Спецконтингент, находясь в условиях вынужденной и длительной изоляции, избирает для себя тенденцию «приспособления», не всегда конструктивную, сопровождающуюся усвоением стереотипов поведения в исправительном учреждении, снижением критичности оценки действий других людей и своих собственных, переоценкой ценностей, что ведет в дальнейшем к дезадаптации личности отбывающего наказание.

Следовательно, трансформируется и среда отбывания наказания: наблюдается устойчивая криминализация спецконтингента и рост количества преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

Среди осужденных все чаще отмечаются случаи злостного нарушения режима отбывания уголовного наказания⁹.

Важными социально-психологическими механизмами, которые позволяют осужденному выжить в специфических условиях изоляции, адаптироваться к определенным условиям ИУ, а также к изоляции от общества являются стратегии совладающего поведения. Использование конструктивных совладающих стратегий поведения способствует более эффективному стилю реагирования на стресс и возможность сохранения гомеостаза.

Изучение источников позволяет утверждать, что чрезмерное использование неадекватных стратегий совладающего поведения способствует возникновению негативных изменений личности, которые могут детерминировать криминальную деструктивность отбывающих наказания в виде лишения свободы на длительные сроки¹⁰. Именно поэтому мы обратились к эмпирическому исследованию стратегий совладающего поведения осужденных к длительным срокам, являющихся злостными нарушителями режима содержания.

Реализованные нами методы исследования: методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера) и U-критерий Манна-Уитни позволили провести сравнение преобладающих стратегий у осужденных к длительным срокам, являющихся нарушителями режима содержания (экспериментальная группа) и не являющихся таковыми (контрольная группа).

Приведем анализ значимых различий, полученных по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлера и Д. Паркера в обследуемых группах.

⁹ Рогач В.Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.06. Рязань, 2015. С 6.

¹⁰ Баламут А.Н., Чудова А.Х. К вопросу об изучении психологических защит осужденных мужчин, признанных злостными нарушителями режима отбывания наказания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.center-bereg.ru/11631.html> / (дата обращения: 18.03.2016).

Таблица – Анализ значимых различий, полученных по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный Т. Л. Крюковой вариант методики Н. Эндлера и Д. Паркера), в экспериментальной и контрольной группе (U-критерий Манна–Уитни)

<i>Стиль совладания</i>	<i>Среднее значение в экспериментальной группе</i>	<i>Среднее значение в контрольной группе</i>	<i>Значимость различий (U-критерий Манна–Уитни)</i>
1. Проблемно-ориентированный стиль	28,5	39,1	0,01
2. Эмоционально-ориентированный стиль	52,0	46,1	0,01
3. Стиль, ориентированный на избегание	44,8	52,3	0,01

Представленные в таблице данные позволяют сделать вывод о наличии достоверных различий между экспериментальной и контрольной группой по все шкалам используемой методики.

Сравнение показывает, что осужденные с длительными сроками, являющиеся злостными нарушителями режима содержания, активно используют эмоционально-ориентированный стиль поведения.

Высокие показатели выхода эмоций, вероятно свидетельствуют об определенной степени проявления посттравматического синдрома, которым могут служить как сам срок отбывания уголовного наказания, так и специфика места его отбывания.

Испытуемые экспериментальной группы при столкновении с трудностями реагируют в виде эмоциональной экспрессии в явном и скрытом виде, провоцирующим возникновение разрядки в форме агрессивных действий по отношению к окружающим или себе. Выход из проблемной ситуации у них не сопровождается действиями по ее разрешению, а ориентирован на вовлечение к разрешению внутриличностного конфликта других людей, самобичевания, депрессии. Такие люди сознательно блокируют проблему, «забывая» об ее существовании до того момента, пока она позволяет сохранять мнимое внутреннее равновесие. Изначальное «упрощение» возникшей трудности приводит к небоснованному вымещению накопленных проблем на других, истериках – как реакции на накопленные ранее эмоции, употреблению табака и алкоголя.

Изоляция у лиц, употреблявших ранее спиртные напитки, наркотические средства или психотропные вещества (экспериментальная группа) может провоцировать восприятие нейтральных ситуаций как угрожающих и вызывать неадекватную превентивную агрессию.

Состояние эмоционального напряжения у осужденных очень часто приводит к психосоматическим расстройствам и деструктивному поведению, что в свою очередь, может увеличивать риск суицидов и самоповреждающего поведения, а также преступного рецидивизма. Осужденным лицам с длительными сроками отбывания наказания, не являющимся злостными нарушителями режима содержания, в большей степени присуща проблемно-ориентированный копинг стиль поведения, ориентированный на избегание. Характеристика поведения избравших данный копинг поведения сводится к инфантильной оценке происходящего без попытки изменить или трезво оценить ситуацию.

Ориентация на преодоление трудных ситуаций у лиц с длительными сроками, позволяет приспосабливаться к предъявляемым требованиям и трудностям, которые появляются в местах лишения свободы. Испытуемые контрольной группы анализируют трудную ситуацию, что проявляется в таких формах поведения, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации. Несмотря на все указанное, условия нахождения в местах лишения свободы провоцируют у осужденных «иллюзию контроля»: происходит неадекватная оценка степени сложности трудной жизненной ситуации и переоценка своих возможности по совладанию с ней, истощение копинг-ресурсов и повышение уровня тревоги при возникновении сложностей любого характера.

Результаты исследования наглядно свидетельствуют об избрании осужденными неадекватных способов совладания в кризисной ситуации, загоняющих их в замкнутый круг: трудная ситуация – реакция – трудная ситуация, где неконструктивное реагирование провоцирует возникновение еще больших трудностей по эффекту «снежного кома», не позволяя не только справиться с ситуацией, но и увеличить ее негативную эмоциональную окраску.

Изложенное выше позволило разработать рекомендации для сотрудников ИУ, касающиеся вопросов оптимизации совладающего поведения осужденных.

Коррекционную работу по оптимизации совладающего поведения у осужденных целесообразно осуществлять с целью снятия негативных эмоциональных состояний, активации и формирование эффективных копинг-ресурсов личности. Для этого необходимо проводить с осужденными групповые и индивидуальные занятия: с использованием упражнений и психотехник из тренингов личностного роста и асертивного поведения, тренинга «Жизнестойкости»; с использованием упражнений на развитие психоэмоциональной регуляции и преодоление социально-психологических барьеров и защит. Указанные направления работы могут быть реализованы при проведении занятий с осужденными с использованием элементов тренинга «Оптимизации саморегуляции психических состояний» (Т.О. Славнова), техник рационально-эмоциональной терапии (А. Эллис), приемов арт-терапии (музыкотерапии, песочной терапии, анималотерапии, арт-терапии, кинотренинга и др.).

В процессе проведения тренинга с исследуемой категорией осужденных целесообразно реализовывать индивидуальную коррекционно-развивающую работу по развитию коммуникативных навыков, а также осуществлять обязательный мониторинг их психических и поведенческих изменений. При отборе участников тренинговых групп сотрудники психологической лаборатории должны значительное внимание уделять изучению жизненного пути

осужденного: детско-родительским отношениям, особенностям совершенного преступления и т.д., а также уточнять дополнительную информацию об осужденном у сотрудников различных отделов и служб (оперативная, профессионально-трудовая и др.), его эмоциональном состоянии и испытываемых трудностях. Информация, полученная в ходе консультирования, в полной мере позволит реализовать индивидуальный подход в коррекционно-развивающей работе психолога ИУ.

Литература

1. Баламут, А. Н. К вопросу об изучении психологических защит осужденных мужчин, признанных злостными нарушителями режима отбывания наказания [Электронный ресурс] / А. Н. Баламут, А. Х. Чудова. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/11631.html> / (дата обращения: 18.03.2016).
2. Крюкова, Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) [Электронный ресурс] / Т. Л. Строева // Журнал практического психолога. – 2007. – №3. – С. 93-112. – Режим доступа: <http://www.psylist.net/praktikum/00298.htm> (дата обращения: 29.01.2016).
3. Основные подходы к изучению совладающего поведения в зарубежной и отечественной психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jsulib.ru/Lib/Articles/973/198/> – (дата обращения: 29.03.2016).
4. Особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73030_full. (дата обращения: 18.03.2016).
5. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77065_full.shtml (дата обращения: 26.03.2016).
6. Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/> (дата обращения: 25.03.2016).
7. Рогач, В. Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / В. Г. Рогач. – Рязань, 2015. – С. 6.
8. Русина, Н. А. Психологические защиты и механизмы совладания: отличия, проявления в психотерапевтической практике, эффективность / Н. А. Русина // Ярославский психологический вестник. – М., Ярославль: РПО-ЯрГУ, 1999. – С. 157-173.
9. Смирнов, А. М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. М. Смирнов. – Тамбов, 2009. – 25 с.
10. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008. – 472 с.
11. Шлома, А. В. Совладающее поведение: понятие, классификация стратегий копинг-поведения / А. В. Шлома // Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Брянск, 2015. – С. 257-263.

References

1. Balamut, A. N. K voprosu ob izuchenii psihologicheskikh zashhit osuzhdennykh muzhchkh, priznannykh zlostnymi narushitel'nyami rezhima otbyvaniya nakazaniya [Jelektronnyj resurs] / A. N. Balamut, A. H. Chudova. – Rezhim dostupa: <http://www.center-bereg.ru/11631.html> / (data obrashhenija: 18.03.2016).
2. Krjukova, T. L. Opornik sposobov sovladaniya (adaptacija metodiki WCQ) [Jelektronnyj resurs] / T. L. Stroevea // Zhurnal prakticheskogo psihologa. – 2007. – №3. – S. 93-112. – Rezhim dostupa: <http://www.psylist.net/praktikum/00298.htm> (data obrashhenija: 29.01.2016).
3. Osnovnye podhody k izucheniju sovladajushhego povedeniya v zarubezhnoj i otechestvennoj psihologii [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://jsulib.ru/Lib/Articles/973/198/> – (data obrashhenija: 29.03.2016).
4. Osobennosti koping-strategij osuzhdennykh s razlichnym urovnem zhiznjestojkosti, sostojashhih na uchete, kak sklonnye k suicidu [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73030_full. (data obrashhenija: 18.03.2016).
5. Penitencijarnyj stress i osobennosti ego projavlenija u osuzhdennykh, podozrevaemykh, obvinjaemykh [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77065_full.shtml (data obrashhenija: 26.03.2016).
6. Profilaktika faktorov riska penitencijarnoj prestupnosti [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/> (data obrashhenija: 25.03.2016).
7. Rogach, V. G. Psihologija perezhivaniy u osuzhdennykh muzhskogo pola, otbyvajushhih dlitel'nye sroki lisheniya svobody: avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.06 / V. G. Rogach. – Rjazan', 2015. – S. 6.
8. Rusina, N. A. Psihologicheskie zashhity i mehanizmy sovladaniya: otlichija, projavlenija v psihoterapevticheskoj praktike, jeffektivnost' / N. A. Rusina // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik. – M., Jaroslavl': RPO-JarGU, 1999. – S. 157-173.
9. Smirnov, A. M. Dlitel'nye sroki lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh muzhchkh: ugovolno-pravovye i ugovolno-ispolnitel'nye aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 / A. M. Smirnov. – Tambov, 2009. – 25 s.
10. Sovladajushhee povedenie: sovremennoe sostojanie i perspektivy / pod red. A. L. Zhuravleva, T. L. Krjukovoj, E. A. Sergienko. – M.: In-t psihologii RAN, 2008. – 472 s.
11. Shloma, A. V. Sovladajushhee povedenie: ponjatie, klassifikacija strategij koping-povedeniya / A. V. Shloma // Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Brjansk, 2015. – S. 257-263.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.021

Тагирова Р.А.

ORCID:0000-0002-4311-6471, Кандидат психологических наук,

Чеченский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ОБРАЗА ЖИЗНИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ**Аннотация**

В статье для рассмотрения основных признаков национального самосознания учащимся чеченской национальности была предложена анкета, составленная на основе этнопсихологического вопросника Г.В. Старовойтовой. Для их анализа были использованы следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с представителями Вашей национальности?» и «Чем, по Вашему мнению, отличается Вы от представителей других национальностей?». Автор пришел к выводу, что в национальном самосознании отражаются общие черты целой нации, этнической общности, устойчивые факторы этнической идентификации, представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, этнокультурной ориентации, национальных обрядах, традициях и обычаях.

Ключевые слова: национальное самосознание, национальный язык, обычаи и традиции, этническая идентификация, этноконсолидирующие и этнодифференцирующие признаки, этнокультурная ориентация, национальные обряды.

Tagirova R.A.

ORCID: 0000-0002-4311-6471, PhD in Psychology, Chechen State University

FEATURES OF THE NATIONAL LANGUAGE AND WAY OF LIFE IN DIFFERENT SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENTS**Abstract**

In order to survey the basic signs of national self-identification a bunch of Chechen students were asked to complete a form which was made on the basis of G. Starovoytova's ethno-psychological questionnaire. The following questions were used for their analysis: "What, in your opinion, brings you together with your compatriots?" and "What, in your opinion, differentiates you from people of other nationalities? The author came to a conclusion that general patterns of an entire nation, ethnic community, stable factors of ethnic identification, awareness of factors which consolidate and differentiate an ethnicity, ethno-cultural orientation, national customs, traditions and rituals are reflected in national self-identification.

Keywords: national consciousness, national language, customs and traditions, ethnic identification ethnoconsolidating and ethnodifferentiating signs, ethnocultural orientation, national ceremonies.

При изучении устойчивости национального самосознания огромное значение придается специфике проявления таких его признаков, как национальная самоидентификация, представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, стремление соответствовать этнокультурному стандарту, приверженность к национальному языку, обычаям и традициям своего народа.[1,4.]

Для выявления этих признаков учащимся чеченской национальности была предложена анкета, составленная на основе этнопсихологического вопросника Г.В. Старовойтовой

Группа вопросов, отражающих эмпирические индикаторы национального самосознания, направлена на выяснение представлений респондентов о главном факторе этнической идентификации: «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности человека». Респондент должен был выбрать один из предложенных вариантов ответов. Кроме того, предлагалась проективная ситуация, включающая возможность выбора таких факторов, как место или республика проживания, принятый в семье язык и др.

Важным фактором национального самосознания является функционирование национального языка, «он выступает носителем широкого набора этнического единства, сходства представителей данного этноса и их отличия от других являются важнейшим орудием этнического самосознания. С другой стороны, языковая ассимиляция является одним из важнейших этапов этнической ассимиляции» [2. С.36] Но, это не значит, что языковая ассимиляция и этническая ассимиляция связаны прямой зависимостью, так как «возникающие расхождения между национальностью и родным языком иногда, наоборот, стимулируют интенсивность национального самосознания». [2. С.36]

Г.В. Старовойтова отмечает, что национальные черты нельзя считать врожденными, они приобретаются в процессе социализации личности, поэтому сознательное определение своей национальности к моменту социального созревания человека в условиях сближения культур может зависеть от многих факторов даже в национально-однородной среде.

Многими авторами отмечено, что при выборе национальной принадлежности особое влияние оказывает этнокультурная среда, в которой живет семья, принадлежность одного из родителей к коренной для данного региона национальности.

Главные признаки при определении национальности человека (%)

Таблица 1

Признаки, определяющие Национальность человека	Группа А	Группа Б
Национальность отца,	100	100
Национальность матери;		
Собственное пожелание		
Место или республика		

Из таблицы видно, что обе группы выделили только один признак, определяющий национальную принадлежность человека, – национальность отца.

Выбор национальности отца как единственного определителя национальности в обеих группах подтверждает мнение Г.В. Старовойтовой о том, что доминирующая роль мужчины в семье в прошлом отражала не только его господствующее экономическое положение, но и была жестко зафиксирована в обрядах и обычаях шариата. Это связано не только с конкретными религиозно-этническими предписаниями, но и с традиционной моделью распределения ролей в семье. В чеченской семье со времен седой старины и до наших дней отец играет главную роль. Он глава семьи и его слово является законом для жены и детей, и перечить ему никто не должен.

В качестве важного индикатора этнического самосознания анализировалось представление об этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаках. Для их анализа были использованы следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с представителями Вашей национальности?» и «Чем, по Вашему мнению, отличаетесь Вы от представителей других национальностей?». Предложенные варианты ответов разнородны по содержанию и по сложности, что давало возможность респондентам с одинаковыми этнокультурными ориентациями выбирать адекватный их мнению ответ. К внешним признакам относятся: язык, черты внешнего облика, народные обычаи и традиции и др. Неявными считаются: черты характера, общее историческое прошлое, общие перспективы, будущность и др. Очевидно, что признаки этнического различия и сходства осознаются людьми по-разному: так, например, общность этнической психологии не так ощутима, как реальность национального языка.

Таблица 2 – Что сближает представителей одной национальности? (%)

Группа	Народная культура	Родной язык	Родственные связи	Религия	Общее Историческое прошлое	Черты характера, психология	Общее поведение
А	75	63	40	36,6	26,6	20,5	19,7
Б	50	65	30	28,5	24,8	18,6	19

Таблица 3 – Чем отличаются представители разных национальностей? (%)

Группа	Главным образом языком	Обычаи и традиции	Религия	Особенности поведения	Черты характера, психология	Внешний вид
А	65	48,7	38,7	24,5	17,8	10
Б	60	46,9	36,5	26	16,5	8

Наибольшую значимость в качестве этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаков в обеих группах получили язык, обычаи и традиции, религия, родственные связи, особенности поведения, черты характера, психология и т.д.

Выделение в обеих группах, наряду с языком, народных обычаев и традиций не является случайным. Обычаи и традиции – самые устойчивые явления национального самосознания, складывающиеся в процессе длительной эволюции, передающиеся из поколения в поколение и прочно закрепившиеся в сознании людей, становятся их духовной потребностью и выступают как могучее средство объединения и сплочения людей. В вайнахской среде большое значение придавалось в прошлом, и придается сейчас родственным связям. Их сохранению и активному влиянию способствует то, что положительные качества и поступки человека оцениваются не только как личные качества данного конкретного человека, но и нередко рассматриваются как следствие его принадлежности к данной семье, родственной группе, поэтому чеченские старшекласники родственные связи считают одним из основных элементов сближения нации.

Важно отметить, что каждая социальная и культурная группа имеет какие-то отличительные знаки, по которым члены этой группы могли бы узнать, понять и сблизиться друг с другом, а также отличить членов своей группы от членов других групп. Наше исследование подтверждает, что такими признаками могут быть одни и те же признаки, которые их сближают с представителями своей национальности и отличают их от других наций: язык, обычаи и традиции, религия, особенности поведения или стиль жизни и др.

Принадлежность к определенной этносоциальной группе, религиозность нации являются главными факторами, формирующими устойчивость национального самосознания старшекласников и системы его ценностных ориентации. Религия способствует интериоризации ценностей национальной культуры, нивелирует национальные различия и влияет на стиль поведения.

Следующий блок вопросов направлен на выявление этнокультурной ориентации и установки на национальные обряды.

Ответы, полученные на вопрос: «Как бы Вы отнеслись, если кто-нибудь из Ваших родственников вступил бы в брак с человеком другой национальности?» распределились следующим образом: в моноэтнической группе (75%) предпочли бы человека своей национальности; для 20% – национальность в браке не имеет значения, если оба супруга

соблюдают обычаи и нравы обоих народов, тогда как 30% учащихся бизтнической группы считают, что национальность в браке не имеет значения, а 67% – предпочли бы человека своей национальности, но возражать бы, не стали.

Религиозные традиции и национальные предубеждения препятствуют национально-смешанной брачности, сохраняя замкнутость национального быта. Частота вступления в брак у мужчин и у женщин сильно различаются в разных этносах. Надо отметить, что в нашем эксперименте в обеих группах только юноши считают, что национальность в браке не имеет значения. У чеченцев в смешанный брак вступают в основном мужчины (женщина может выйти только за мусульманина), в то время как у других социальных групп за представителя другой национальности чаще выходит женщина.

И, наконец, полученные результаты на вопросы: «Как бы Вы предпочли одеться на своей свадьбе?» и «Какую свадьбу предпочли бы?» показали, что большая часть в обеих группах (85% – в моноэтнической и 79% – в бизтнической группе) хотели бы одеться на своей свадьбе в современный костюм с элементами национального наряда и (85% – в моноэтнической и 80% – в бизтнической группе) предпочли бы вечернику с элементами национального обряда.

Одежда, являясь не только внешним приспособлением для укрывания и защиты тела, глубоко укоренилась в психологии, культуре, традициях нации. В действительности, она является проявлением духа, формирующего костяк нации, национальные традиции, с помощью которых поколение наследует от предшествующих поколений определенный стиль жизни и одежды и, изменяя этот стиль в некоторой степени, завещает его поколению, идущему на смену. Естественно, каждая нация должна этим дорожить. Когда нация продвигается вперед в науках и искусстве, достигает просвещенности в мыслях и экономического процветания, устаревшие формы одежды совершенствуются, проявляя уважение к национальным традициям в более подходящих формах, а национальный вкус и темперамент продолжают совершенствовать одежду в соответствии со своими действительными склонностями.

Проведенное исследование доказывает, что национальное самосознание отражает то общее, что есть у представителей целой нации, этнической общности в устойчивых факторах этнической идентификации, представлениях об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, этнокультурной ориентации, национальных обрядов, и обладает способностью фиксировать национально-психологические черты и выделять или противопоставлять на этой основе одну национальную общность другой.

Литература

1. Курбанова Л.У. Формирование идентификационных стратегий в иноэтнической среде чеченцев-мигрантов в контексте гендера. / Сборник трудов по материалам 7-ой Международной научно-практической конференции от 15.11.2015. Самара. Самара: изд-во НИЦ «Л-Журнал», 2015. – С.26-30.
2. Мухина В.С. К проблеме социального развития ребенка. / Психологический журнал. 1980. Т.1. №5.43 – С.53.
3. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности: Учебное пособие к спецкурсу. - М.,1985. С.104 .
4. Тагирова Р.А. Психологическая устойчивость самосознания личности. Европейский журнал социальных наук, 2012. 8(12).Рига-Москва. С.56-62

References

- 1 .Kurbanova L.U. Formirovanie identifikacnyh strategij v inojetnichnoj srede chechencev-migrantov v kontekste gendera. / Sbornik trudov po materialam 7-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii ot 15.11.2015. Samara. Samara: izd-vo NIC «L-Zhurnal», 2015. – S.26-30.
2. Muhina V.C. K probleme social'nogo razvitija rebenka. / Psihologicheskij zhurnal. 1980. T.1. №5.43 – S.53.
3. Muhina V.C. Problemy genezisa lichnosti: Uchebnoe posobie k speckursu. - M., 1985. S.104.
- 4.Tagirova R.A. Psihologicheskaja ustojchivost' samosoznaniya lichnosti. Evropejskij zhurnal social'nyh nauk, 2012. 8(12).Riga-Moskva.S.56-62.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.023

Тагирова Р.А.

ORCID: 0000-0002-4311-6471, Кандидат психологических наук,

Чеченский государственный университет.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

Аннотация

В статье рассматриваются основные национально-психологические и социально- нравственные факторы, влияющие на формирования этнической толерантности– интолерантности чеченцев в межнациональном взаимодействии, сравнивает периоды формирования этнической идентичности, с периодами психического развития ребенка. Показаны базовые ценностные установки в архетипе чеченской культуры: «Сатоха», «Сих махилла», «Собаре хила» («Наберись терпения» «Будь терпимым», «Будь сдержанным»), которые удивительным образом созвучны терпеливому отношению людям другой культуры, другой веры, другого образа жизни.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность, традиции, обычаи, ответственность, долг, обязанность, совесть.

Tagirova R.A.

ORCID: 0000-0002-4311-6471, PhD in Psychology, Chechen State University

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ETHNIC TOLERANCE OF THE CHECHENS

Abstract

The article deals with major national psychological and socio-moral factors which influence the forming of ethnic tolerance and intolerance of Chechens within the international interaction. The author compares the periods of forming of ethnic identity with the periods of psychological development of child. The author also shows the basic value aims within the archetype of the Chechen culture: “Satoha”, “Sih mahila”, “Sobare hila” (“Tolerate”, “Don’t haste”, “Be patient”), which are surprisingly in tune with tolerance attitude towards the people of a different culture, religion or way of life.

Keywords: ethnic identity, ethnic tolerance, traditions, customs, the responsibility, the duty, the duty of conscience.

Психологические факторы развития этнической толерантности личности в условиях многонационального коллектива остаются слабо разработанными [3]. Кроме того не разработаны ценностно-смысловые основы толерантности, в части их психологических коннотаций. Следовательно, существует актуальность вопроса и его рассмотрения в психологической науке.

Не ставя своей задачей дать исчерпывающий анализ этой многоаспектной проблемы, автор позволил себе рассмотреть некоторые сюжетные линии парадигмальной взаимосвязи формирования толерантного сознания в процессе осмысления личностью своей этнической принадлежности.

Ключевой основой для нас остается понимание, что толерантное сознание личности - это процесс динамики индивидуального сознания. Его невозможно рассматривать без учета периодов формирования этнической идентичности.

Периоды формирования этнической идентичности, соотносятся с периодами психического развития ребенка. Концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе предложил Ж.Пиаже.

Он выделяет три периода в формировании этнической идентичности:

Первый период начинается в 6–7 лет ребенка. В этот период ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. В этом возрасте наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна и этническая группа;

Второй период начинается в 8–9 лет ребенка, когда он уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык. Просыпаются национальные чувства;

Третий период относится к младшему подростковому возрасту, когда ребенку 10–11 лет. На этом этапе этническая идентичность формируется в полном объеме. В качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры [7]. При этом, как ни парадоксально, но именно этническая идентичность, ее глубинные архетипические элементы культуры часто служат факторами, формирующими толерантное сознание.

Эмпирические исследования в чеченском обществе показали нам, что главными структурными элементами толерантного сознания являются сами факторы, формирующие этническую идентичность, социально-этническое окружение, в котором чеченцы воспитывались и живут. И эти факторы управляют стратегией преодоления конфликтных или проблемных ситуаций в чеченском обществе.

Этнопсихологи при этом подчеркивают, что именно тесное межнациональное взаимодействие и общение являются важными факторами существования и обновления этнических культур. Основы межкультурной коммуникации, заложенные в любой этнической культуре, получают свое развитие и реализацию через межкультурные контакты [3], средствами языка [7], религии [8], воспитание [6].

Существует зависимость между позитивной этнической идентичностью, совпадением ценностных ориентаций, личностными смысловыми образованиями, актуальными потребностями и включением контактирующих этнических групп в совместную социально значимую деятельность с разделяемыми целями. Эта зависимость и взаимосвязанность компонентов, и их включенность в социальные контакты формирует толерантное сознание. Отсутствие любого из этих компонентов в процессе межэтнического взаимодействия может привести к развитию интолерантности.

Этническая идентичность чеченцев определяется их ревностной приверженностью к своим корням, общепринятым способам поведения, в неукоснительном следовании обычаям и традициям. Обычно выбираемая

стратегия чеченцев в межэтническом взаимодействии «сохранение своей культуры и уважительное отношение к другой», отражает желание мирного сосуществования и достижения полюса полного уважения и почтения.

В основе этнической толерантности - интолерантности чеченцев лежат как национально-психологические особенности, так и социально-нравственные черты личности. Такие личностные характеристики как *ответственность, долг, обязанность, совесть* лежат в основе толерантного поведения личности и способствуют взвешенному и осознанному межличностному отношению, сохранению этнической идентичности, способствуют обретению личностного смысла индивидами, межличностной толерантности, сохранению и выживанию этнической культуры, ибо основа такого выживания - терпимость. «Сатоха», «Сих махилла», «Собаре хила» («Наберись терпения» «Будь терпимым», «Будь сдержанным») - базовые ценностные установки в архетипе чеченской культуры. Они удивительным образом созвучны терпеливому отношению людям другой культуры, другой веры, другого образа жизни. Отсюда следует, что в основе этнической толерантности и доброжелательного отношения к другим и иным, лежит позитивное восприятие себя и позитивное самоотношение, то есть позитивная этническая идентичность.

Важно отметить, что ключевая основа самосознания – выступать частью общественного сознания [3]. Общественное сознание как целостное духовное явление, характеризует общество, следовательно, самосознание – это не сумма совокупности индивидуальных сознаний, а некое устойчивое, консолидирующее этническое сообщество, представления себя в мире и мира в себе.

А.Г. Здравомыслов подчеркивает, что «всякое человеческое сообщество скрепляется не только взаимными интересами, обменом благ и услуг, проистекающими из разделения труда, не только общими для всех его членов угрозами и опасностями, но и определенным, более или менее одинаковым пониманием всей совокупности жизненных задач и проблем»[1].

Этническая толерантность является целостным психологическим явлением, которое отражает глубинную архитектуру культуры этноса. Это мы попытались проследить на примере чеченского общества, как известно, во многом сохранивший свой традиционный нормативно-ценностный уклад в виде традиций, обычаев и адатов, с все усиливающейся траекторией исламского фактора.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: - М.: Аспект Пресс, 1995, - С. 184.
2. Каракотова С.Л.; Койчукаева Л.М. Формирование этнической и межконфессиональной толерантности личности средствами духовной культуры. //Психологический журнал. -2014. -№4.
3. Клоков Д.Н. Развитие этнической толерантности личности в многонациональном коллективе: Автореф. Дис. канд. псих. наук. – Тамбов, 2005.-18.
4. Каракотова С.М. Формирование здорового образа жизни в условиях развития психолого-педагогического комфорта в семье: дис. канд. пед. Наук.–Карачаевск, 2004. 53с.
5. Мизиев С.Л. Тау адет // Ас-Алан, 1998. 187с.
6. Национальные отношения / Словарь. - М.: «Владос», 1997, -с.125.
7. Пиаже Ж. Антиципирующая деятельность. / Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1976. – Вып.6. – С. 43 – 46.
8. Толерантность и культура межнационального общения: учебно-методическое пособие для студентов вузов.- Краснодар.: Просвещение. ЮГ, 2009. с.35-36.

References

1. Zdravomyslov A.G. Sociologija konflikta: -M.: Aspekt Press, 1995, - S. 184.
2. Karakotova S.L.; Kojchukaeva L.M. Formirovanie jetnicheskoy i mezhkconfessional'noj tolerantnosti lichnosti sredstvami duhovnoj kul'tury. //Psihologicheskij zhurnal. -2014. -№4.
3. Klovov D.N. Razvitie jetnicheskoy tolerantnosti lichnosti v mnogonacional'nom kollektive: Avtoref. Dis.kand. psih. nauk. – Tambov, 2005.-18.
4. Karakotova S.M. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni v uslovijah razvitija psihologo-pedagogicheskogo komforta v sem'e:dis. kand. ped. Nauk.–Karachaevks, 2004. 53s.
5. Miziev S.L. Tau adet // As-Alan, 1998. 187s.
6. Nacional'nye otnoshenija / Slovar'. - M.: «Vlados», 1997, -s.125.
7. Piazhe Zh. Anticipirujushhaja dejatel'nost'. / Jeksperimental'naja psihologija / Pod red. P. Fress, Zh. Piazhe. – M.: Progress, 1976. – Vyp.6. – S. 43 – 46.
8. Tolerantnost' i kul'tura mezhnacional'nogo obshhenija: uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov vuzov.- Krasnodar.: Prosveshhenie. JuG, 2009. s.35-36.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IJR.2016.50.108

Бао Шаоюн

Аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

УТВЕРЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МЕТАФИЗИКИ*Аннотация*

*Анализируется роль философии в самоутверждении, росте и развитии как человека, так и человечества. История западной мировой философии свидетельствует о сдвиге исследовательского интереса: от онтологии к философской антропологии. В полной мере это получило выражение уже в немецкой классической философии: Кант, Фихте, Гегель, – утвердившей человека в качестве приоритетного предмета своего анализа. Автор приходит к выводу, что причиной этого был интеллектуальный и культурный рост человека, а философское обоснование сущности человека как ключевого деятеля в истории и природе только укрепляло представление о нем как великом творце и центральной фигуре мироздания. В философии все более полное выражение получают самые глубокие и фундаментальные потребности людей – их потребности в бытии, истине, добре и красоте. Вместе с тем, природа человек открывается как динамическая сущность, не имеющая заведомых пределов своего развития. Как продукт человеческого творчества и вдохновения философия, таким образом, становится способом интеллектуального и духовного прогресса, раскрытия и обогащения сущности и природы *Homosapiens*.*

Ключевые слова: философия, природа человека, человеческая сущность, человечность, самореализация личности.

Bao Shaoyong

Postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

EMBRACING POWER OF PHILOSOPHY: ANTHROPOLOGICAL RESOURCES OF METAPHYSICS*Abstract*

Under scrutiny the role of philosophy in the process of human growth and development. Author traces the history of Western philosophy from Ancient Greek Philosophy through the Philosophy of Renaissance and German classic idealism that are Kant, Fichte, and Hegel. He finds within this great tradition the rise of the steady interest to the problem of personality. Finally, Existentialism and Personalism paved the way to the new understanding of the nature and essence of human being. The very essence of human being was understood as related to human activity but not as fixed, static phenomenon. The idea of the process and development of human essence dismissed the idea of unchangeable substantiality of the human nature. Enrichment and growth of the human essence became evident in the 20th century when humankind appeals as a planetary forth and player. Philosophy expresses these global shifts in a most adequate way because this type of human creativity exemplifies the deepest and total human quest for the primary being, truth, good, and beauty.

Keywords: philosophy, human nature, human essence, humanity, self-realization of personality.

На философии, на самом философствовании и философе, лежит яркая печать человеческого присутствия во Вселенной. В принципе, на любом продукте культуры есть этот отпечаток. Но именно философия выражает собственно человеческое наиболее выразительно и концентрированно. В ней выражены качества, которые едва ли присущи другому живому существу планеты: разум, рефлексия, беспредельность дерзновений и замыслов. Философия выражает самые глубокие и фундаментальные потребности человека, поиск и утверждение им истины, добра, справедливости и красоты. В философствовании он ощущает свои границы и безграничность, пределы и беспредельность. Философствуя, он ощущает свою безграничную мощь и трагедию своей конечности, свою божественность и ничтожество. «Человек есть вместе и божество, и ничтожество» [8, с. 113]. Это значит, что ему интеллигибельно знакомо и бытие, и ничто, и неопределенность. Философствуя, человек ощущает свою соразмерность миру, тому, что есть и тому, чего нет. Это было понято уже в Древней Греции.

История, по Гегелю, есть прогресс свободы. Но история – это и прогресс человеческого знания, в том числе и знания человека о самом себе. Особенно бурными темпами самосознание человека стало развиваться с эпохи Возрождения, когда он сделал себя предметом интенсивного интереса. Это во многом произошло из-за сдвига исследовательской оптики с божественного и трансцендентного на человеческое и посюстороннее, что сопровождалось переосмыслением сущности человека. В Новое время уровень его центростремительной рефлексии поднялся на более высокий уровень. Благодаря развитию рыночной экономики, географическим открытиям, росту городов, возрождению культуры, искусства, наук и философии, человечество «просыпается» от средневековой мыслительной дремоты. Человеческая мысль идет к отказу от догматизма религий; ее требованиями становится раскрепощение духа, освобождение индивидуальности и возвышение человеческого достоинства. Это – новый поворот в человеческой истории, «новое открытие человека»: в Новое время он уже достаточно прогрессировал, чтобы стать осмысленным субъектом слова и дела. Обостряется необходимость пересмотра концептуального шаблона «человек – божье творение», философия снова стремится узнать свою сущность и увидеть человека как субъекта своего многообразного опыта. В этом свете древняя философия кажется наивным знанием. Хотя в ней отражено сознание человека того времени, он – не доминантная ее тема, он не имеет статуса особого. В античной философии человек подобен всем прочим существующим и познаваемым предметам; они имеют одинаковые основания своего существования, одинаковое отношение к миру «истинного» бытия; человек – не более чем совершенный объект. Его сущность заранее задана, имеет однообразное и неизменное существование, статична и предопределена самим устройством сущего.

Философия эпохи Возрождения и Нового времени, особенно в своем зарождении [1, с. 319 – 409], ориентирована на догматы христианства, однако ее интересует только определенная часть содержания христианского вероучения: она проецирует сущность Бога на человека. При этом удерживается позиция античной философии по вопросу об индивидуальном человеческом мышлении. Главное достижение новой философии – смещение акцента с перспективы «идеальное – чувственное» к перспективе «человек – природа»; налицо движение к проблематике связи человеческого сознания и бытия окружающего мира; субъективность человека оказывается в центре философского внимания. Человек является одновременно как субъектом, так и объектом мышления, и поэтому проблематика теории познания заняла главенствующее положение.

Соответственно, меняется перспектива рассмотрения человеческого существа в природном мире: от перспективы «снаружи» новоевропейская философия переходит к перспективе «изнутри»: человек как феномен познающий обретает привилегированную позицию, становится центральной точкой развертывания философской системы координат, он становится *субъектом*. Это делает его главной темой философского исследования.

В вопросе понимания человеческой сущности магистральная позиция философской мысли эпохи Возрождения и Нового времени неоднозначна. Только в немецкой философии XVIII – XIX вв. звучит, наконец, принципиальная мысль, что поскольку человек является субъектом опыта и познания, то его сущность нельзя выявить, изучая только лишь внешние по отношению к нему основания. В немецкой философии мы обнаруживаем важное утверждение, что человеческая сущность не определяется внешними причинами и ее познание не может основываться на них: человек проявляется через деятельность, именно её и следует изучать, чтобы познать человека. И. Кант выдвигает тезис, что человек – «самый главный предмет в мире, так как у него есть самосознание». Он подчеркивал решающую роль человека в философии и как ее творца и как способа бытия человека: «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу – а именно, подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким быть, чтобы быть человеком» [2, с. 206]. И. Фихте подчеркивает, что не внешняя по отношению к нему сила, а именно человек в себе создает человека [10, с. 437 - 441]; равным образом и Л. Фейербах говорит о том, что «человек – это продукт человека, культуры, истории» [9, с. 168-191].

Человек является целью для самого себя, началом самого себя, свободным и осознающим свое существование бытием – вот основные тезисы классической немецкой философии в части ее антропологии, и они, на наш взгляд, составляют самый важный вклад в развитие западной философии.

В свете такой постановки вопроса феномен человека становится фундаментально связанным с антропоцентрической, т.е. направленной вглубь человека рефлексией. Как подчеркивает И. Фихте, «Высший интерес, основание всех остальных интересов есть наш *интерес к нам самим*... Не терять свою самость (Selbst) в рассуждениях, а сохранять ее и утверждать – вот интерес, который незаметно руководит всем его мышлением» [11, с. 459]. Этот исторический прорыв стал началом формирования мировоззрения, адекватного в главных чертах динамичной человеческой сущности. Теперь человек – не всего лишь творение высшей реальности и коррелят предзаданных высших «сущностей»; познание человеческого все более и более направлено на осмысление человеческого в человеке через анализ его деятельности, т.к. сущность человека сформирована через деятельность, которая и сама меняется. Обнаруживается, что свободная творческая активность включает саморазвитие, и самодетерминацию. Огромна роль и спонтанности, даже непредсказуемости эмоционально-рациональной деятельности, основанной на свободе человеческого существа. Экспериментально это доказало так называемое ресурсное движение в современной психологии, поднявшее ее на уровень постклассической психологии [5].

Новое понимание человека в философии стало индексом развития человеческого самосознания и исторического прогресса. Новая эра требует изменения понятий «человек» и «философия». Сегодня для всего комплекса гуманитарных и социальных наук, в первую очередь для неклассической психологии и когнитивных наук стало очевидным, что сущность человека не является чем-то predetermined, единообразным, постоянным – в соответствии с этим человеческая мысль исторически также всегда находится в движении. Развитие человека и человеческого самосознания не следует представлять как «проспект», ведущий в рай абсолютного знания. Нынешнее понимание развития человечества может казаться единственным историческим путем, движение по которому обусловлено строгими историческими законами. На самом же деле, в истории нет постоянства, исторический путь создаётся человеком, он вероятностен; дороги появляются там, где пройдет человек, «исторический путь» – это след реальной истории. Выбор пути развития для человека, в конце концов, зависит как от внутренней логики человеческой сущности, так и от его свободы и творческих ресурсов. Человеческая сущность многомерна, способы ее реализации разнообразны, человек не ограничен в своем движении одним заранее заданным маршрутом, ему дан большой выбор в поиске путей развития, и с углублением человеческого познания мира и самопознания этот выбор только расширяется. Это также означает, что на пути человеческого развития нет абсолютных гарантий успеха, люди всегда могут плутать в развилках, попадать на ошибочные пути, и даже вовсе терять понимание истинности пути.

Человеческая рациональность является определяющим качеством человеческого существа; она помогает различать и выбирать адекватный путь развития; в обладании ею состоит превосходство человека перед любым другим видом сущего. Но рациональность одинаково служит великим достижениям и великим преступлениям; человек сохраняет свои изначальные животные инстинкты и потребности; стремления и интересы человека всякий раз уникальны и непредсказуемы. Все это делает человечество в равной степени великим и опасным. История говорит, что рациональность помогает создать высокую культуру, достичь высот развития, недостижимых для животных. В то же время, все человеческие самые бессмысленные и иррациональные действия – глобальные конфликты, войны, социальные болезни, насилие и т. д., которые неведомы животным и которые приходится отнести к надбиологическому в индивиде, также коренятся в человеческой природе.

Оглядываясь на прошедшее XX столетие, мы видим, насколько актуальны, и сложны стоящие перед человечеством проблемы. Этот век можно считать самым потрясающим веком в истории человечества. За сто лет человечество достигло впечатляющих успехов как в применении своей рациональности, так и в проявлении своего творческого

потенциала. Глобализация экономики, модернизация промышленного производства, покорение космоса, компьютер и интернет – все эти достижения, столь сильно изменившие образ жизни человечества, свидетельствуют о том, насколько быстро шло развитие человечества, особенно со второй половины XX века. Однако его история имеет и темную сторону. На всем его протяжении она сопровождалась глобальными войнами и локальными, но от того не менее кровопролитными, конфликтами, а также регулярными политическими, экономическими и духовными кризисами. Явления массовой дискриминации, угроза экологической катастрофы, глобальные «синтетические» эпидемии – СПИДа, наркомании, возможность ядерного конфликта – все это и сегодня прямо угрожает самому существованию человечества, и, тем не менее, все это – дело рук самого же человечества.

Из перечисленных проблем, вставших перед человечеством в XX веке, разрушение окружающей среды и поиск оптимального способа использования природных ресурсов относятся к сфере взаимоотношения человека и природы; явления дискриминации, глобальных и локальных военных конфликтов и масштабных системных общественных кризисов – к сфере взаимоотношений между человеком и человеком; кризис ценностей и потеря духовных ориентиров – к сфере отношения человека к самому себе, к своей природе и сущности. Взятые вместе, эти три сферы покрывают собой почти все содержание человеческого в человеке. Это означает то, что проблема понимания сущности «человека» вновь перед нами – и как никогда остро и актуально.

На наш взгляд, при поиске ответов на эти вопросы человек должен как можно более тщательно и тонко разработать свой главный инструмент самоосмысления – философию, а также тот путь, который ей еще предстоит пройти, чтобы человек в большей степени осознал себя. «Опишет Вселенную тот, кто сможет расспросить и описать себя» [7, с. 352].

Овладевая своей человечностью, человек получает возможность объективировать природу. Он, в конце концов, получает в отношении её определенный приоритет при соблюдении принципа равноправного сотрудничества с нею. Но вопрос остается: как следует человеку относиться к природе, какой образ действий ему избрать в отношении окружающего мира, над которым он может до определенной степени установить свою власть? Если отвечать на этот вопрос кратко, то следует сказать, что, на наш взгляд, человечество должно отказаться от субъект-объектной парадигмы в своих отношениях с природой. Привилегированное место субъекта в новоевропейской мыслительной перспективе привело к неумеренному антропоцентризму: находя себя в «начале координат» мира, субъект присвоил себе право на произвольное обращение с объектным миром. Такое отношение к миру природы и приводит к выше перечисленным проблемам. Для их преодоления, на наш взгляд, человек должен привести свою жизнь в гармонию с естественной сущностью природы, воспринимать её не как объект, но как родственное с собой начало. Важно найти новый язык общения в транс-субстанциальных коммуникациях между человеком и миром [4, с. 246 – 257]. Только так он сможет исполнить назначение своего бытия. Отношение к природе на востоке (буддизм и даосизм) могут служить хорошим ориентиром для человечества в этом вопросе.

Столь же грандиозен и вопрос о связях между людьми. Человек – это существо коллективное, сообщество – это основной способ человеческого существования как родового существа, и, будучи связан с другими людьми социальными связями, человек только и способен существовать и развиваться. С другой стороны, на пути своего развития человек обязательно стремится к независимости; обладая ею, индивид оказывается способен сформировать собственную индивидуальную сущность и проявить свою жизненную творческую способность. Очевидно, что единство человечества как родового начала и индивидуальность отдельной личности – это два момента, являющиеся имманентным требованием человеческой родовой сущности. Только индивид, интегрированный в человеческое сообщество, может самостоятельно мыслить и сформировать самого себя как индивидуальность; а чем более конкретные человеческие индивидуальности оказываются уникальны и разнообразны, тем более богатой, творческой и продуктивной становится человеческая сущность. Здесь мы тоже видим две стороны одного и того же процесса.

На философском уровне указанные проблемы отражают абсолютизацию одного из моментов сложной человеческой сущности в ущерб всем прочим. В конечном счете, они связаны пониманием человека и его отражением на уровне философии [6, с. 186]. Изменение понимания человека и философии, стремление к адекватному пониманию человеческой сущности должно стать одним из элементов нового подхода к человеческому росту и развитию.

Почему это важно сегодня? Потому что угрозы человечеству не исчезают и не уменьшаются. Они меняются, становясь все более сложными и мощными, все более утонченными и коварными. Самым коварным является соединение высоких технологий с человеческими пороками. Масштабность и мощь хайтека таковы, что, будучи инструментом зла, он способен порождать апокалипсические сценарии человеческого будущего. Их союз чреват затерянностью человека в небытии виртуального, к его исчезновению как сложнейшего единства бытия и духа, единства бытия и собственной виртуальности, созданной великим и естественным эволюционным процессом совместно с человеческой культурой как принципом человеческого самовозрастания. Чтобы почувствовать степень современных угроз для бытия планетарного человечества достаточно указать на мир Интернета и информационных потоков, в которые стремительно погружаются люди на всех континентах и во всех уголках Земли. Виртуальное не действует само по себе. Его просто нет. Но оно есть, когда наполнено перформативами, нормами, контентом, воспринимаемым как первичность, имеющая более высокую ценность и экзистенциальный смысл, чем живой и реальный человек.

За свою историю человечество прошло через «религиозную революцию», «аграрную революцию», «промышленную революцию», «научную революцию», «техническую революцию», всевозможные виды политических и общественных революций. XXI век, на наш взгляд, должен принести человечеству «революцию человечности», если только у него будет достаточно решимости продолжить свой исторический путь за его пределами.

Литература

1. Декарт Р. Метафизические размышления / Декарт. Р. Избранные произведения, М., 1950, 712 с.
2. Кант И. Критика способности суждения / Кант И. Сочинения. Том. 6. М., 1964, 743 с.
3. Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 2. М. 1964, 718 с.

4. Кувакин В.А. Твой рай и ад. М. – СПб. 1998, 360 с.
5. Личностный потенциал: структура и диагностика. М., 2011, 680 с.
6. Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М. 2005, 421 с.
7. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления (январь, 1981 г.). М.М. 1993, 352 с.
8. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве / Соловьев В.С. Собрание сочинений в двух тт. Т. 2. М., 735 с.
9. Фейербах Л. А. Фрагменты к характеристике моей философской биографии / Фейербах Л.А. Сочинения в 2 томах, т.1. М. 1995, 502 с.
10. Фихте И.Г. О достоинстве человека / Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1, СПб. 1993, 687 с.
11. Фихте И.Г. Первое введение в наукоучение / Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1, СПб. 1993, 687 с.

References

1. Descartes, René *Metaphysical Meditations*. Descartes, René *Selected Works*. Moscow, 1950. 712 p.
2. Kant I. *Critique of Judgment*. Kant I. *Works*, vol. 6. Moscow. 1964, 743 p.
3. Kant I. *Works*, in 8 vol. Vol 2. Moscow. 1964, 718 p.
4. Kuvakin V. *Your Paradise and Hell*. Moscow – St. Petersburg. 1998, 360 p.
5. *Personal Potentiality: Structure and Diagnostics*. Moscow. 2011, 680 p.
6. Mamardashvili M.K. *Cartesian Meditations (January 1981)*. Moscow, 1993, 352 c.
7. Mironov N.V. *Philosophy and Metamorphosis of Culture*. M. 2005, 421.
8. Solovjev V.S. *Readings on God-humanity*. Solovjev V.S. *Works in two vol*, vol. 2. Moscow, 735 p.
9. Feuerbach L. *Fragments to My Philosophical Biography*. Feuerbach L. *Works in two vol*., vol. 1. Moscow. 1955, 502 p.
10. Fichte J. *On Human Dignity*. Fichte J. *Works in two vol*., vol. 1. Moscow. 1995, 687 p.
11. Fichte J. *First Introduction to Wissenschaftslehre*. Fichte J. *Works in two vol*., vol. 1. St. Petersburg. 687 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.032

Баранов Г.В.

Профессор, доктор философских наук,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал

ПРИНЦИПЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ ВСЕЛЕННОЙ

Аннотация

В статье рассмотрено – характеристика принципа средством превращения хаоса информации в состояние относительно упорядоченного знания; Вселенная определяется предельным уровнем природы и суперобъектом научного познания; исследуется содержание принципов современной космологии; оценивается мировоззренческое содержание принципов научного познания Вселенной.

Ключевые слова: научное познание; Вселенная; принципы космологии; научное мировоззрение.

Baranov G.V.

Professor, PhD in Philosophy (Advanced Doctor),
Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk Branch

PRINCIPLES IN SCIENTIFIC COGNITION OF THE UNIVERSE

Abstract

In the article - the characteristic of the principle means of transforming information into a State of chaos concerning the orderly knowledge; The Universe is determined by ceiling SuperSite and nature of scientific knowledge; explores the content of the principles of modern cosmology; estimated ideological content of the principles of scientific cognition of the Universe.

Keywords: scientific knowledge; Universe; principles of cosmology; scientific worldview.

Многомерность функционирования понятия «принцип» в информационном культурном опыте связано с множеством авторских значений сущностного признака понятия «принцип». Например, содержание понятия принципа оценивается синонимами понятий основоположения, правила, условия, начала, закона, нормы, постулата, формы, интереса, императива, максимы и аналогичных. Необходимость принципов в познании утверждал философ Королевства Пруссия (1701-1918) Иммануил Кант (1724-1804) в монографии «Пролегомены»: «...только идея совокупности познания по принципам может вообще доставить познанию новый вид единства, а именно единство системы, без которого наше познание есть нечто фрагментарное...» [1, т. 4, с. 113].

По мнению автора статьи, в абстрактном метафизическом значении принцип – это предельно абстрактная логическая форма знания, выполняющая в данной системе бытия человека функцию информационной основы, организующей конкретную систему опыта в качестве автономной и уникальной [2, с. 53; 3, с. 13; 4, с. 44]. В научных исследованиях принцип функционирует средством превращения хаоса информации в состояние относительно упорядоченного знания.

В научном познании введение нового принципа обычно связано с проблемами, возникающими при решении исследовательских задач. В данном аспекте принцип выполняет частную инструментальную объяснительную функцию и может быть понят как аксиоматическое гипотетическое утверждение. Показателем такого рода особенностей функционирования принципов в научном опыте являются принципы научного познания Вселенной.

Вселенная - суперобъект природы с линейными размерами 5×10^{21} км по критерию методов современной оптической телескопии, или вдвое большими по методам современной радиотелескопии, массой 10^{51} кг, временем существования в пределах 13,7 млрд. лет [5, с. 101; 6, с. 32; 7, с. 71]. Множество хаотических значений Вселенной представлено в информационной культуре, так как в познании суперобъекта бытия господствует интенция человека к

бесконечности в условиях глобальной и локальной ограниченности части в составе целого. Относительно объекта бытия с названием «Вселенная» оптимальные результаты достигаются специалистами космологии по критерию достоверных экспериментально и теоретически обоснованных знаний, а также разработчиками научного мировоззрения для решения социокультурных потребностей человека в реальном объяснении проблематики сущности бытия и смысла жизни.

В составе бытия как «бесконечного универсума существования» [8, с. 109] по критерию возможностей деятельности человека и человечества к освоению бытия, Вселенная предстаёт «предельным уровнем природы» [9, с. 52]. Объективно значимыми знаниями о Вселенной обеспечивают специалисты космологии - астрономическая наука о происхождении, физическом строении, составе и закономерностях эволюции Вселенной как целого объекта [10, с. 70]. По критериям паспорта специальности ВАК России, современный уровень научного познания Вселенной обеспечивают специалисты областей физико-математических наук: 01.03.01 Астрометрия и небесная механика; 01.03.02 Астрофизика и звёздная астрономия [11].

Основные источники информации для космологических концепций: наблюдения методами регистрации и анализа диапазона длин электромагнитных волн за внегалактическими объектами – галактиками за пределами галактики Млечный Путь; измерения интенсивности и флуктуации, или случайных изменений величин яркости реликтового микроволнового электромагнитного излучения; состояния ускоренного расширения Вселенной по измерениям изменений блеска далёких сверхновых звёзд типа (класса) SN Ia; проверенная в экспериментах на ускорителях элементарных частиц до энергий порядка 1 ТэВ (тера электронвольт) Стандартная модель (концепция, теория) физики элементарных частиц; результаты исследований проблем физики фундаментальных взаимодействий и физических полей; результаты исследований проблематики квантовой теории поля [12, с.104-105].

По причинам недоступности Вселенной для исследования многими традиционными методами современного естествознания в космологии развит метод математического моделирования. По критериям этого метода реальный объект исследуется на его упрощённой, в основном, математической форме, называемой физико-математическая модель. Для создания оптимальной космологической физико-математической модели необходимо применение аксиоматического метода [13, с. 26].

Специалисты современной космологии создали несколько теоретических аксиом разной степени истинности и относительности. Важнейшие из них: принцип («гипотеза») об одинаковой средней плотности вещества для относительно достаточно больших объёмов пространства во Вселенной; принцип («гипотеза») бесконечности пространства Вселенной; принцип Коперника; антропный принцип, или принцип антропности в его «слабой» и «сильной» версиях; космологический принцип [14, с. 440; 15, с. 87-90].

Принцип («гипотеза») одинаковой средней плотности вещества признаётся для расстояний крупномасштабной структуры Вселенной, измеряемых в мегапарсеках (Мпс) от 100 Мпс и более. Принцип («гипотеза») бесконечности пространства Вселенной признаётся аксиомой, или истинной гипотезой только в концепциях релятивистской квантовой механики и парадигмы общей теории относительности [15, с. 88; 16, т. 2, с. 475-476].

Принцип Коперника – аксиоматическое утверждение об отсутствии у наблюдателя на Земле статуса особенного и центрального, привилегированного и выделенного в пространстве и времени Вселенной. Принцип Коперника называется также принципом заурядности или принципом посредственности. Следствием принципа Коперника является мировоззренческое утверждение о доказанности универсальности законов природы и ненулевой вероятности наличия во Вселенной астрономических объектов с признаками жизни или более совершенных в сравнении с земной формой разумного цивилизованного бытия. Принцип Коперника важен как методологическая основа единства (общезначимости) результатов астрономических наблюдений в разных направлениях с Земли или иных точек космического пространства.

Антропный принцип – утверждение о наличии у наблюдателя на Земле статуса особенного, центрального, привилегированного и выделенного во Вселенной состояния. Антропный принцип противоречит содержанию принципа Коперника. Следствием антропного принципа является утверждение о возможности существования Вселенных или астрономических объектов с иными по сущности, свойствам и закономерностям бытия. Специалисты космологии обосновали слабую и сильную версии антропного принципа.

Сущность содержания «слабой» версии антропного принципа: состояние астрономических наблюдателей, или человечества на Земле является привилегированным, особенным и иным выделенным в пространстве и времени Вселенной в смысле совместимости такого состояния с реальным существованием человека, способного познавать объекты Вселенной. Совместимость Вселенной с жизнью человечества заключается по слабой версии антропного принципа в соответствии некоторых фундаментальных свойств и законов Вселенной возможности жизни человека на Земле.

Сущность содержания «сильной» версии антропного принципа - утверждение о том, что состояние астрономических наблюдателей на Земле является привилегированным, особенным и выделенным в пространстве и времени Вселенной в значении полного соответствия фундаментальных свойств и законов Вселенной возможности возникновения человечества на Земле и современному бытию людей. По критерию сущности в содержании сильной версии антропного принципа представлена гипотеза об обязательности для Вселенной свойств, позволяющих развиться разумного варианта жизни на Земле.

В основном космологические модели основаны на истинности космологического принципа - утверждение об однородности и изотропности вещества крупномасштабной структуры Вселенной [16, т. 2, с. 475-476]. Антропный космологический принцип актуален по мировоззренческим критериям в объяснении сущности бытия и смысла жизни человека. Антропный принцип в познании Вселенной необходимо учитывать как одно из внешних информационных условий при интерпретации и объяснении результатов научных исследований Вселенной [17].

В культурном опыте человечества принципы научного познания Вселенной реализуют мировоззренческую функцию. Научное мировоззрение – система объяснения сущности бытия и смысла жизни человека по критериям

вещественно проверенных и логически доказанных знаний и эффективных вещественных изобретений. Наука в культуре общества обеспечивает научное мировоззрение необходимыми фактами, экспериментальными подтверждениями, изобретениями для их реализации в экономике и промышленном производстве с целями удовлетворения множественных способностей и потребностей человека [18, с. 56]. Истинное знание о суперобъекте бытия - Вселенной – актуализирует реалистическое понимание возможностей человека.

Литература

1. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Чоро», 1994. Т.1-8.
2. Баранов Г.В. Деятельность в многомерности человеческого существования: дисс. д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1998. 316 с.
3. Баранов Г.В. Деятельность в многомерности человеческого существования: автореф. дисс. д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1998. 43 с.
4. Баранов Г.В. Деятельность в бытии. Мюнхен: AVM, 2013. 198 с.
5. Гушин В.Н. Основы устройства космических аппаратов. М: Машиностроение, 2003. 272 с.
6. Баранов Г.В. Концепции современного естествознания: практикум: Часть 2: учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. Часть 2. 448 с.
7. Баранов Г.В. Концепции современного естествознания: астрономические науки. Химические науки. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010. 344 с.
8. Баранов Г.В. Бытие как проблема в философии // Международный научно-исследовательский журнал. № 7 (49). 2016. Часть 1. Июль. С. 108-110. doi: 10.18454/irj.2016.49.145.
9. Баранов Г.В. Структурные уровни природы // Омский научный вестник. 2015. № 3. С. 51-56.
10. Баранов Г.В. Концепции современного естествознания: астрономические науки. Химические науки. 2-е изд. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. 344 с.
11. ВАК Паспорт специальности [Электронный ресурс]. - <http://teacode.com/online/vak/>.
12. Baranov Gennadij. Concepts of astronomy (Концепции астрономии: учебник). Гамбург: AAP, 2014. 214 с.
13. Баранов Г.В. Методология и методы научного познания // Вопросы современной науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской]. М.: Изд. Интернаука, 2016. Том 3. Глава 2. С. 21-36.
14. Астрономия: век XXI / Ред.-сост. В.Г. Сурдин. Фрязино, 2015. 608 с.
15. Баранов Г.В. Современное естествознание: концепции астрономии: учебное пособие. - Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. - 180 с.
16. Физическая энциклопедия: в 5 томах / Гл. ред. Ю.М. Прохоров. М., 1988-1998. Т. 1-5.
17. Баранов Г.В. Содержание и смысл антропного принципа // Вестник ОмГАУ. 1997. № 3. С. 45-48.
18. Баранов Г.В. Факторы философии и мировоззрения в бытии человека // Успехи современной науки. 2016. № 6. Том 4. С. 55-58.

References

1. Kant I. Sbranie sochinenij: v 8 t. M.: Izd-vo «CHoro», 1994. T.1-8.
2. Baranov G.V. Deyatel'nost' v mnogomernosti chelovecheskogo sushchestvovaniya: diss. d-ra filoz. nauk. Ekaterinburg, 1998. 316 s.
3. Baranov G.V. Deyatel'nost' v mnogomernosti chelovecheskogo sushchestvovaniya: avtoref. diss. d-ra filoz. nauk. Ekaterinburg, 1998. 43 s.
4. Baranov G.V. Deyatel'nost' v bytii. Myunhen: AVM, 2013. 198 s.
5. Gushchin V.N. Osnovy ustrojstva kosmicheskikh apparatov. M: Mashinostroenie, 2003. 272 s.
6. Baranov G.V. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: praktikum: CHast' 2: uchebnoe posobie. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2007. CHast' 2. 448 s.
7. Baranov G.V. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: astronomicheskie nauki. Himicheskie nauki. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2010. 344 s.
8. Baranov G.V. Bytie kak problema v filosofii // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. № 7 (49). 2016. CHast' 1. Iyul'. S. 108-110. doi: 10.18454/irj.2016.49.145.
9. Baranov G.V. Strukturnye urovni prirody // Omskij nauchnyj vestnik. 2015. № 3. S. 51-56.
10. Baranov G.V. Konceptii sovremennogo estestvoznaniya: astronomicheskie nauki. Himicheskie nauki. 2-e izd. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2011. 344 s.
11. ВАК Passport special'nosti [Elektronnyj resurs]. - <http://teacode.com/online/vak/>.
12. Baranov Gennadij. Concepts of astronomy (Konceptii astronomii: uchebnyk). Gamburg: AAP, 2014. 214 s.
13. Baranov G.V. Metodologiya i metody nauchnogo poznaniya // Voprosy sovremennoj nauki: kollekt. nauch. monografiya; [pod red. N.R. Krasovskoj]. M.: Izd. Internauka, 2016. Tom 3. Glava 2. S. 21-36.
14. Astronomiya: vek XXI / Red.-sost. V.G. Surdin. Fryazino, 2015. 608 s.
15. Baranov G.V. Sovremennoe estestvoznanie: konceptii astronomii: uchebnoe posobie. - Omsk: Izd-vo OmGTU, 2013. - 180 s.
16. Fizicheskaya ehnciklopediya: v 5 tomah / Gl. red. YU.M. Prohorov. M., 1988-1998. T. 1-5.
17. Baranov G.V. Soderzhanie i smysl antropnogo principa // Vestnik OmGAU. 1997. № 3. S. 45-48.
18. Baranov G.V. Faktory filosofii i mirovozzreniya v bytii cheloveka // Uspekhi sovremennoj nauki. 2016. № 6. Tom 4. S. 55-58.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.064

Ермолина А.В.

ORCID: 0000-0003-3298-0501, аспирант,

Южный федеральный университет, институт философии и социально-политических наук
**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА
НА СОВРЕМЕННУЮ КУЛЬТУРУ**

Аннотация

В статье рассмотрено: проблема иррационального воздействия языка, определение границ сущностных изменений языка, границ его влияния на сознание и подсознание всего человечества в глобальном масштабе. Язык утрачивает свою классическую литературность, лингвистическое и семантическое многообразие и богатство. Философия культуры, с ее методологической базой и сформировавшейся исследовательской традицией, позволяет существенно расширить исследовательское поле проблемы иррационального влияния языка на современную культуру.

Ключевые слова: язык, иррациональное воздействие языка, концептуальный анализ, современная культура.

Ermolina A.V.

ORCID: 0000-0003-3298-0501, postgraduate student, Southern Federal University,

Institute of Philosophy and Social-Political Sciences

**CONCEPTUALISATION OF THE PROBLEM OF IRRATIONAL IMPACT OF THE LANGUAGE
ON THE MODERN CULTURE**

Abstract

In the article: the problem of irrational exposure to the language defining the boundaries of substantive changes to the language of borders of its influence on consciousness and subconsciousness of all mankind on a global scale. Language loses its classic literary, linguistic and semantic diversity and richness. Philosophy of culture, with its methodological base and established research tradition that allows things-ingly to extend the research field of the problems of the irrational influence of language on contemporary culture.

Keywords: language, irrational influence of language, conceptual analysis, contemporary culture.

В научном дискурсе философии культуры формируется круг проблем, являющихся фундаментальными для адекватных ответов на «вызовы» кризисно глобализирующегося мира. Множество культурных феноменов подвергаются значительной трансформации. Философия культуры, с ее методологической базой и сформировавшейся исследовательской традицией, позволяет существенно расширить исследовательское поле проблемы иррационального влияния языка на современную культуру, корректно применяя накопленные данные самых разнообразных сфер знаний. Исследование отдельных концептов современного языка в лоне культуры происходит через культурно-философский анализ опредмеченных результатов когнитивной деятельности. Культуру зависит от понимания и возможности структурирования рационального и иррационального языкового концепта. Основным методом исследования иррациональных концептов языка является концептуальный анализ в рамках культурно-философского дискурса. Представляя иррациональные концепты языка как смысловой инвариант современной культуры, следует отметить их строгую структуру и точки концентрации влияния. Таким образом, концептуальный анализ иррационального влияния языка, а современную культуру – это определенный метод экспликации концептов.

В исследовании концептуальный анализ базируется на анализе данных культурно-философских источников и современных социокультурных феноменах. Интерпретационное поле включает когнитивные признаки, которые интерпретируют, оценивают концепт и представляют собой некоторое выводное знание.

Массовая культура, породившая универалистское, усредненное массовое сознание, оказывает сущностные трансформационные, даже мутационные процессы на состояние и культурный потенциал языка. Если ранее ученые все больше говорили о проблеме толкования языка, семантике, его роли в общекультурном и экзистенциальном процессах, то на сегодняшний день, центральной проблемой становится иррациональное влияние языка, определение границ его сущностных изменений и границ его влияния на сознание, особенно, подсознание всего человечества в глобальном масштабе. Иррациональное в языке более невозможно трактовать как некую безграмотность или невежество. Все более язык утрачивает свою классическую литературность, лингвистическое и семантическое многообразие и богатство. Массированное влияние технологических и коммуникационных социальных систем «корёжат» тело языка, превращают его в бессмысленный коллаж сухих и поверхностных терминов. Из дома бытия, как говорил М. Хайдеггер, язык все более превращается в бездомный сгусток языковой безграмотности и индикатор культурной невежественности.

Культурно-философский анализ иррациональных элементов влияния языка позволяет вычленить основные направления его воздействий на современную культуру, обозначить точки их сопряжения. Можно обозначить следующие области влияния языка на состояние современной культуры – информационно-суггестивную, сакрально-филологическую, массовизационную и другие.

Таким образом, дискурс современных концепций культурфилософской науки выявил одну из фундаментальных проблем сопряжения языка и культуры – проблему интерференции иррациональных концептов языка на формирование и развитие современной культуры. Язык как культурный феномен представляет собой адаптивную символическую систему, использующую однородные средства при дескрипции объектов и их означивания в рамках определенной культуры, язык – это динамический феномен, посредством чего и формируется его структура, функции и системное единство.

Языковой иррациональный концепт в философии культуры есть содержание культурных универсалий, представленное в языковой форме его иррационального выражения. Именно концепты языка способны актуализировать культурные денотаты и процессы.

Развитие важного для концептуализации искомой проблематики «лингвистического поворота» связано с именем Эдварда Сепира [1] – одного из наиболее ярких лингвистов XX века. Именно Сепир стоит у истоков оригинальной теории лингвистической относительности, подробно сформулированной в дальнейшем Бенджамином Ли Уорфом. Указанную позицию развивает далее прагматизм в лице Уилларда Куайна [2], Джона Дьюи [3], Ч.С. Пирса, который утверждает основной функцией языка создание системы коммуникаций.

Определенным образом упорядоченный и иерархизированный концепт языка образует концептуальную схему. Нахождение требуемых концептов языка и установление их связи между собой образует суть концептуализации. Иррациональный концепт языка в культуре функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания – объяснения. Каждый иррациональный концепт языка в культуре занимает свое четко обозначенное и обоснованное место на том или ином уровне концептуальной схемы. Состояние самих иррациональных концептов языка влияют на так называемый «дрейф культуры».

Под дрейфом языка понимаются общие и частные изменения, происходящие в языке, в результате которых происходит смена языковой модели и ее языковых структурных элементов (в трактовке Э. Сепира). Язык средств массовой коммуникации утрачивает однообразность, обезличенность, но, с другой стороны, в нём появляются хаотичность, агрессивность, нарушение речевого этикета, смешение печатного и устного стилей речи, развязность, пустословие, маргинальная и ненормативная лексика, обилие рекламы и другие черты языковой свободы.

Смена цивилизационного контекста, включающая в себя быстрое и произвольное обновление языка в последние десятилетия, сопровождается негативными процессами, связанными с распространением варварских форм поведения. К наиболее значимым симптомам «варваризации» языковой практики следует отнести: лингвистический утилитаризм, семантический примитивизм, лингвистический традиционализм.

Проблема анализа иррационального в языке представлена в работах И. Канта [4], Г.В.Ф. Гегеля [5], Ф.В. Шеллинга [6], Э. Кассирера [7], К.Г. Юнга [8], А.Ф. Лосева [9]. Проблема границ иррационального и языка анализировалась в классических работах А. Бергсона [10], Э. Гуссерля [11], М. Вебера [12], М. Хайдеггера [13], К. Ясперса [14].

Проведя концептуальный культурно-философский анализ современного состояния русского языка, следует указать на следующее: в настоящее время русский язык нуждается в самодисциплине и самоограничении необходимых для выработки внутренних границ словоупотребления, норм обращения со значениями слов, с поддержанием общей грамотности и культуры речи. От состояния языка зависит духовное и физическое здоровье российского народа.

Онтология дискурса определяется концептуальным каркасом (И. Лакатос) посредством репрезентации (разворачивания) конкретных иррациональных концептов языка на современную культуру. К основным концептам иррационального влияния языка следует отнести: сакрально-мифологический концепт; информационно-суггестивный концепт; концепт массовизации культуры и формирования идеологии потребления.

Сакрально-мифологический концепт в первую очередь включает в себя мифологизацию языка и культуры, формирование мифо-стереотипов, мифо-аналогизацию социокультурной действительности. Язык может представлять собой определенное мифологическое образование, способствующее осмыслению индивидуального бытия человека и форм его культурной активности. Влияние сакрально-мифологического концепта языка на современную культуру заключается в лингвистическом элементе формульности, как проявления типизации действительности, в бинарных структурах современной культурной мифологии.

Информационно-суггестивный концепт иррационального влияния языка на современную культуру формирует в первую очередь множество субкультурных стереотипов. Суггестивная функция есть некое увещание, воздействие на подсознание посредством техник вербального или невербального влияния. Иррациональные концепты языка существенно расширяют границы культурной и межкультурной коммуникации, но не через реальные, а через постановочные, смоделированные ситуации. Таким образом, культурная коммуникация, осуществляющаяся через систему иррационального языка, является в большей степени информативным, чем экзистенциальным взаимодействием между сторонами, подобный опыт общения ограничивается сферой ритуальных и полуритуальных транзакций.

К тенденциям развития иррациональных концептов языка в эпоху постмодерна, т.е. соотношения константной культурной реальности и реальности on-line следует отнести современные медиа-войны, а также формирование так называемого глобального виртуального языкового пространства. По результатам концептуального анализа уточнено, что постмодернистская теория, получившая активное развитие во второй половине XX в., внесла значительный вклад в понимание влияния информационной революции на лингвистические, социальные и культурные процессы, протекающие в современном мире: сформирована критическая позиция по вопросу влияния новых информационных технологий на индивидуальное и общественное сознание; основной акцент делается на анализе символической реальности и ее трансформациях в современную культурную эпоху и создается оригинальный категориальный аппарат для ее описания, показывающий существенные моменты иррационального влияния языка на современную культуру.

Литература

1. Дьюи Дж. Философские труды. В пер. Б. А. Шарвадзе, Тбилиси, 2009.
2. Кант И. Критика чистого разума. /М.: Мысль, 1994.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. - СПб., 1997.
4. Шеллинг Ф.В. Сочинения в двух томах. Том 1. Издательство: Мысль. 1987
5. Кассирер Э. Избр. Опыт о человеке. М., 1998.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991
7. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
8. Бергсон А. Избранное. Сознание и жизнь. М., 2010.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999.

10. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2002.
11. Хайдеггер М. Путь к языку. - Из диалога о языке между японцем и спрашивающим. - Слово. - В кн.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991.

References

1. Dewey John. Philosophical works. In lane B. A., Sharadze, Tbilisi, 2009.
2. Kant I. Critique of pure reason. /M.:Thought, 1994.
3. Hegel G.W.F. the Science of logic. - SPb., 1997.
4. Schelling F.V. Essays in two volumes. Volume 1. Publisher-tion. 1987
5. Cassirer E. Selected Works. The experience of the person. M., 1998.
6. Jung K.G. The Archetype and symbol. Moscow, 1991
7. Losev A. F. The Problem of symbol and realistic art. M., 1976.
8. Bergson A. Favorites. Consciousness and life. M., 2010.
9. Husserl E. Ideas to pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. M: DICK, 1999.
10. Weber, M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism. M., 2002.
11. Heidegger, M. The Way to language. - From a dialogue on language between a Japanese and inquirer. The word. - In the book: Heidegger M. Time and being. M., 1993.
12. Jaspers K. Meaning and purpose of history: TRANS. with it. - M.: Politizdat, 1991.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.063

Ермолина А.В.

ORCID: 0000-0003-3298-0501, Аспирант,

Южный федеральный университет, институт философии и социально-политических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье рассмотрено: иррационализация языка есть иррационализация культуры, а также иррационализация метафизических размышлений. К тенденциям развития иррациональных аспектов языка в эпоху постмодерна, т.е. соотношения константной культурной реальности и реальности on-line, следует отнести современные медиа-войны, а также формирование так называемого глобального виртуального языкового пространства. Язык становится особой мифологемой, создающей субъективное мировоззренческое пространство человека. Искомый мир обладает непротиворечивостью и целесообразностью, он удобен и понятен, целостен и разумно устроен.

Ключевые слова: язык, иррациональные аспекты языка, философия постмодерна, анализ языка в постмодерне.

Ermolina A.V.

ORCID: 0000-0003-3298-0501, postgraduate student, Southern Federal University,

Institute of Philosophy and Social-Political Sciences

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF IRRATIONAL ASPECTS OF LANGUAGE IN THE POSTMODERN ERA: CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract

In the article: irrationalization language is irrationalization culture and irrationalization metaphysical reflection. The development trends of the irrational aspects of language in a postmodern era, i.e. the ratio of constant cultural reality and the reality on-line, should include modern media war and the formation of the so-called global virtual linguistic space. Language is a particular myth creates subjective ideological space. Required world has consistency and expediency, it is easy and intuitive, holistic and reasonably arranged.

Keywords: language, irrational aspects of language, the philosophy of postmodern, analysis of language in the postmodern.

Иррационализация языка есть иррационализация культуры, а также иррационализация метафизических размышлений, изменение самого статуса знания и форм его выражения. Постмодернистская теория, получившая активное развитие во второй половине XX в., внесла значительный вклад в понимание влияния информационной революции на лингвистические, социальные и культурные процессы, протекающие в современном мире. Именно в этот период была сформирована критическая позиция по вопросу влияния новых информационных технологий на индивидуальное и общественное сознание, анализируется символическая реальность и ее трансформации в современную культурную эпоху, а также создается оригинальный категориальный аппарат для ее описания, показывающий сущностные моменты иррационального влияния языка на современную культуру. К тенденциям развития иррациональных аспектов языка в эпоху постмодерна, т.е. соотношения константной культурной реальности и реальности on-line, следует отнести современные медиа-войны, информационные экспансии, а также формирование так называемого глобального виртуального языкового пространства.

В отечественной практике яркий пример медиа-войн и информационных вторжений одних национальных культур в другие могут быть представлены в ракурсе политических и экономических санкций против России в отношении присоединения Крыма, «дискриминации» российских спортсменов в запрете им принимать участие в летних Олимпийских играх 2016 года (инициирование скандала с употреблением допинга). Здесь можно говорить о возникновении «глобальной информационной среды», влияющей на активность экономических, политических и военных действий [1].

Современная реальность входит в совершенно новую модель бытия культуры, где пребывает симулирующая или виртуальная реальность. Их взаимодействие и порождает время реальное и время виртуальное, т.е. on-line. Такую сторону проблемы анализирует и П. Вирильо. В центре интересов философа находится новая ситуация, в которой оказалась культура, попавшая под воздействие новых информационных технологий, изменивших социальные и политические практики, географию, экологию. Виртуальную реальность исследователь считает неизбежным, закономерным этапом развития коммуникационных технологий, следующим за ТВ и видео. Обращаясь к тем же фактам, что и Бодрийяр, и описывая войну в Персидском заливе и Югославии, он акцентирует внимание именно на иллюзорной реальности [2]. Получается, что реальность, согласно Вирильо замещается ее так называемым субститутом, т.е. виртуальной иллюзией, приводящей к глобальным гуманитарным катастрофам.

Бодрийяр называет современное состояние общества – массой. Дать определение массе, по словам самого философа, невозможно, поскольку это означало бы «придать смысл тому, что его не имеет» [3; с.9]. Используя скорее поэтический, чем научный стиль, он описывает ее как импозитное явление, «черную дыру», в которой «все измерения вгибаются внутрь себя и свертываются в ничто, оставляя позади себя только поглощение» [3; с.14]. Массы нивелирует все традиционные основы социального – Государство, Историю, Культуру, Смысл. Поэтому с приходом массы наступает «конец социального» и происходят радикальные трансформации с понятиями «смысл» и «знание». Специфику эпохи «пост» определяет то, что «никто не переживает по этому поводу». У массы нет спроса на смысл, нет желания реальности. Поэтому разговоры о манипулировании массой несостоятельны. Массой нельзя манипулировать, любые попытки воздействовать на массу обречены, так как она поглощает и нивелирует любое усилие, в этой пучине тонет всякий смысл. Ж.-Ф. Лиотар в своем труде «Состояние постмодерна» [4] также затрагивает проблему знания и информации. Лиотар утверждает, что знание в информационных обществах меняет свой статус. Все передовые открытия в области науки, техники и технологий, их влияние на язык и передачу информации, а значит и на знание в целом очень велико. Ссылаясь на К. Маркса, Лиотар отмечает, что знание становится новой производительной силой.

«Меркантилизация» знания в национальной политике и культуре приводит к изменениям в традиционных коммуникационных и информационных потоках в рамках отдельных государств – эти потоки все более замутняются, превращаются в информационный шум и становятся непроницаемыми. Таким образом, кроме своего экономического статуса знание приобретает особый политический статус. Проблему «власть-знание» он решает, во многом опираясь на идеи М. Фуко [5]. С этого момента рассуждения французского философа приобретают специфические для постмодернизма черты. Прежде всего, он разрабатывает понятие «нарратив», которое обозначает сложившуюся в конкретный исторический период форму употребления знания. Нарративы представляют собой повествовательные структуры, определяющие ту или иную разновидность дискурса. Особую роль приобретают так называемые легитимирующие метанарративы (или макронарративы), задача которых состоит в том, чтобы обосновать доминирование в обществе определенного типа знания, стиля мышления, политического строя, социальных институтов, норм морали. Эпоха модерна жила на метанарративах, основанных на идеях Просвещения, к которым в первую голову относились идеи рационализма, свободы и социального прогресса. Практически любой нарратив реализуется именно через языковые игры, содержащие такие типы высказываний, как денотат, придерживающийся критерия истинности, требующий компетентности от высказывающего (а не слушателя), обладающего возможностью фальсификации (опровержения). Получается, что любой иррациональный аспект языка в культуре требует для легитимизации нарративы. «Такой возврат в той или иной форме к нарративу в ненарративном не следует рассматривать как оставшийся теперь навсегда позади – пишет Ж.Ф. Лиотар – нет ли у нас и теперь потребности сочинить рассказ о знании, чтобы уточнить его статус?» [4; с.71-73]. И далее: «Знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию – рассказу, являющемуся для него незнанием» [4; с.74]. Легитимизация иррационального аспекта языка возможна посредством двух видов нарратива: повествование об освобождении и спекулятивное повествование.

В эпоху постмодерна данные нарративы испытывают кризис, т.к. знание в современном мире начинает приобретать все более выраженный прагматический характер. В заключение статьи следует отметить, что в философии постмодерна проблема анализа языка занимает центральное место. Язык рассматривается в имманентной связи с феноменологией знания и информации. Развитие информационного общества приводит к изменению статуса знания, знание становится прагматичным и утилитарным, превращается в фундирующий ресурс современной культуры, экономики и политики. Научное знание все более требует своей легитимизации, включает в себе нарративы и метанарративы. В результате этих процессов язык становится все более иррациональным, а значит и сама культура приобретает иррациональный, непредсказуемый характер развития, который может привести к катастрофическим последствиям.

Литература

1. Concept for information operations. 1995 // TRADOC Pamphlet. 525-569.
2. Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 123-124.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. С. 11-12.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., «Алетейя», 1998.
5. Фуко М. *Археология знания*: – К.: Ника-Центр, 1996.; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

References

1. Concept for information operations. 1995 // TRADOC Pamphlet. 525-569.
2. Virilio, P. the Information bomb. The strategy of deception. M., 2002. P. 123-124.
3. Baudrillard J. the Transparency of evil. – Moscow: Dobrosvet, 2000. P. 11-12.
4. Liotard Train.F. The condition of postmodernity. SPb., "Aletheia", 1998.
5. Foucault M. Archaeology of knowledge: – K.: Nika-Tsentr, 1996.; Foucault M. The Will to Truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. M., 1996.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.030

Крутых Е.В.¹, Крутых А.В.²¹ORCID: 0000-0001-9342-0351, Кандидат психологических наук, доцент,

Кубанский государственный технологический университет,

²ORCID: 0000-0003-4012-7383, магистрант, Кубанский государственный университет**ДЕФИНИЦИИ ИГРЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ****Аннотация**

В статье рассмотрены подходы к определению понятия игры в гуманитарных науках. Подробно описывается понятие «игра» в западной научной традиции начиная от Античной философии. Большое внимание уделяется исследованиям российских ученых. Подчеркивается различие между играми взрослых и детей. Игры у детей способствуют интеллектуальному развитию, социализации, носят воспитательный характер. Для взрослых игра является отдыхом. Обращается внимание на то, что любая игра имеет свои правила, временные рамки, ограничена пространством. В статье дается детальный анализ теории игр. Анализируются классификации игр российских и зарубежных ученых. Показано, что игра составляет сущность человека и сопровождает его на всех этапах развития. Дискуссионным остается вопрос происхождения игры.

Ключевые слова: игра, деятельность, теория игры, типология игр.

Krutykh E.V.¹, Krutykh A.V.²¹ORCID: 0000-0001-9342-0351, PhD of psychological sciences, associate professor,

Kuban State Technological University,

²ORCID: 0000-0003-4012-7383, undergraduate, Kuban State University**DEFINITION OF GAMES IN THE HUMANITIES****Abstract**

The article describes the approaches to the definition of the concept of the game in the humanities. It is spoken in detail the concept of «game» in the western scientific tradition from ancient philosophy. Much attention is given to research of Russian scientists. The difference between the adult and children's games. Games help children's intellectual development, socialization, are educational in nature. Adult game is a holiday. Attention is drawn to the fact that every game has rules, time limits, limited space. The article gives a detailed analysis of the theory of games. Analyzes the classification of games of Russian and foreign scientists. It is shown that the game is the essence of man and accompanies him on all stages of development. Still debatable origin of the game.

Keywords: game, activity, game theory, game type.

Проблемой игры исследователи занимаются давно. Она интересна философам, педагогам, психологам, культурологам и многим другим исследователям, рассматривавшим этот феномен с научной точки зрения.

Так, в Большом толковом словаре по культурологии дается следующее определение игры: «вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключен не в результатах, а в самом процессе; форма свободного самовыражения человека...» [9, с. 148].

В педагогике игра рассматривается как вид деятельности, в котором личность проявляется. Суть игры состоит в самом игровом процессе, результат не является значимым [8].

В психологии игра выступает как «форма деятельности в условных ситуациях, направленной на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры» [11, с.121], как общественная практика в особом виде, как форма жизнедеятельности животных.

В.А. Гуцин отмечает несколько подходов к трактовке причин появления теории игры:

1) культурологический – игра изучается в качестве уникального культурного явления и является главной детерминантой ее эволюционирования (М.Ф. Овсянников, М.М. Бахтин, И. Хейзинга, Г. Гессе, Ф. Шиллер, Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Хренов и другие);

2) психологический – игра является средством выражения эмоций, желаний и чувств индивида, некий процесс самовыражения личности, один из видов социального взаимодействия (И.С. Кон, Э. Берн, В.М. Розин, Р. Берне, А.А. Леонтьев, Э. Фромм, Л.С. Выготский, З. Фрейд и другие);

3) социороловой – игра считается основным способом социализации и самопрезентации индивида (Дж.Г. Мид, Э. Гофман, Дж.Л. Морено, Ч. Кули и другие);

4) герменевтический – игра предстает как метод существования и осмысления семантических значений языка (В. Изер, Х.-Г. Гадамер, Н.И. Петров, Л. Витгенштейн, Ю.М. Лотман, Ж. Деррида, П. Армстронг и другие) [7].

Б.Р. Мандель в своей диссертации «Интеллектуальные игры как средство развития профессионально значимых качеств будущего специалиста социально-культурной сферы» приводит классификацию теорий игры:

- теории, опирающиеся на определение биологических факторов;
- теории, базирующиеся на психологических факторах;
- социологические и социально-психологические теории игры;
- универсальные или синтетические теории [14].

Вышеперечисленные теории рассматривают игру в различных аспектах, зачастую не обнаруживая никаких общих черт, и тем самым, по словам Б.Р. Манделя, подтверждая этим неуловимость истинной сущности изучаемого феномена.

Психологи посвящают большое количество исследований изучению игр детей в качестве важной части жизни ребенка по причине того, что в детском возрасте игровой вид деятельности является ведущим. Игра формирует или же способствует развитию различных интеллектуальных навыков, полностью модифицирует мнение ребенка об

окружающем его мире, создается возможность изменения собственного мнения и соотнесения его с иными взглядами. Благодаря игровой деятельности возможен рост уровня мышления и развития новых необходимых навыков [22].

Однако следует отметить, что в психологии редко рассматриваются ситуации, когда играет более старшее поколение, хотя специалисты не отрицают, что игра присуща и взрослым, трансформируясь при этом и меняясь [1].

Сегодня широко известна теория игры К. Гросса. Согласно К. Гроссу, сущность игры заключается в подготовке ребенка к дальнейшей деятельности. Для взрослых игра является дополнением к действительности и разновидностью отдыха. Однако данная теория имеет существенное противоречие. С одной стороны, у К. Гросса игра связывается с развитием человека, а с другой – К. Гросс не указывает мотивы, которые побуждают играть [18].

Другой исследователь игры Г. Спенсер считал, что источник игры находится в избытке сил. Те силы, которые человек не израсходовал в труде, он тратит в игре. Игра является тренировкой, приносящей удовольствие и оказывающей благотворное влияние на организм [20]. Фактически об этом же говорит и К. Бюлер, выдвигая теорию функционального удовольствия.

Интересно представлен феномен игры у Николая Кузанского в его работе «Игра в шар». В ней он признает глубокомысленность игры: «Действительно, у разных наук есть инструменты и игры: в арифметике — ритматия, в музыке — монохорд; игры в шахматы тоже не без тайного нравственного смысла. По-моему, ни одна пристойная игра не лишена какой-то поучительности. И наше упражнение с шаром, такое увлекательное, скрывает в себе, думаю, немало философии» [12, с. 251]. Н. Кузанский первый отметил, что в представлении авторов древности игра является образом, выражением идей и помыслов. Он выделил креативную сторону игры у людей, отграничив ее от игры животных.

Если обратиться к античной философии, то здесь можно выделить отношение к игре Платона. Исследователи выделяют более сотни упоминаний игры в различных контекстах философа. Во-первых, Платон отмечал, что игра свойственна человеку, особенно детям и молодежи. Во-вторых, в его представлении игра не является чем-то серьезным, это шутка, забава, она предназначена для удовольствия. В-третьих, игра не имеет цели, важен сам процесс [13]. Также, следует отметить отношение Аристотеля к игре. Игра у Аристотеля существует для отдыха и удовольствия, поэтому для нее должно быть подходящее время [2].

В период Нового времени интересно отношение Ф. Бэкона к игре, который одно время изучал феноменологию игры. Он считал классические философские системы играми, сформировавшими вымышленные миры, схожие с театральными сценами.

Центром изучения в классической немецкой философии стала эстетическая сторона игры. И. Кант считал, что игра запускает механизмы творческой активности человека. Душевные силы человека связаны с видами игры. Например, игра воображения соответствует познавательным способностям. Шиллер полагал, что человек наиболее полно реализует себя в игре. На его теорию опирался Ф. Ницше при создании своего учения о том, что увеличивающееся влечение к игре является причиной появления новых, других миров [10].

В России XX века с философской и научной точки зрения проблему игры рассматривал Л.С. Выготский, уделяя внимание ролевым играм и их значению в дошкольном воспитании и развитии детей в целом [4]. Д.Б. Эльконин связывал игру с ориентировочной деятельностью, в процессе которой формируется и улучшается координация поведения. Выделяя особо ролевою игру, он отмечал, что она имеет ярко выраженный социальный и воспитательный характер [22]. С.Л. Рубинштейн в своем знаменитом труде «Основы общей психологии», говоря о деятельности, значительное место отводит игре. Он рассматривает, в основном, игровую деятельность ребенка, но, в то же время подчеркивает, что и у детей и у взрослых основное значение игры заключается в способности преобразовать действительность [18].

Х. Ортега-и-Гассет полагал, что жизнь экстраординарных личностей сфокусирована в сфере игровой деятельности, отмечая при этом, что игра находится в оппозиции к обыденной жизни, делая ее неизмеримо ярче. Он считал, что игра и трагедия – способ бытия истинной личности. Индивидуум борется с шаблонным и принятым обществом, следуя только велению собственной свободы воли. Х. Ортега-и-Гассет верил, что искусство является игрой, а игра, в свою очередь, исключает из бытия индивидуумов все, по Ф. Ницше, «человеческое, слишком человеческое» [15].

По мнению Х.-Г. Гадамера, специфика игры предполагает отсутствие усилий со стороны участника игры и получение опыта в качестве расслабления. Для участвующего сама игра не является серьезной ситуацией, но «игра происходит в мире, определяемом серьезностью цели» [5]. Достигнутая цель в игре будет удовлетворять тогда, когда играющий погружается в процесс игры.

С культурологической и философской точек зрения рассматривал игру Й. Хейзинга. В процессе своих исследований он сделал попытку определить сущность и содержание игры. Игра – определенное действие или процесс, имеющее строго установленные временные и пространственные рамки, обязательные правила и цели, добровольно принятые индивидом с сопутствующим ощущением напряжения и радости; с осознанием «иного бытия», нежели обычная жизнь. По мнению Й. Хейзинга, в процессе игры происходит перенос из простого, вещного мира в мир символов и метафор, а после – в мир культуры [21].

Исследователь игры С. Смирнов на основе концепции Й. Хейзинги установил, что у любой игровой деятельности существуют правила и нормы, особая взаимосвязь пространства и времени, она может быть как развлечением, так и серьезным делом. По его мнению, основа всего – особая онтология человека, в рамках которой строится онтология игры.

Также одним из последователей концепции Й. Хейзинги является Р. Кайюа. Он разработал типологию игр, разделив их на четыре типа:

1. игра-агон (agon – борьба, состязание); главным образом, в данную категорию входит спорт, основа – соперничество с нацеленностью на результат – победу;

2. *alea* (жребий, игральная кость); сюда относятся различные азартные игры от пари до рулетки и лотереи, где результат зависит от эфемерного везения и случая. Играющий в подобные игры человек нередко становится жертвой зависимости, вызванной этими играми;

3. *mimicry* (подражание, подражание, имитация); к этому типу относится театр, деловые и ролевые игры и прочее, имеющее в своей основе подражание и исполнение определенных ролей;

4. игра-стихия, считающаяся самой непредсказуемой и неуправляемой; к данному типу относятся любые действия и мероприятия, связанные с риском; это игра со смертью и, в какой-то степени, со случаем, начиная от сильного раскачивания качелей и заканчивая экстремальными видами спорта.

Каждый из перечисленных типов имеет свою локацию, пространство. Так, игра-агон ограничена спортивным залом, стадионом и любым местом проведения соревнований; второй тип – *alea* – ограничен игральным столом, казино; третий – *mimicry* – сценой, площадкой для ролевых игр, аудиторией для деловых игр, а при игре-стихии локацией становится сама жизнь играющего [19].

Человеческая природа игровой деятельности заметна во всех ее формах. Характер любой деятельности человека, игровой в том числе, способы ее осуществления зависят как от условий извне, так и от внутренней оценки индивида. Действие и деятельность в игре неразрывно связаны друг с другом, что определяет игру как очень сложную многоуровневую реальность. И, наверное, неспроста сегодня появились компьютерные игры.

Исходя из рассуждений об игровой деятельности в целом, некоторые исследователи создали различные классификации игр.

Одной из наиболее известных является классификация французского социолога Р. Кеилиоса, которую приводит в своей книге «Игра как она есть или онтология игры» Л.Т. Ретюнских. Р. Кеилиос делит игры на четыре группы:

1. Игры чистого шанса (азартные игры)
2. Игры-соревнования (спорт)
3. Игры, основанные на доверии – «Game of make-believe» (ролевые игры в доктора, няню и др.)
4. Игры-развлечения [17]. Данная группа игр, по мнению Р. Кеилиоса отличается недостатком цели и смысла и поэтому относится к типу продолжающихся (*sequential*) игр.

Интересную классификацию игр дает Н.И. Петров. Он исходит из всеобщей распространенности игр. По словам Н.И. Петрова, он составлял данную классификацию, основываясь на собственном опыте и опыте поколений. В данной классификации пять типов игр.

1. Демонстративные (актер–зритель).
2. Скрытые (противоположность демонстративным, т.е. игры, не считающиеся таковыми).
3. Культурные.
4. Коммуникативные (игры-положения).
5. Герменевтические (психологические тренинги, деловые игры) [16].

Одним из известных людей, затрагивающих теорию игр и внесших значительный вклад, является швейцарец Г. Гессе, издавший в 1943 г. роман-размышление о культурном бытии и о вероятности сохранения духовности в мире игры «Игра в бисер». Благодаря созданию концепции «игра в бисер» получила логическое завершение эстетическая традиция ликвидации разнородных разногласий в области свободной игровой деятельности [6].

Американский психотерапевт Э. Берн считает, что игра распространяется в прошлое и может прогнозироваться на будущее, охватывая сотни лет и передаваясь от поколения к поколению. Рассматривая игру как социокультурный феномен, Э. Берн полагает, что игра для индивидов – компромиссное решение дополнительного времяпровождения и отсутствия опасностей [3].

В заключение отметим, что единого мнения о том, что из себя представляет игра, каковы ее основные функции и виды, не существует. Игра многогранна и многообразна и присутствует на всех уровнях бытия человека и общества. Ее происхождение до сих пор вызывает споры ученых, заставляя их исследовать игру в разных аспектах, обновляя информацию человечества об этом феномене.

Литература

1. Аникеева Н.П. Специфика игровой ситуации / Н.П. Аникеева // Педагогика и психология игры: Межвуз. сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1985. – С. 28 – 49.
2. Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С.376–644.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Лист-Нью; Центр общечеловеческих ценностей, 1997. – 336 с.
4. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии №6. – 1966. – Стр. 62 – 68.
5. Гадамер Х-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1998. – 704 с.
6. Гессе Г. Игра в бисер - М.: АСТ, 2014.- 464 с.
7. Гушин В.А. Игра как средство личностной социализации студентов (социально-философский аспект исследования): дис. канд. филос. наук. Чебоксары, 2005. – 162 с.
8. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.
9. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, АСТ, 2003. – 511 с.
- 10.Королькова А.А. Тема игры в классической и неклассической философии: дис. канд. филос. наук. – СПб.: 2010. – 177 с.
11. Краткий психологический словарь /Ред –сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2 изд, расш., испр. и доп. – Ростов н/Д: «Феникс», 1998. – 512 с.
12. Кузанский Н. Игра в шар //Соч. в 2-х т. – Т.2.- М.: Мысль, 1980. – 471с.
13. Курдыбайло Д.С. Забавы, милые богам... О диалектике игры в диалогах Платона [Электронный ресурс] URL: http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool5/05-Kurdybaylo.htm#_ftn24 (дата обращения 28.04.2016)

14. Мандель Б.Р. Интеллектуальные игры как средство развития профессионально значимых качеств будущего специалиста социально-культурной сферы: дис. канд. пед. наук. М., 2005. – 330 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о Дон-Кихоте. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/razmishleniya_o_don_kihote/ (дата обращения: 17.02.2015)
16. Петров Н.И. Герменевтические игровые феномены. – Саратов: Издат. цент Саратов. гос. экон. акад., 1995. – 190 с.
17. Ретюнских Л.Т. Игра как она есть или онтология игры. – М.: Липецк, 1997. – 143 с.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. – 720 с.
19. Смирнов С. Философия игры (пролегомены к построению онтологии игры). [Электронный ресурс] URL: http://distance.fly-uni.org/pluginfile.php/9779/mod_resource/content/1/Smirnov_Filosofia_igri.pdf (дата обращения: 11.11.2014)
20. Спенсер Г. Основания психологии. – СПб., 1897. – 412 с.
21. Хейзинга Й. Homo ludens (Человек играющий). – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
22. Эльконин Д. Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1978. – 304 с.

References

1. Anikeeva N.P. Specifica igrovoj situacii / N.P. Anikeeva // Pedagogika i psihologija igry: Mezhdvuz. sb. nauch. trudov. – Novosibirsk, 1985. – S. 28 – 49.
2. Aristotel'. Politika // Soch. v 4-h t. – T.4. – М.: Mysl', 1983. – S.376–644.
3. Bern Je. Igrы, v kotorye igrajut ljudi: Psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij; Ljudi, kotorye igrajut v igry: Psihologija chelovecheskoj sud'by. – М.: List-N'ju; Centr obshhechelovecheskih cennostej, 1997. – 336 s.
4. Vygotskij L. S. Igra i ee rol' v psihicheskom razvitii rebenka // Voprosy psihologii №6. – 1966. – Str. 62 – 68.
5. Gadamer X-G. Istina i metod. – М.: Progress, 1998. – 704 s.
6. Gesse G. Igra v biser - М.: AST, 2014.- 464 s.
7. Gushhin V.A. Igra kak sredstvo lichnostnoj socializacii studentov (social'no-filosofskij aspekt issledovanija): dis. kand. filos. nauk. Cheboksary, 2005. – 162 s.
8. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Ju. Slovar' po pedagogike. – М.: ИКС «MarT»; Rostov n/D: Izdatel'skij centr «MarT», 2005. – 448 s.
9. Kononenko B.I. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii. – М.: Veche, AST, 2003. – 511 s.
10. Korol'kova A.A. Tema igry v klassicheskoj i neklassicheskoj filosofii: dis. kand. filos. nauk. – SPb.: 2010. – 177 s.
11. Kratkij psihologicheskij slovar' / Red –sost. L.A. Karpenko; Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Jaroshevskogo. – 2 izd, rassh., ispr. i dop. – Rostov n/D: «Feniks», 1998. – 512 s.
12. Kuzanskij N. Igra v shar // Soch. v 2-h t. – T.2.- М.: Mysl', 1980. – 471s.
13. Kurdybaylo D.S. Zabavy, milye bogam... O dialektike igry v dialogah Platona [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool5/05-Kurdybaylo.htm#_ftn24 (data obrashhenija 28.04.2016)
14. Mandel' B.R. Intellektual'nye igry kak sredstvo razvitija professional'no znachimyh kachestv budushhego specialista social'no-kul'turnoj sfery: dis. kand. ped. nauk. М., 2005. – 330 s.
15. Ortega-i-Gasset H. Razmyshlenija o Don-Kihote. [Jelektronnyj resurs] URL: http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/razmishleniya_o_don_kihote/ (data obrashhenija: 17.02.2015)
16. Petrov N.I. Germenevticheskie igrovye fenomeny. – Саратов: Izdat. cent Sarat. gos. jekon. akad., 1995. – 190 s.
17. Retjunskih L.T. Igra kak ona est' ili ontologija igry. – М.: Lipeck, 1997. – 143 s.
18. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. - SPb.: ZAO «Izdatel'stvo «Piter», 1999. – 720 s.
19. Smirnov S. Filosofija igry (prolegomeny k postroeniju otnologii igry). [Jelektronnyj resurs] URL: http://distance.fly-uni.org/pluginfile.php/9779/mod_resource/content/1/Smirnov_Filosofia_igri.pdf (data obrashhenija: 11.11.2014)
20. Spenser G. Osnovaniya psihologii. – SPb., 1897. – 412 s.
21. Hejzinga J. Homo ludens (Chelovek igrajušhij). – SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2011. – 416 s.
22. Jel'konin D. B. Psihologija igry / D.B. Jel'konin. – М.: Pedagogika, 1978. – 304 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.092

Ликсунова А.С.

Соискатель кафедры философии,

Челябинский государственный университет

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Аннотация

Статья посвящена таким нравственным категориям, как «честь» и «достоинство» в судьбе человека в ретроспективном анализе, а также проблемным вопросам, связанным с их толкованием в различных источниках. Честь и достоинство образуют неотъемлемую моральную составляющую в структуре личности. На сегодняшний день нет единого, четкого определения этих понятий, поскольку данные понятия являются весьма сложными и многогранными для понимания и толкования. Автором анализируется взаимосвязь понятий чести и достоинства, выявляются их сходства и различия.

Ключевые слова: честь, достоинство, этические категории, И. Кант, А. Шопенгауэр, Т. Гоббс, И. Экштейн.

Liksunova A.S.

Applicant of the Department of philosophy,

Chelyabinsk state University

HONOR AND DIGNITY AS AXIOLOGICAL CATEGORIES

Abstract

The article is devoted to such moral categories as "honor" and "dignity" in human destiny in a retrospective analysis, as well as issues related to their interpretation from different sources. The honor and dignity form an integral moral component in the structure of personality. To date, no single, clear definition of these concepts, because these concepts are very complex and multi-faceted understanding and interpretation. The author analyzes the correlation of the notions of honor and dignity, identifies their similarities and differences.

Keywords: honor, dignity, ethical categories, I. Kant, A. Schopenhauer, T. Hobbes, I. Eckstein.

В нашей жизни существует немало таких понятий, которые на первый взгляд кажутся весьма понятными и достаточно простыми, но на деле оказываются весьма тонкими и глубокими для понимания. Так, среди философов и ученых нет единого мнения о трактовке понятий чести и достоинства, но эти темы тревожили умы великих людей во все времена.

У известного философа XX века М. Хайдеггера есть примечательный тезис: «Мыслью осуществляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты - хранители этого жилища. Их стража - осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [6, 31]. Если принять положение Хайдеггера за постулат, то следует, что определив и уточнив понятие чести и достоинства, можно понять их глубинный смысл.

Сегодня тема человеческих ценностей, чести и достоинства актуальна как никогда. Честь и достоинство - этические категории, которые неразрывно связаны между собой, и чаще всего рассматриваются в паре, поскольку являются понятиями взаимодополняющими и взаимовытекающими.

Так, толковый словарь Даля не дает толкования понятию достоинства, но это не значит, что такого понятия не существовало. Понятие достоинства используется автором словаря для выведения другого понятия - чести. «Честь - внутреннее, нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть; заверенье, утверждение; высокое званье, сан, чин, должность; внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтение, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства» [1, 447]. Таким образом, в словаре Даля как бы отождествляется понятие чести и достоинства личности.

Толковый словарь Ушакова трактует достоинство как «положительное качество; необходимые моральные качества, моральная ценность человека» [5, 251]. Понятие чести есть «моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих)» [5, 815]. Таким образом, можно проследить закономерность: в обоих толковых словарях категория чести вытекает из понятия достоинства.

Л. А. Черная выделяет три основные группы значений понятия «честь», среди которых честь как достоинство человека, честь как слава (в особенности воинская), а также честь как святость [7, 16]. Честь как достоинство человека рассматривается здесь в свете глубинной сущности человека.

Ценность человека неоспорима, её нельзя купить или продать. Именно достоинство обладает абсолютной действительной ценностью. Кант видит врожденную ценность человека, и дает этому следующее объяснение: «Принадлежность к роду человеческому (die Menschheit) - пишет И. Кант, - само уже достоинство» [3, 47]. Достоинство здесь понимается как высокое чувство самоуважения, убеждение личности в собственной моральной ценности, а также признание моральной ценности других людей. Таким образом, абсолютно любой человек с рождения обладает достоинством.

Со временем понятие о достоинстве человека усложнялось, становилось более всеобъемлющим и многослойным. Немецкий философ Ф.Шиллер в сочинении «О грации и достоинстве» определяет достоинство как «господство моральной силы над инстинктами есть свобода духа» [8, 122]. Свобода духа выступает здесь как объективное начало. В своем философском произведении «Левиафан» английский философ-материалист Т. Гоббс говорит о том, что достоинство человека зависит от его способностей и добродетелей: «Достоинство человека - вещь, отличная от его стоимости или ценности, а также от его заслуг, и состоит в специальном даровании или способности к тому, достойным чего его считают» [2, 25].

Таким образом, достоинство представляет собой сложное понятие, и является фундаментом прав человека, а права человека, в свою очередь, предназначены для защиты достоинства личности. Достоинство есть специфическая форма самосознания ценности своей личности. К. Маркс, говоря о достоинстве, особо подчеркивал, что это "именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство" [4, 351].

Понятие чести не менее сложное, нежели понятие достоинство. Немецкий философ И. Экштейн рассматривает понятие чести в двух параллельных позициях: честь как духовное «я» человека, то есть внутреннюю честь, и честь как этическую оценку личности, то есть внешнюю честь. При этом внутренняя честь и внешняя честь абсолютно между собой не связаны» [10, 21].

Определения понятия внутренней чести И. Экштейн сводит к двум категориям и их авторов. К первой группе И. Экштейн относит А. Шопенгауэра, Кэстлина а также Вольберга. Ко второй группе И. Экштейн относит Вальтера, Офингейма, Гофмана, а также Штала.

В первой группе находятся те, которые приводят в теснейшее соприкосновение внутренней чести с общественным мнением, то есть с внешней честью:

«...мнение других о нашей цене; субъективно честь представляет наш страх перед этим мнением других», А. Шопенгауэр;

«Честь есть идеальная квинтесенция понятия личности; она есть отраженное от сознания других собственное осознание о цене, какую представляет личность», Кэстлин;

Честь «есть нравственно-общественное понятие, которое мы можем охарактеризовать как особое моральное значение человека, так сказать его все, находящий себе выражение в проявляющимся о нем мнении других », Вольберг.

Таким образом, честь здесь выступает как внешняя оценка личности (репутация).

Ко второй группе (честь внутренняя) принадлежат те, которые оставляют вполне в стороне общественное мнение и внешнюю честь, но в своих рассуждениях, построениях и выводах удивительным образом вновь возвращаются к ней:

«Честь есть состояние безупречного нравственного достоинства», Вольтер;

«Человеку свободному не от кого ждать личной себе чести: только он сам может приобрести её себе», Офингейм;

«Внутренняя честь есть сознание собственной своей цены, вытекающее из нравственной непорочности», Гофман;

«Честь есть сознание человека о своем собственном достоинстве, сознание о себе, как о лице», Шталь.

Таким образом, честь выступает как внутренняя оценка собственных нравственных качеств (достоинство). Философ И. Экштейн также утверждает, что «Существует такая честь, внешняя, которая на человека не распространяется, а касается его лишь вследствие условий посторонних, не в нем самом лежащих. Сюда принадлежит честь должностная. Она является типичным видом чести внешней» [10, 34]. А. Шопенгауэр, подобно И. Экштейну, помимо гражданской и половой чести, также выделяет честь служебную. Среди подвидов служебной чести Шопенгауэр выделяет честь представителей таких профессий, как врача, учителя, ученого, адвоката, судьи, то есть общественных деятелей. В этот же ряд Шопенгауэр относит и истинную воинскую честь. Шопенгауэр справедливо утверждает, что всякая честь обоснована, по крайней мере, из соображения целесообразности [9, 34].

Таким образом, честь есть сложное морально-этическое понятие, у которого нет четкой трактовки, поскольку нет однозначного мнения обо всех глубинных аспектах чести, измерении, содержании, а также о её видах. Справедливо отметить, что есть честь гражданина своей страны, честь половая, служебная честь, офицерская честь. Честь и достоинство являются теми этическими категориями, которые неразрывно связаны между собой и рассматриваются в паре, поскольку являются понятиями взаимодополняющими и взаимовытекающими.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1912. - 904 с.
2. Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. -731с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. - М.: «Мысль». Т. 4. Ч. II. 1783.- 544 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.- 647с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.-8793 с.
6. Хайдеггер М. "Бытие и время". Москва, издательство "Республика", 1993.-84с.
7. Черная Л.А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI - XVII веков. Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. -56 с.
8. Шиллер Ф. О грации и достоинстве.//Шиллер Ф. Собр. Соч. в 6-ти томах. – М.: Художественная литература. 1957. Т. 6. - С.115 -169.
9. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., изд. Экспо, 2015, - 640 с.
10. Экштейн И. «Честь в философии и праве» СПб., 1895. – 52 с.

References

1. Dal'.V. I. (1912). Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.- 904s.
2. Gobbs T. (1991). Sochinenija v 2 tomah. T.2. M.: Mysl'. -731s.
3. Kant I. (1783). Osnovy metafiziki npravstvennosti // Sochinenija v shesti tomah. - M.: «Mysl'». Т. 4. Ch. II.- 544 s.
4. Marks K., Jengel's F. (1956). Iz rannih proizvedenij. M.- 647s.
5. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. (1935- 1940). / Pod red. D. N. Ushakova. M.-8793 s.
6. Hajdegger M. (1993). "Bytie i vremja". Moskva, izdatel'stvo "Respublika".-84s.
7. Chernaja L.A. (1991). «Chest'»: predstavlenija o chesti i beschestii v russkoj literature XI - XVII vekov // Drevnerusskaja literatura. Izobrazhenie obshhestva. M., 1991. -56 s.

8. Shiller F. (1957). O gracii i dostoinstve.//Shiller F. Sobr. Soch. v 6-ti tomah. - M.: Hudozhestvennaja literatura. T. 6. - S.115 -169.
9. Shopengaujer A. (2015). Aforizmy zhitejskoj mudrosti. M., izd. Jekspo, - 640 s.
9. Jekshitejn I. (1895). «Chest' v filosofii i prave» SPb., 1895. - 52 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.020

Мочалова Н.Ю.

ORCID: 0000-0001-9640-6555, кандидат философских наук, доцент,
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА

Аннотация

В статье рассматривается интерсубъективная обусловленность идентичности в рамках реляционной онтологии как фундаментальной формы бытия. Дialeктика обретения самоидентичности анализируется в рамках нарративной теории. Позиции современного философского знания на проблемы персональной самоидентичности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как нарративная связность. Для анализа персональной идентичности художника важна исследованная П. Рикером конструктивная роль искусства. Формой выражения авторской идентичности в искусстве является категория стиля.

Ключевые слова: диалогизм, персональная идентичность, нарратив, онтология художественного.

Mochalova N.Y.

ORCID: 0000-0001-9640-6555, PhD in Philosophy, associate Professor,

Nizhny Tagil state socio-pedagogical Institute (branch) Russian state vocational pedagogical University

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF PERSONAL IDENTITY OF THE ARTIST

Abstract

The article examines the intersubjective conditioning of identity in terms of a relational ontology as fundamental forms of being. The dialectic of attaining self-identity is analyzed in the framework of narrative theory. The position of modern philosophical knowledge to the problems of personal self-identity share a common understanding of the Foundation of the identity expressed in narrative coherence. For the analysis of personal identity of the artist was investigated by P. Ricoeur a constructive role of art. Form of expression of author identity in art is a category of style.

Keywords: dialogizm, personal identity, narrative, ontology of art.

Категория «идентичность» проявляет динамичность индивидуального бытия во времени, а не некую устойчивую вневременную сущность, имманентно присущую индивидуальности. Обретение новой тождественности – итог исторического, временного изменения жизненной ситуации, особенностей ее деятельности или соответствующего ей сознания и самосознания. Важно учитывать конституированность феномена персональной идентичности процессом ее формирования и изменяющимися межсубъектными отношениями. Следует рассматривать проблему персональной идентичности как проблему определения границ человеческого Я, персонального измерения человека, его уникального отличия от других.

Изначальная процедура самоидентификации сопряжена с определением внешнего, извне бытия. Именно иное, вневременное, не-Я ограничивает поле моего персонального существования, идентифицирует мою самость. Как писал С. Жижек, «для обретения самоидентификации, самоидентичности субъект должен идентифицироваться с воображаемым другим – должен подвергнуть себя отчуждению, выявить свою идентичность вовне себя...» [1, с.110]. Непрерывность и связность являются необходимыми условиями персональной идентичности, которые могут быть реализованы «в специфических условиях интерсубъективности, где самопонимание человека неотделимо от реакций на него других людей, прежде всего – составляющих круг, в котором человек вращается» [2, с.10].

Парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая динамичные отношения как фундаментальную форму бытия. Эта междисциплинарная идея в различных аспектах научных исследований нашла отражение у Ч. Пирса, У. Джеймса, Р. Карнапа, М. Бахтина, В.А. Малахова, И.В. Ватина, Е.Г. Трубиной, Е.О. Труфановой и П. Рикёра. Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью.

«Люди существуют в истории, она не завершена, как не завершены и они сами, но с самого начала конституэнтном их самоопределения являются их отношения с другими людьми», - изначально определяет важность интерсубъективных установок Е. Г. Трубина [3, с. 53]. В диссертационном исследовании автора интерсубъективная концепция персональной идентичности рассматривается как философия нарратива, как рассказ человека о себе, складывание истории жизни. Персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, поэтому методологическим пространством, в котором разворачивается данное исследование, становится прежде всего герменевтика. Герменевтика доказывает, что самопознание и самопонимание человека есть интерпретативный процесс, составляющий важную часть онтологии субъекта. Согласно такой позиции, персональная идентичность оказывается опосредованной своей собственной интерпретативной активностью.

Нам импонирует продуктивная идея исследования Е.Г. Трубиной о рефлексии личности как креативном процессе самоконструирования применительно к модифицируемой персональной идентичности художника. Обратимся к герменевтике в варианте П. Рикера как методологически тонкому и адекватному исследованию персональной

идентичности, опосредованной своей собственной рефлексией. П. Рикер вычленяет личный и безличный аспекты человеческих взаимоотношений, объективируемых в языковых формах, политических, правовых институтах, художественной деятельности [4]. У Рикера безличные отношения с другими людьми не трактуются как однозначно негативные. Именно эти отношения в большей степени и формируют конкретное бытие человека, плоть его повседневности, проявляя «воплощенное». П. Рикер настаивает на том, что реально деятельный характер человеческой жизни проявляется через поступки, которыми человек выстраивает историю своей жизни как чередуемое расположение фактов. Это конструктивное, воплощенное повествование о себе другим, являясь воспроизведением деятельного отношения к жизни, составляет основу идентичности человека и для себя, и для других. (Такой деятельностный методологический подход П. Рикера к определению персональной идентичности в аспекте нашего исследования более предпочтителен в сравнении с методологией Е. Трубиной, согласно которой креативность персональной идентичности выводится из авторской рефлексивности, стройности собственного нарративного анализа).

Рикер стремится по-новому говорить о личности, определяя ее как «очаг позиций», субъекта вовлечения. Прежде всего, личность – это бытие, для которого сущностным определением его участи является перелом, кризис, выходящий за пределы экономического, социального и культурного пространства [5]. Речь идет об экзистенциальном понимании кризиса человеческого существования. Персональный кризис человека, по Рикеру, включает в себя следующие моменты: ощущение себя «сдвинутым с места»; утрату ценностных ориентиров; предельное чувство невыносимости, возникающее как следствие крайней неустойчивости и неопределенности внутреннего состояния. Ответом человека на кризис является принятие им новой позиции, «личность – позиция» как поведения во времени: создание новой шкалы ценностей, способной воодушевить человека, вернуть новый смысл и цель. Вовлеченность оценивается уже не как черта личности, а как императив, становится ее критерием: личность отождествляет себя с превосходящим ее делом. Критерий вовлеченности проявляется в такой добродетели, как «верность делу», сосредотачивающей деятельность человека относительно выбранного направления. Благодаря «верности делу» человек обретает собственную идентичность.

Для нашего анализа персональной идентичности художника важна исследованная П. Рикером конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении его самости. Художественный текст за счет деятельного характера расположения фактов творчески подражает действительности («мимесис») и, будучи прочтенным другим, вызывает к себе отношение, основанное на идентификации (персонажа и воспринимающего). Именно благодаря идентификации меняется сам читатель, происходит рефигурация его самости. Изменения идентичности читателя через текст не происходит механически, однонаправлено. Читатель сам создает свое отношение к тексту, его автору, также творчески-активно он может, не ограничиваясь иллюзорным миром фантазий, изменить и свою жизнь в соответствии с новой идентификацией. Познание себя подлинного через преобразование себя дает человеку шанс стать таким, каким он себя познает. Тогда моя конструкция себя – это не самообман, не кажимость, а сознательно осуществляемая позиция.

Только такое понимание идентичности как деятельной реализации, выражаемой в повествовании о себе и для себя, по П. Рикеру, устойчиво к испытанию, которому подвергается человек в современной культуре, переживая кризис своей идентичности. Об этой оптимизирующей социокультурной предназначенности искусства говорит анализ исторических форм художественной репрезентативности.

Итак, персональная идентичность формируется через диалектическое единство автономного, убежденного в своих правах и возможностях человека с другими людьми, которые подтверждают укорененность личности в социальной реальности и способствуют ее творческому самораскрытию и реализации.

Пространство само-обозначения как самопризнание, как осмысленное изложение последовательных образов «я могу» является для П. Рикера конкретной феноменологической данностью, подтверждающей диалектику самоидентичности и самости через нарративную историю [6, с. 90]. «Персональная тождественность должна установить определенные отношения между психологической непрерывностью и связностью личности. От личности не требуется всегда соответствовать «единству слова и дела», важен рассказ о себе от своего имени, от первого лица, от имени Я (нарративная связность). Если этот рассказ связан и последователен – идентичность налицо», - заключает свое исследование Е.Г. Трубина [6, с.145].

Рассмотренные позиции современного философского знания на проблемы персональной самоидентичности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как нарративная связность. Последняя понимается как когерентная история личности о самой себе, история своей жизни. Осознавая ненадежность искренности рассказа о своей жизни, Е. Трубина тем не менее не подвергает сомнению достаточность нарративного дискурса как критерия самоидентичности на том основании, что «он является результатом действий самой персоны» и «обусловлен активной авторизирующей (творческой) работой личности как действующего агента по интеграции и материализации планов и проектов личности» [6, с.146].

Действует ли этот критерий применительно к субъекту художественной деятельности, способен ли внутренний связный (?) рассказ о планах своего творчества, об оценке его результатов стать достоверным показателем тождественности личности творческого человека? Достаточно ли саморефлексивной оценки себя как художника (успешного или непризнанного, верного своим принципам или предавшего свой талант, принимаемого обществом или отвергнутого им) или нет? Как совместить в одном человеке две ипостаси – собственно человеческую и творческую? Должны ли они находиться в абсолютном согласии с собой, либо принцип творческого рассогласования, диспозиционности, неуспокоенности сущностно необходим для творческой состоятельности?

Художественно-онтологическая проблема самоидентичности художественной личности, условий реализации идентичности художника в творчестве и посредством бытия в искусстве требует рассмотрения многих онтологических аспектов системы «творец – творение». Создаваемая художником художественная реальность содержит экзистенциальный компонент субъективности ее создателя. Уникальное исследование специфической

художественной онтологии провел Л.А. Закс в работе «Проблемные поля онтологии искусства», усматривая бытие и функционирование искусства в рождении художественной реальности как «таинственно-чудесного единства ее бытийности и художественности» [7]. По мысли автора, парадоксальность исследования искусства заключается в том, что «в искусстве, в его специфическом художественном идеальном «пространстве» художественность и бытийность (онтологичность) функционально сопряжены, «системны», взаимополагают друг друга и, самое главное, имеют общие корни, так что чисто феноменологически невозможно мыслить их порознь или по традиционной каузальной схеме «причина – следствие»» [7, с.23]. Ведь, по сути, идеальный мир художественного произведения воспринимается и переживается нами как художественный только при условии его «бытийного воздействия», имеющего идентичную нашей самобытную и самодвижущуюся реальность, которая, при всей ее онтологической иллюзорности, способна создать эффект подлинно художественного восприятия и переживания.

В своем «бытии для нас» художественная реальность при всей ее «вымышленности», «культурной сделанности», «искусственности» должна восприниматься как абсолютно естественное, подлинное, непреднамеренное, органичное живому человеческому, природному бытию явление. «Эффект реальности» как существенный признак бытия художественного мира должен быть осмыслен двояко. Прежде всего, это «узнавание» чужого-своего, иллюзия признания, самоотжественности через художественную условность, укорененность своей самости в чужой идентичности. Но, независимо от непосредственного акта художественного восприятия, «эффект реальности» гарантирует особый статус самозаконного существования художественной реальности, обладающей своими уникальными пространством, временем, самодвижением, логикой, закономерностями, системностью и целостностью. Это самодостаточное художественное «бытие в себе и для себя», обладающее собственной органикой существования, неподвластной даже силе авторского сознания.

Существует ли некая инвариантная программа художественной деятельности творца, и если таковая существует, выполняет ли она системообразующую роль в его деятельности? Согласившись с идеей целостности и интегративности художественного мироотношения, исследователь неизбежно встает перед задачей обнаружения конкретных форм воплощения авторской идентичности художника как уникального художественного феномена.

Формой выражения целостного своеобразия художественного творчества конкретного художника является категория стиля. Будучи репрезентативной формой самоотжественности авторский стиль как попытка самоопределения испытывает давление со стороны объективных механизмов реализации индивидуальной программы творчества, подчинения культурным формам и мифологемам. Выбор определенной авторской стратегии творчества не может быть абсолютно произвольным.

Не согласившись с идеей целостности и интегративности художественного творчества как атрибутивных характеристик последнего, исследовательский интерес перенаправляется в сторону размагничности, отсутствия интенционального ядра творческих усилий художника, смене парадигм деятельности. В подобной ситуации анализа деятельности художника исследователь неизбежно должен определиться относительно критериев персональной идентичности – формальных (стилевых) или содержательных (идея, тема). В философии искусства до сих пор не выяснено, что определяет и настойчиво воздействует на творческое кредо художника, каковы механизмы воплощения авторских интенций.

Обращение к теме авторской идентичности в искусстве [8] с необходимостью требует обращения к важнейшим проблемам психологии художественного творчества, в русле которых ментальный план деятельности субъекта является либо самодостаточным, либо мягко детерминируемым. Насколько возможно проникнуть в сокровенное ядро художественного творчества, в мастерскую его планов, идей, концептов? Желает ли сам художник быть узнаваемым, понятным и узнаваемым, определимым? Где граница, до которой нас допускает автор в своем творчестве и желании быть «разгаданным», и можем ли мы отождествить его с многочисленными образами – масками, разъясными или срывающимися его Я?

Логика изложения требует обратиться к проблеме соотношения художника и его творчества, и влияния последнего на возможности осмысления художником себя как самоотжественного субъекта, сохраняющего верность сущностно-ценностному, эмоционально-смысловому, предметно-символическому выражению себя в мире.

Литература

1. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронов.- М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
2. Марсель Г. Быть и иметь / пер. с фр. И.Н. Полонской. – Новочеркасск.: Издательство САГУНА, 1994.- 160 с.
3. Трубина Е.Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филос. наук. Екатеринбург. 1996.- 47 с.
4. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. очерки о герменевтике / пер. с фр., - М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
5. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Поль Рикёр; пер. с фр., - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.- 268 с.
6. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.- 197 с.
7. Закс Л.А. Проблемные поля онтологии искусства //Онтология искусства: Сборник научных статей. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. – 268 с.
8. Кривцун О.И. Творческое сознание художника. - М.: Памятники исторической мысли, 2008.- 376 с.

References

1. Zhizhek S. Vozvyshennyj objekt ideologii / per. s angl. V. Sofronov.- M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. – 234 s.
2. Marsel' G. Byt' i imet' / per. s fr. I.N. Polonskoj. – Novocheckassk.: Izdatel'stvo SAGUNA, 1994. – 160 s.
3. Trubina E.G. Personal'naja identichnost' kak social'no-filosofskaja problema. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoj stepeni doktora filos. nauk. Ekaterinburg. 1996. – 47 s.

4. Rikjor P. Konflikt interpretacij. očerki o germenevtike / per. s fr., - M.: Akademicheskij Proekt, 2008. – 695 s.
5. Rikjor P. Put' priznanija. Tri očerka / Pol' Rikjor; per. s fr., - M.: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. – 268 s.
6. Trubina E.G. Rasskazannoe Ja: Problema personal'noj identičnosti v filosofii sovremennosti. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. – 197 s.
7. Zaks L.A. Problemnye polja ontologii iskusstva //Ontologija iskusstva: Sbornik nauchnyh statej. – Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2005. – 268 s.
8. Krivcun O.I. Tvorčeskoe soznanie hudožnika. - M.: Pamjatniki istoričeskoj mysli, 2008. – 376 s.